

В. К. НИКОЛЬСКИЙ.

ПРЕПОД. I МОСКОВСК. ГОСУД. УНИВ.

ОЧЕРК

ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ
С 54 РИСУНКАМИ В ТЕКСТЕ
И 5 ТАБЛИЦАМИ

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
ПРОФЕССОРА В. А. ГОРОДЦОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ
МОСКВА ПЕТРОГРАД

1924

От редакции.

В наши дни ученые, учителя, самая широкая публика, и образованная и просто хорошо грамотная, проявляют столь исключительный интерес к первобытной культуре, что всякое предисловие о важности этой темы покажется напрасной тратой времени и бумаги. Несколько слов хочется сказать только об особенностях предлагаемой книжки.

Основной задачей ее служит не сообщение самых неоспоримых выводов новейшей науки о доисторических судьбах человеческого рода^{*)}, а введение читателя в научную лабораторию, где эти выводы вырабатываются. Книга больше всего избегает самоуверенного догматизма, к сожалению, столь обычного в нашей популярной литературе. Все свои утверждения она стремится обосновать на данных научных наблюдений, «показать» их справедливость на иллюстрациях, воспроизводящих уцелевшие остатки доисторической жизни. Пусть вместо яркой картины умолкнувшей жизни перед читателем встают только неясные очертания, какие-то привидения и обломки ее. Первобытная культура вообще монотонна и бедна драматизмом. Немые памятники молчат о неведомых войнах воинственных, но безыменных племен. Тысячелетиями жизнь почти неподвижна. Путем сравнений с современными дикарями книжка

^{*)} Книжка, стремясь к образовательной полновесности, не избегала основных иностранных терминов, географических и личных имен, знание которых необходимо мало-мальски образованному человеку. Но она предназначается для широкой читательской массы, почему и стремится всячески облегчить усвоение материала. К книге приложен словарный указатель предметов и авторов.

пытается оживить этих ископаемых людей, пытается уловить биение их пульса и проследить рост изменений в их жизни на протяжении уходящих веков и тысячелетий. Вводная статья известнейшего археолога проф. В. А. Городцова, «Археологическая классификация», устанавливает те ступени, по которым шла восходящая эволюция первобытной культуры.

Но все же мало жизни, мало движения в этом ископаемом человечестве. Книжка ограничивается только временами камня: она боится утомить читателя созерцанием этой жутко безмолвной ископаемой культуры. Современные исследователи на этом кладбище кажутся самыми живыми, самыми близкими нам людьми. Те искусные приемы, какими они восстанавливают навеки замолкшие культуры, невольно захватывают наше внимание. У читателя у самого на каждом шагу зарождается вопрос: откуда известно то или это? Его мысль приучается к самостоятельности, его критическое чутье растет. Не только «просвещать», освещая прошлое, стремится эта книга, но и «зажигать» в читательских умах новые огни, светящие для окружающих *).

*) К книге приложен указатель литературы, приспособленный к трем категориям читателей.

ВВЕДЕНИЕ.

Археологическая классификация.

«Классификация», — по словам Дж. Ст. Милля, — „есть мера для возможно лучшего приведения в порядок в нашем уме идей о предметах». Ее задача — «заставить думать о вещах в таких группах, а об этих группах в таком порядке, чтобы скорее запомнить и обнаружить их законы» *). Выражаясь иначе, смысл классификации усматривается в сведении бесконечного разнообразия явлений к минимуму, удобно охватываемому памятью.

Далее, логика требует: 1) чтобы деление целого производилось на едином основании (*principium divisionis*); 2) чтобы подразделения (*partes divisionis*) взаимно исключали друг друга; 3) чтобы отделы соподчинялись один другому и 4) чтобы в основание деления полагался существенный, а не случайный признак.

При изучении всяких явлений весьма важное значение имеет классификация времени, иначе называемая хронологией. В современных науках имеются два вида ее: 1) точная, или абсолютная, и 2) относительная хронология. В основу первой положен принцип движения земли вокруг солнца и собственной оси. Время первого движения названо годом, второго — сутками; сутки подразделены на часы, минуты и секунды. Такое счисление времени применяется при изучении явлений не только на земле, но и на всех планетах и звездах, доступных человеческому исследованию. К сожалению, абсолютная хронология с ее точным измерением времени приложима далеко не ко всем явлениям прошедшего. Геолог не может ответить, сколько времени тому назад начались и сколь быстро протекали

*) „Система логики“, II, 258.

великие процессы покрытия корой расплавленного, как думают, земного шара и развития на нем растительного (флоры) и животного (фауны) миров. Ясно лишь, что они потребовали такого большого промежутка времени, в котором совсем тонет краткое, сравнительно, прошлое человека. Но и последнее только с изобретением письменности, т.-е. примерно с пятого тысячелетия до Р. Хр., постепенно начинает поддаваться измерению в точных цифрах абсолютной хронологии, колеблющихся от тысячелетий до годов, дней и даже часов и минут. Весь же отдел прошлого человечества, не оставивший письменных памятников, носит название доисторического, или первобытного. Археолог, изучающий его по вещественным памятникам, подобно геологу, должен прибегать к помощи относительной хронологии. Введение ее в употребление скоро убедило в большой пользе: получилась возможность изучать явления земной и человеческой жизни в самой строгой системе и в той последовательности, в какой они находились в отношении к великому потоку времени.

Естественноиспытатели выяснили, что флора и фауна за период своего существования, благодаря непрерывной эволюции, несколько раз меняли свой вид. Эти перемены и положили в основу хронологических делений. Но так как виды органических существ изменяются не одинаково быстро и являются не одинаково распространенными, то в основу деления положено развитие только некоторых морских животных (моллюсков), пользовавшихся наиболее широким распространением и в смене форм имевших наибольшую равномерность. В настоящее время единицей геолого-палеонтологической хронологии считается тот «промежуток времени, в продолжение которого весьма распространенные и, при современном состоянии науки, хорошо изученные морские животные в значительной своей части остаются неизменными».

Конечно, можно возражать и возражают против единицы геологической хронологии, но достоинства последней значительно превышают недостатки, и оказали огромное влияние на развитие науки.

Не раз делались попытки применить геолого-палеонтологические основы деления и в хронологической классификации археологии.

Их оставили лишь тогда, когда убедились в превосходстве классификации на основах прогрессивного развития разных явлений человеческой культуры. Однако и последние классификации до сих пор не получили вполне научной формы. Причина такого явления, несомненно, кроется в недостаточно глубоком знании свойств предмета и недостаточно широких кругозорах освещения его. Для того, чтобы следить за развитием жизни человека с момента его появления и до наших дней, необходимо подняться на такую высоту, с которой можно было бы наблюдать весь земной шар, как арену его действия, и овладеть таким зеркалом, в котором отражались бы все явления, сопутствующие его развитию. С такой точки зрения жизнь человека и его предков легко делится на два отдела: 1) отдел доиндустриальной и 2) отдел индустриальной жизни (табл. 1 в конце книги). Доиндустриальная жизнь условно характеризуется отсутствием орудий труда, индустриальная же — присутствием их. Изучению археологии подлежит только индустриальный отдел жизни, причем время его обозначается первым сознательным сооружением бытовых орудий и нашими днями; это время, в каждый переживаемый нами момент, является совершенно определенной величиною.

Возникает вопрос, на основании каких признаков можно было-бы разделить индустриальное время на части, соответствующие научным требованиям хронологической классификации? Очевидно, такие признаки в своей совокупности должны быть равны всему индустриальному времени, сопутствовать ему на всем протяжении, быть важными и характерными в развитии общечеловеческой индустрии. Наиболее отвечающими этим требованиям, как уже давно решено наукою, являются орудия труда, которые, в продолжение времени своего существования, постепенно развивались, переплощаясь из одного вещества в другое и вызывая все более и более совершенные технические приемы их обработки. Все это дает возможность установить целые ряды взаимно соподчиненных делений времени их существования.

Прежде всего, основываясь на хронологическом порядке смены вещества орудий, устанавливаются два новых крупных отдела:

1) каменных и 2) металлических орудий, причем пунктом деления должно быть первое сознательно при помощи огня*) обработанное металлическое орудие. Деление индустриального времени получается чистое, без остатка, но неравномерное, так как время употребления каменных орудий во много раз более времени употребления металлических орудий (табл. 1).

Внимательно изучая процесс развития орудий труда на всем протяжении времени их существования, можно заметить, что они являлись выражением совершенствования техники их обработки и что смена одних технических приемов другими, лучшими, дает возможность подразделить время на более мелкие части, хорошо соподчиняющиеся названным крупным отделам. Технические приемы обработки орудий, как увидим ниже, совершенствовались и сменялись в следующем порядке:

1) первичное приспособление естественных камней и осколков для пользования ими в роли орудий труда посредством более или менее грубых, но методичных приемов их ретушировки (оббивки);

2) усовершенствованный и строго методичный прием обработки кристаллических (кремневых, обсидиановых и др.) галек способом стесывания (*martellement*), когда галька превращается в орудие;

3) прием обработки камня способом скалывания (*percussion*) или, еще вернее, *éclatement*, т.-е. расщепления гальки (куска камня) на осколки, когда середина гальки превращается в нуклеус;

4) обработка каменных орудий отжимниками (*pression*);

5) обработка каменных орудий полированием;

6) обработка металлических орудий отливкою их в формах; этим техническим приемом вырабатывались медные и бронзовые орудия;

7) обработка металлических орудий горячей ковкой — техническим приемом, применяющимся до сих пор при выработке железных орудий.

*) Очень вероятно, что сначала человек обрабатывал металл (золото, медь) путем холоднойковки, но это не было началом металлического периода так как человек в металле мог видеть лишь особую породы камень, имевший способность не раскалываться, а сплющиваться от ударов.

Таким образом получается возможность разделить индустриальное время на 7 отделов (см. табл. 2, графу «эпоха»).

Развитие форм орудий, выработанных тем или другим техническим приемом, дает возможность подразделить полученные отделы на еще меньшие подотделы, распределяющие индустриальное время на более равномерные мелкие доли.

Остается подобрать и установить подходящие названия (термины) всех намеченных подразделений. Правил для этого не существует, но рекомендуется приспособлять старые имена, предпочтительнее пред новыми, так как первые, иногда даже несмотря на их неточность и ненаучность, настолько глубоко и прочно укореняются в сознании людей, что их бывает весьма трудно заменить другими, хотя бы самыми совершенными. Однако, считаясь с таким явлением, наука несколько не обязана подчиняться ему рабски, и, где требует логика и здравый смысл, свободна делать нововведения.

При разработке терминологии прежде всего устанавливаются общие имена и затем частные имена подчиненных им классов. Как ни странно, но до сих пор общие имена хронологической классификации в археологии не получили точного определения. Датские ученые Томсон и Ворсо, впервые вырабатывая классификацию, установили только два общих имени: 1) время и 2) век. Время ими делилось на три века: 1) каменный, 2) бронзовый и 3) железный. Из этого видно, что под «временем» ими разумелась индустриальная часть времени существования человека, а под «веками» — отделы этой части. Оба имени неудачны: понятие «времени» слишком обширно и обще, и его удобнее употреблять для обозначения всей жизни человека (доиндустриальной и индустриальной). Имя «век» заимствовано из геологической классификации времени, где оно обозначает низший основной класс деления. Но что удобно в одной науке, может быть совсем неудобным в другой. Геология, стоящая так далеко от абсолютной хронологии, имела возможность пользоваться термином «век», несколько не опасаясь скрещивания этого термина с «веком» в значении столетия. Совсем иначе обстоит дело в археологической классификации, где приходится (особенно в позднейших отде-

лах) постоянно сталкиваться с термином «век» в его значении столетия; поэтому введение этого термина в условном значении дает дублированные понятия, а это и указывает на неудачность выбора его, как общего имени.

Ни в одной из существующих классификаций, ни в самой распространенной, принадлежащей Г. и А. Мортилье^{*)}, ни в менее распространенных, напр., Форрера и Ф. Сальмона, сочетание и выбор терминов не могут быть признаны строго научными. В виду этого нами сделан опыт новой терминологии, в которую введены все подходящие старые термины, но с более соответствующим значением, причем археологическая классификация принимает такой вид (см. таб. 2):

Т а б л и ц а 2.
Хронологическая классификация.

Эра.	Период.	Э п о х а.	Ш о р а.
П и д у с т р и а л н а я.	Металлический.	Неометаллическая (железная).	Поздняя. Средняя. Ранняя.
		Палеометаллическая (бронзовая).	Поздняя. Ранняя.
	К а м е н н ы й.	Неолитическая.	Поздняя. Средняя. Ранняя.
		Палеолитическая.	Поздняя. Средняя. Ранняя.
		Мезолитическая.	Поздняя. Средняя. Ранняя.
		Археолитическая.	Поздняя. Средняя. Ранняя.
		Эолитическая.	Поздняя. Средняя. Ранняя.

^{*)} A. de Mortillet. „La classification paléthnologique“, 1908.

В настоящей классификации все термины связываются с временем и развитием общечеловеческой индустрии. Количество терминов для современного знания археологической науки вполне достаточно, в будущем же оно может быть удобно увеличено.

В тех случаях, когда культуры одной и той же поры хронологически расслояются, вводятся добавочные деления на горизонты: нижний (древнейший), средний и верхний (позднейший); этим исчерпывается весь имеющийся археологический материал с наибольшую точностью.

Созданная таким образом классификация, имея вполне международный характер, является вместе с тем легкой и удобной для запоминания. Приводим характеристику и значение ее терминов.

Время человеческой жизни делится на две эры: 1) доиндустриальную и 2) индустриальную, соответствующие плиоценовым (верхним третичным), плейстоценовым (четвертичным) и современным образованиям земной коры. В течение этого времени человек выделился из животного царства, сильно обогнав всех представителей последнего в умственном развитии, благодаря которому началась и блестяще развилась его индустриальная деятельность.

I. Доиндустриальная эра, по данным современного знания, совпадает с плиоценом и, вернее, со второй, чем с первой его половиною, когда совершался переход от антропоморфных приматов к человеку, ставшему предком всего человеческого рода. Плиоценовому предку человека некоторыми представителями антропологии и археологии приписываются каменные орудия, которые, однако, большинством авторитетнейших ученых признаются за камни, обработанные самою природою.

II. Индустриальная эра совпадает с временем плейстоценовых (четвертичных) образований земной коры, представляющих последнее крупное деление в геологии. Индустриальная эра характеризуется памятниками человеческой разумной деятельности и по степени совершенства орудий труда и их материала подразделяется на два периода: 1) каменный и 2) металлический (см. табл. 1 и 2).

1. Каменный период характеризуется употреблением каменных орудий и полным отсутствием орудий металлических. Каменный

период подразделяется на пять эпох соответственно пяти ступеням постепенного развития техники обработки каменных орудий, а именно: А) эолитическую, В) археолитическую, С) мезолитическую, D) палеолитическую и Е) неолитическую.

А. Эолитическая эпоха соответствует древнейшим четвертичным отложениям земной коры. В эолитическую эпоху, несомненно, существовали примитивные человеческие расы, останки которых, однако, до сих пор не найдены, кроме костей питекантропа (*Pithecanthropus erectus*), принимаемого одними учеными за предка семейства *homo* (человек), а другими — за ближайшую к нему ветвь антропоморфных (человекоподобных) существ. В эолитической эпохе относятся каменные орудия первичных форм. Их искусственное происхождение доказывается методично располагаемой ретушью и некоторой специализацией форм, приспособленных к бытовым потребностям. Эпоха разделяется на три поры: а) раннюю, б) среднюю и в) позднюю, которые временно, за недостаточностью собранного археологического материала, характеризуются геологическими условиями залегания его в почве и сопровождающими ископаемыми организмами (см. табл. 1, «графу фауны»).

В. Археологическая эпоха совпадает, приблизительно, со второй межледниковой эпохой; она характеризуется присутствием в Европе одной из очень примитивных человеческих рас — *Homo Heidelbergensis* (Гейдельбергского человека), остатками ископаемых особой фауны (табл. 1) и каменными орудиями, преимущественно тесаной техники. Эпоха делится на три поры: а) раннюю, б) среднюю и в) позднюю.

а) Ранняя пора характеризуется появлением первых тесаных орудий (*coup de poing*) стрепийского типа (табл. 1).

б) Средняя пора характеризуется более усовершенствованными тесаными орудиями (*coup de poing*) шёлльского типа (табл. 1).

в) Поздняя пора характеризуется более аккуратной и тщательной обработкой тесаных орудий (*coup de poing*) шёлльского типа (табл. 1).

С. Мезолитическая эпоха совпадает с временем третьей ледниковой эпохи и характеризуется присутствием в Европе более разви-

той человеческой расы — *Homo Neanderthalensis* (Неандертальский человек), особой, так называемой мамонтовой фауной и каменными орудиями почти исключительно сколотой техники. Эпоха делится на три поры: а) раннюю, б) среднюю и в) позднюю.

а) Ранняя пора характеризуется более тяжелыми сколотыми орудиями типа Levallois (Леваллуа) (табл. 1).

б) Средняя пора. Сколотые орудия значительно улучшаются, получают более тщательную ретушь (табл. 1).

в) Поздняя пора характеризуется более легкими сколотыми орудиями с аккуратною ретушью, переносимую иногда на нижние плоскости, что особенно сильно отличает их от орудий средней поры (табл. 1).

Д. Палеолитическая эпоха совпадает с временем третьей межледниковой, четвертой ледниковой и отчасти послеледниковой эпохами (табл. 1). Эпоха характеризуется появлением в Европе современных человеческих рас (*Homo sapiens*) и каменными орудиями отжимной техники; в то же время получают начало и цветущее развитие костяная индустрия и изящные искусства. Эпоха делится на три поры: а) раннюю, б) среднюю и в) позднюю.

а) Ранняя пора характеризуется довольно крупными отжимными орудиями ориньякского типа, появлением изделий из кости и произведений искусства в виде скульптуры, гравюры и живописи (табл. 1).

б) Средняя пора. Формы каменных орудий совершенствуются, и некоторые из них получают полную ретушировку с обеих плоских сторон. Типы — мустье (табл. 1). Скульптура и гравюра продолжают свое развитие.

в) Поздняя пора. Формы каменных орудий упрощаются и величина их уменьшается. Типы — мадленские (табл. 1). Костяные изделия получают блестящее развитие. Скульптура, гравюра и роспись красками доводятся до наивысшего процветания, какого они достигали в каменный период, и затем быстро падают.

Е. Неолитическая эпоха соответствует современному геологическому периоду и характеризуется появлением совершеннейших

технических приемов обработки каменных орудий посредством полирования, опиловки и сверления, а также появлением керамики, прирученных домашних животных и культурных растений. Эпоха делится на три поры: а) раннюю, б) среднюю и с) позднюю.

а) Ранняя пора. Кремневые орудия—малых размеров (микролиты); формы их представляют как бы вырождение мадленских форм. Костяная индустрия значительно понижается. Изящные искусства уничтожаются или становятся незаметными. Появляются первые полированные каменные орудия в виде топориков (*tranchet*) и долота. Приручается собака—*Canis familiaris*.

б) Средняя пора. Полированные кремневые топоры и долота получают дальнейшее развитие. Прочие формы орудий также улучшаются и увеличиваются в размерах, местами получая вид макролитов (каменных орудий крупных размеров). Оживляется костяная индустрия и изящные искусства в виде гравюры и примитивной скульптуры. Керамика также улучшается. Появляются речные суда.

с) Поздняя пора. Каменные орудия обработаны при помощи полирования и распиливания камня. Топоры получают сверлины. Костяная индустрия, керамика и изящные искусства еще более улучшаются. Приручаются виды домашних стадных животных (коровы, свиньи, козы, овцы) и культивируются полевые злаки (пшеница, ячмень, лен, просо). Появляются твани и рыболовные сети.

2. Металлический период совпадает с историческим временем развития общечеловеческой культуры и позднейшими отложениями почвы современного геологического периода. Период делится на две эпохи: А) палеометаллическую, или, как нечто ее называть, бронзовую, и В) неометаллическую, или железную.

А. Палеометаллическая (бронзовая) эпоха характеризуется появлением сначала медных, а потом бронзовых орудий. Эпоха подразделяется на две поры: а) раннюю и б) позднюю.

а) Ранняя пора характеризуется литыми медными орудиями. В начале поры их было мало: господствовали каменные орудия, достигшие как раз в это время высшего совершенства, но в конце поры число медных орудий значительно увеличилось.

б) Поздняя пора характеризуется бронзовыми орудиями, наряду с которыми, однако, повсюду существуют не только медные, но и каменные. Вводится орнаментация металлических орудий.

В. Неометаллическая (железная) эпоха. Появляются и распространяются железные кованые орудия. Индустрия достигает колоссальных размеров, увлекая в свой общий круговорот представителей всего человечества. Эпоха делится на три поры: а) раннюю, б) среднюю и с) позднюю.

а) Ранняя пора соответствует времени от начала появления железных орудий (около 1.400 лет до Рожд. Христ.) и до начала христианской эры летоисчисления. Пора характеризуется борьбой железных орудий с бронзовыми и последними пережитками некоторых форм каменных орудий (кремневых стрел).

б) Средняя пора соответствует 1-му тысячелетию по Р. Хр. Орудия вырабатываются преимущественно из железа.

с) Поздняя пора соответствует 2-му тысячелетию по Р. Хр. Орудия вырабатываются почти повсюду из железа.

Бросая общий взгляд на вновь выработанную классификацию, невольно задаешься вопросом, какие в ней скрываются недостатки? Без недостатков классификация возможна только в точных науках, к которым археология настоящего времени не принадлежит; поэтому уже а priori необходимо заключить, что в новосозданной классификации недостатки существуют.

Прежде всего с формальной стороны можно заметить, что неудобно дублирование терминов эпох металлического периода в виде: „неометаллическая (железная) эпоха и палеометаллическая (бронзовая) эпоха“. Но такое дублирование легко избегается предпочтительным употреблением в практических работах одного из них, причем можно предвидеть, что в первое время будут употребляться более привычные старые термины „железная“, „бронзовая“ эпохи, но впоследствии укрепятся и более правильно составленные термины: „неометаллическая“, „палеометаллическая“ эпохи.

Для сообщения терминам классификации еще более международного характера, предлагаются сокращенные названия, позволяющие вместо длинных полных названий эпох, пор и горизонтов

мельчайших отделов пор) иметь короткие, звучные, легко запоминаемые термины, извлеченные из основных греческих названий эпох. Таким образом можно писать вместо: 1) эолитическая эпоха—Eol; II) археолитическая эпоха—Archeol; III) мезолитическая эпоха—Mesol; IV) палеолитическая эпоха—Paleol; V) неолитическая эпоха—Neol; VI) палеометаллическая эпоха—Paleom; VII) неометаллическая эпоха—Neom. Для обозначения пор вводятся цифры 1, 2 и 3; так: Eol₁, Eol₂, Eol₃ обозначают последовательно раннюю, среднюю и позднюю поры эолитической эпохи; а Mesol₁, Mesol₂, Mesol₃—раннюю, среднюю и позднюю поры мезолитической эпохи и т. д. Горизонты, как части пор, обозначаются дробью, в виде $\frac{1}{1}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ или $\frac{2}{1}$, $\frac{2}{2}$, $\frac{2}{3}$, где числитель укажет пору, а знаменатель—тот или другой горизонт; например, Paleol $\frac{1}{1}$, Paleol $\frac{1}{2}$, Paleol $\frac{1}{3}$ обозначают последовательно нижний (древнейший), средний и верхний (позднейший) горизонты ранней поры палеолитической эпохи; а Paleol $\frac{2}{1}$, Paleol $\frac{2}{2}$, Paleol $\frac{2}{3}$ —нижний, средний и верхний горизонты средней поры палеолитической эпохи и т. д.

Сокращенные названия удобны в специальных археологических работах, где обозначения времени фигурируют слишком часто.

Самое серьезное возражение, однако, может быть в том, что разнообразие археологических памятников слишком велико, а число их, в особенности в древнейших отделах, так мало и ограничено столь немногими пунктами, что классификация их является вообще преждевременной. Это возражение, несомненно, существенно, но оно касается не только нашей, но и вообще всех существующих в археологии классификаций, а так как произведенные опыты доказали несомненную пользу даже менее совершенных из них, то считаться с этим возражением следует только отчасти; именно, при научных работах его следует иметь в виду, но не более.

Остановимся еще на одном явлении. В археологических работах часто смешивают классификации культур с классификацией археологического времени. Это—грубая ошибка, хотя при хронологическом классифицировании археологического материала и приходится серьезно считаться с культурами, как более или менее

определенными комплексами вещественных памятников, изучение которых в целом помогает не только устанавливать оценку степени развития той или другой из них, но и взаимоотношение их между собою.

Материальные культуры, составляющие объект изучения археологии, состоятся из вещественных памятников домашнего быта, искусства, культа и знания. Совершенно самобытных культур, повидимому, не существует; все они, исходя из общего корня, более или менее связаны друг с другом посредственными и непосредственными влияниями; поэтому о культурах, как обособленных явлениях, приходится говорить только условно, разумея большую обособленность, большую самобытность тех или других из них.

Древние культуры, успевшие исчезнуть, можно рассматривать как некоторый организм, подлежащий измерению во времени и пространстве, причем едва ли найдутся два таких организма, времена существования которых совпадали бы друг с другом точно; пространство же совпадающих культур во времени всегда будет особым, выключающим пространство всякой другой культуры.

Что касается названий культур, то их удобно заимствовать от географических имен, например, городов, селений, рек, гор и т. п., которые так или иначе обозначали бы районы распространения культур. То же рекомендуют и для подбора названий некоторых типов орудий, чтобы избежать многословных (описательного характера) названий.

Чтобы яснее и определеннее разобраться в движении культурного развития человечества, насколько жизнь его известна науке, прилагаем схему „Археологической классификации в предполагаемом хронологическом соотношении к геологическим, палеонтологическим и антропологическим явлениям“, составленную нами для настоящей работы в 1919 году (табл. 1).

В заключение еще раз заметим, что археология должна быть зеркалом индустрии минувших времен, но нужно уметь пользоваться им, чтобы видеть все прошедшее в правильном освещении и открыть законы, управлявшие сменами явлений,—руководясь которыми, можно было бы извлечь полезное для устройства настоя-

щей и последующей жизни. Наука требует от своих адептов много терпения, самообладания и спокойствия. Только при этих условиях развитие ее может идти вперед успешно. „Способность человеческого самоусовершенствования“, — по справедливому замечанию Дарвинизма, — бесконечна... Успехи наук безграничны, и в природе нет ничего такого, причины которого когда-нибудь не могли бы быть известны. Не произносите суждения раньше наблюдения над явлением; отбросьте старые воззрения, когда их ошибочность доказана, примите новые воззрения, если они оказываются более точными; такая доктрина способна ускорить успехи знаний и благоприятствует совершенствованию ума“.

Проф. В. А. Городцов.

ОЧЕРК ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ.

А. По следам первобытной культуры.

Азбучные истины. Едва ли у кого из читателей этой книги выражение „первобытная культура“ вызовет образы библейских Адама и Евы, несчастных изгнанников из счастливого рая. Не найдут у них отклика и грезы древних о блаженном „золотом веке“ первых людей. Почти всякий грамотный знает теперь, что культура (в буквальном переводе с латинского „обработка“) есть все те перемены, которые люди упорным трудом (физическим и духовным) внесли в природу. Почти всем известно, что ученые условились называть „первобытной“ древнейшую, далеко не блестящую, культуру, развивавшуюся до изобретения письменности. Вместо рая и райского житья воображению большинства читателей преподносятся картины закопченной пещеры, огня на очаге, фигур дикарей в звериных шкурах, с каменными орудиями в руках. Однако эти представления даже у людей образованных, считающих себя интеллигентными, редко могут быть названы научными. Они то крайне отрывочны, то расплывчаты, то являются смешением редких зерен истин, твердо установленных наукой, с ворохом легковесной шелухи и ложнонаучных общих мест. Беда не столько в устарелости и неполноте знаний (мы все можем заблуждаться и не в состоянии все знать), сколько в неверности самого подхода к предмету. Средний читатель привык искать в книге готовых итогов и принимать конечные выводы за неоспоримые догматы. Он не дает себе труда продумать всю тонкую и сложную черновую работу ученых, остановить свое внимание на приемах (методах) их исследования. Бессознательно знание подменяется верой: только место религиозного авторитета занимает научный. В науке видят сокровищницу законченных истин, которые достаточно понять и запомнить, а не творческое формирование все новых допущений и утверждений, словно тонкими, гибкими щупальцами, охватывающих все новые стороны изучаемых явлений. В водовороте

разнородных и даже противоречивых построений, в скрещивании старых отмирающих и новых нарождающихся (но тоже вовсе не бесспорных) идей читатель должен занять самостоятельную, твердую позицию. Ему необходимо все научные положения пропускать сквозь строй всегдашних вопросов: откуда это известно, почему это так, как можно это доказать? В отношении отдаленнейшего прошлого человечества такая заостренно-„критическая“ позиция особенно уместна, так как здесь самые надежные ученые рискуют впасть в ошибки.

Каким же путем можно восстановить первобытную культуру человечества в ее основных разрезах—хозяйственном, общественном и духовном? Надо отчетливо уяснить себе некоторые азбучные истины исторической науки, которыми широкая публика, к сожалению, слишком пренебрегает. Необходимо отмежевывать „исторические факты“, или явления прошлого, существовавшие и исчезнувшие, от „исторических источников“, или тех остатков и следов прошлого, которые уцелели и через посредство которых оно познается нами. Столь же важно помнить об отличии „исторических источников“ от „исторических пособий“. Их значение далеко не одинаково. Легко понять, что без „источников“ факты прошлого остались бы вам неизвестны. Роль же пособия вспомогательная, „подсобная“. Даже ученые не могут изучать все прошлое по источникам: их непомерно много и слишком часто они труднопознаваемы. Специалистам по отдельным историческим вопросам приходится давать „пособия“, сводки фактов и выводов, составленные на основе „источников“. Для широкой публики мудренны и эти „ученые пособия“. Для нее на основе последних и лишь частью по „источникам“ составляются „популярные пособия“. Оба вида пособий лишь тогда верно восстановят прошлое, когда они будут бережно и точно передавать „источники“. Отсюда ясно, что всякий „источник“ гораздо надежнее самого ученого „пособия“. Все свое значение „источник“ сохраняет и в науке, изучающей первобытную культуру. Разница с историей лишь в отсутствии письменных источников. Но, мы найдем для восстановления первобытности достаточно „письменных“ источников, если пойдем путями двух наук.

По пути „Первобытная“ или „доисторическая“ археология („на- ука о древностях“) добывает раскопками огромный археолога. вещественный материал. По человеческим костям, оружию, украшениям, черепкам, остаткам пищи, следам жилищ и очагов археологи воскрешают перед нашими изумленными взорами картины умолкнувшего мира. Вещественные источники сами являются уцелевшими обломками первобытной жизни. Их можно измерить, взвесить, фотографировать, произвести опыт выделки. Тогда как письмена грешат кривыми, нередко жгуче преднамеренными или, как говорят, тенденциозными отображениями прошлого,—источники вещественные славятся своими

бесстрашием и бесстрастностью. В изучении их археологи достигли точности, почти равной естественным наукам. Особенное значение имеет применяемый и строго проводимый ими стратиграфический (слоеописательный) метод. Археолог при раскопках постоянно регистрирует последовательность раскапываемых слоев или отложений. С помощью геологии и палеонтологии он по почвенным породам и ископаемым остаткам живых существ определяет относительный возраст „культурных слоев“, как называют пласты с остатками орудий или костей человека. Этим методом археология устанавливает твердую и надежную относительную хронологию первобытной культуры. При отсутствии стратиграфии, археологам приходится применять типологический метод, позволяющий следить за преобразованием орудий на основании сходства, наблюдаемого между более древними и потому более грубыми формами и более совершенными новыми, из них развившимися. Этот метод не столь точен, ибо известны случаи ухудшения орудий, почему для неолитической эпохи, где его особенно часто приходится применять, он не дал столь надежных результатов. Поэтому последовательность изменений неолитической культуры археологам не удалось установить столь детально, как древнекаменной. Из предпосланной моей работе статьи выдающегося русского археолога проф. В. А. Городцова читателю уже известны те ступени первобытной культуры, которые ему удалось установить на основе обширнейшего материала археологии, геологии, палеонтологии и антропологии. В этой замечательно изящной и стройной хронологической классификации особенно ценно, что создатель ее проследил эволюцию первобытной жизни на таких важнейших показателях культуры, какими являются орудия труда. Так благодаря археологии улавливается изменяемость первобытной культуры, долго медленная, затем все ускоряющаяся и, что не менее важно, ставятся бесспорные вехи, отмечающие последовательность отдельных звеньев этих изменений.

Эти крупные достоинства археологического материала не могут скрыть от нас его недостатки. Исчезнувшая жизнь отображается в вещественных памятниках далеко не так полно и ясно, как нам бы хотелось. Они все же немые и не так прозрачны, как письмена. Самые лучшие археологи-специалисты при чтении этих бесписьменных памятников то видят в иной костяной подделке самые разнообразные назначения (напр., „жезл начальника“), то бессильны угадать смысл иного неопределенного осколка кремня (напр., эолитов). Если хозяйство отражается в этих материальных источниках еще довольно хорошо, то первобытный общественный и духовный уклад отображается в них очень тускло. Отсюда многочисленные пробелы и провалы. Первобытная культура, восстанавливаемая на одном археологическом материале, оказалась бы механическим соединением движущихся порознь и меняющихся вне связи с целым отдельных элементов жизни, а не единым сплошным и мощным жизнен-

ным потоком. Сами археологи, сознавая недоговоренность своих вещественных источников, прибегают к другой науке—народоведению.

Оно соперничает с археологией в изучении первобытной культуры, но предмет его изучения не „ископаемые“, а живые или на памяти истории вымершие первобытные сообщества. В глухих углах Австралии с Океанией, Америки и Африки до наших дней уцелели отсталые цветные племена „народов природы“, „дикарей“ или „некультурных людей“, как их называют. Путешественникам удалось собрать богатейший материал наблюдений над разнообразнейшими сторонами жизни таких племен. В конце 19-го и начале 20-го века народоведение, использовавшее его, достигло необыкновенного расцвета. Из описательной этнографии (народоописания), бывшей некогда отделом географии, оно превратилось в самостоятельную объяснительную „науку о народах“ (этнологию). Ее главным орудием сделался сравнительный метод. Сравнивая несложные простые формы жизни некультурных сообществ разных стран и даже эпох, этнологи мечтали найти разгадку и человека вообще, и важнейших элементов его культуры. Им удалось дать очень много ценных утверждений относительно ранних религии, семьи, государств, расслоения общества, собственности, нравственности и пр., но их работа еще далеко не завершена, и важнейшие проблемы (задачи) первобытной культуры ими далеко не исчерпаны. Можно говорить о чувстве некоторого разочарования и неудовлетворенности достижениями этнологии. Ближайшие причины кроются и в материале этнологии, и в подходе к нему этнологов. Им недоставало очень часто исторической точки зрения. Если этнограф изучал известное явление по описаниям путешественников, он еще учитывал возможность его преломления и даже искажения в этих описаниях. Когда же ему самому приходилось наблюдать дикое сообщество, то он почти всегда ограничивался точностью своих наблюдений, правильностью понимания фактов. Пока этнолог оставался этнографом т. е. чистым описателем, этого было достаточно. Но как только он переходил к обобщениям, для чего производил сопоставления разноместных и разновременных культур, такого простого наблюдения над материалом (казалось, столь непосредственно данным, ярким, даже „говорящим“) оказывалось мало. При сравнении необходимо было сопоставлять культуры, соответствующие друг другу, сходные по существу, а не по случайным элементам. Бессистемные, случайные аналогии (сопоставления) дадут и ненадежные, случайные выводы. Никким образом нельзя ставить на один уровень австралийца и папуаса, негра и бушмена, ведда и киргиза. Этнологам надлежало признать, что первобытные культуры весьма разнообразны, очень различной древности, неодинаковой сложности и высоты. Им надлежало согласиться, что на земном шаре нет ни одного сообщества людей, которое не испы-

тало бы (не в столетия, так хоть в тысячелетия) каких—либо изменений, пусть самых крохотных и незначительных. Сама „первобытная“ из ныне существующих культур имеет сложный состав: на первичном ядре в точно неопределимые времена наросли новые изменения. Этнологу приходится расщеплять изучаемую культуру на отдельные наслоения и располагать их во временной последовательности. Ряд „фактов“ дикарской жизни он должен обратить в „источники“, через посредство которых можно различить стариннейшие ее элементы. Значение этих источников будет далеко не равноценным. Часть их будет вещественными отображениями минувшего, а часть явится фольклором, как англичане зовут разнообразные виды устного народного творчества (песни, сказки, заговоры, загалки, поверья, приметы, обряды, обычаи и пр.). Если вещественные источники при жесткости дикарей могут уцелеть в довольно неизменном виде, то фольклор, по самой „устной“ природе своей, легко подвержен порче и уничтожению. Вещественные источники, хотя и немые, гораздо достовернее „говорящего“ фольклора с его весьма сомнительной сохранностью. Недостатком же обоих видов этнологических источников служит крайне неопределенное положение их на шкале времени. У этнологов отсутствует не только абсолютная хронология (без письменности и невозможная), но оставляется без внимания и относительная хронология, с которой мы встречаемся в археологии с ее стратиграфическим и типологическим методами.

Лишь совсем недавно этнология стала усложнять приемы исследования. Социологи и историки уже давно свыклись с мыслью о закономерности исторического процесса, об отсутствии случайности, о связи всех исторических явлений. Ученые постепенно убеждались, что отдельные материальные и духовные элементы известной культуры не возникают порознь, самостоятельно, а сцеплены, сплавлены, даже сращены в одно органическое целое, в один „комплекс“. Активное приспособление людского сообщества к природе в разные эпохи выливается в своеобразные единства хозяйственных, общественных и духовных сторон жизни, изумительно соответствующих, точно совпадающих и крепко прилаженных друг к другу. Такие культурные единства зовут ступенями, типами, циклами (кругами) или фазами (ликами, сменами) культуры. Всего подходящее окрестить их „культурными комплексами“. Что особенно важно, так это согласие взглядов на такую цельность комплекса у мыслителей самых противоположных направлений. Крайний представитель исторического материализма, коммунист Бухарин*), по существу сходится в этом вопросе с идеалистом и индивидуалистом, пресловутым Шпенглером. Конечно, для Бухарина базой такого сращивания разнородных элементов отдельной культуры является хозяйство, тогда как

*) Н. Бухарин. Теория исторического материализма, 1922, стр. 146.

для Шпенглера таинственная „душа культуры“. При такой связанности элементов в один узел можно один из них считать символом, в котором просвечивает целая культура. Крайний идеалист опять может усмотреть такой символ в музыке, искусстве, философской мысли, в „духе времени“. Для ученого, более реалистического, таким символом может служить частичное материальное явление данного культурного комплекса. Так в пирамиде можно видеть символ древнего царства Египта. Еще удобнее такими символами избирать орудия труда данного сообщества: каменный, бронзовый и железный топоры прекрасно отражают сущность того культурного комплекса, к которому они принадлежат. Если одного символа недостаточно, то берут сочетание нескольких, чтобы полнее выразить сущность данного комплекса. Понятие „культурного комплекса“ весьма ценно для этнологии. Сравнительный метод делается более гибким и совершенным. Сравнению должны подлежать комплексы, имеющие достаточно надежные общие символы. Является возможность заполнения многих пробелов в источниках. Убеждаясь в совпадении материальных элементов комплексов А и Б, можно заключать о совпадении и духовных элементов. Если последние были в отношении комплекса А известны очень отрывочно или даже совсем неизвестны, то этому комплексу А приписывают духовные элементы из комплекса Б. Внутри каждого культурного комплекса становится возможным различать более примитивные, более старинные и более новые, более высокие элементы. В каждом комплексе мыслимо выделить основное ядро, сколоченное из строго согласованных между собою элементов, и плохо связанные с целым элементы, в это ядро вкрадывающиеся. Путем сравнения с культурами других стран и эпох (а иногда и внутренним углубленным анализом) эти отрывочные элементы то отодвигаются на задний план, рассматриваясь в качестве пережитков более старинного культурного комплекса (это „пережитки“ Тейлора), то выносятся на первый план, как намечающиеся тенденции (устремления) нарождающегося нового комплекса культуры. Так создавалась временная перспектива, т. е. факты определенного комплекса первобытной культуры размещались в двух, даже трех последовательных плоскостях (см. австралийцы).

При всех достоинствах такой усложненный сравнительный метод (назовем его комплексно-сравнительным) не приведет нас к познанию первобытной культуры. Он очень напоминает типологический метод археологии. Мы уже видели, что последний не дал твердой и детальной относительности хронологии. То же, если не в большей степени, приходится сказать и об его этнологическом двойнике.

Если же учесть исчезновение у современных дикарей начальных комплексов культуры и обилие малодостоверного фолклора, то мы придем к заключению о неполноте и недостаточности этнологического материала.

Комплексный
метод.

Проследить эволюцию первобытной культуры приходится еще более сложным, комплексным приемом, в который должны войти данные и археологии, и этнологии. С помощью первой можно установить основные культурные комплексы, отображенные в „руководящих формах“, откопанных археологами. Посредством этой же науки можно расположить эти культурные комплексы в восходящем порядке, пользуясь относительной хронологией, выработанной археологами. У нас получится надежный, но довольно мертвый скелет первобытной культуры: иные части уничтожены всесокрушающим временем, названия и смысл других непонятны. Многочисленные провалы и непонятные темные места приходится заполнять этнологией. Хотя ее источники только вторичные, производные, их значение весьма крупное. Путем сравнения родственной ископаемой (А) и живой (Б) культур, мы достигаем огромного расширения наших знаний о первобытной жизни. Приходится прodelывать своего рода наложение. Если мы наложим живую культуру (Б) на ископаемую (А), то получим названия для ископаемых предметов, совпавших с соответствующими им вещами из живой культуры. Так можно выяснить назначение того или иного инструмента, оружия, украшения и пр. Но комплексосравнительный метод даст нам еще больше. Если материальные „руководящие формы“ ископаемого (А) комплекса культуры (преимущественно орудия труда) совпадут с соответствующими материальными формами живого (Б) комплекса, то можно смело заключать о близком родстве духовных и общественных элементов обоих. Стоит лишь прodelать наложение материальных обломков ископаемой культуры (А) на соответственные элементы живой культуры (Б), как вся духовная и общественная прослойка этой живой культуры (Б) проступит между обломками ископаемой культуры (А). Вторичные данные этнографии покроют археологическую основу, как мускулы—кости скелета. Но такое полное совпадение материальных элементов живого и умершего комплексов исключительно редко. Между тем, духовная и общественная сторона ископаемого комплекса отображается столь тускло в извлеченных из земли вещественных источниках, что приходится идти на более рискованные сравнения, на сопоставление элементов погибшего с тождественными элементами живого комплекса, хотя бы последний имел высшие формы орудий. Так, мадленский копьеметатель только сопоставлением с эскимосским мог быть определен, как таковой. Однако эскимосская культура с ее полированными каменными орудиями домашними упряжными собаками и пр. гораздо сложнее, чем мадленская с ее отжимными орудиями. Хотя и мадленец и эскимос одинаково были жителями тундры, но мы не должны увлекаться перенесением, напр., религиозных представлений эскимосов на мадленцев. При сравнении разнородных культурных комплексов надо быть крайне осторожными и прибегать к ним в крайнем случае. Смысл и назначение орудий может ме-

няться для разных культурных комплексов. Если же исследователь все таки хочет применить комплексно-сравнительный метод, то ему надо предварительно расщепить высший и более сложный живой комплекс, выделить в нем более древний пласт, строго соответствующий частичным сходством с ископаемым низшим комплексом. Только этот стариннейший пласт (или комплекс в комплексе) подлежит сравнению с ископаемым комплексом, только его элементы, во всем живом комплексе являющиеся „пережитками“, могут переноситься в ископаемый комплекс. Так, в сложной „культурной группе“, или соединении культурных комплексов, какова австралийская культура, выделяется древнейший пласт, который можно сравнивать с мадленской культурой. Отсюда ясно, что ряд живых комплексов первобытной культуры значительно короче ископаемого. Отсюда и досадный для нашей научной любознательности вывод — древнейшие комплексы первобытной культуры не могут быть сопоставляемы, особенно в целом, с современными дикарскими, хотя бы и самыми примитивными комплексами. Австралийцы, примитивнейшие из современных дикарей, соответствуют ископаемым людям протонеолита (по В. А. Городцову ранняя и средняя поры неолита). Значит, люди эолита, археолита, мезолита, палеолита обладали более примитивными орудиями труда (а в связи с этим и более примитивной общественностью и мировосприятием), чем австралийцы. Так этнология бессильна заполнить все пустоты и зияния в ископаемом археологическом материале, особенно в самых древних его отделах. В свою очередь, относительная хронология археолога становится слишком общей и мало точной для новокаменных ступеней культуры. Ее приходится пополнять и контролировать еще менее совершенной относительной хронологией этнолога. Конкретного материала источников (и основных археолога и производных этнолога) оказывается недостаточно. Одежду мускулами скелету первобытной культуры не хватает теплоты крови и дыхания жизни. Так как без выяснения временной последовательности нелегко объяснить взаимной связи явлений, то автору для новокаменных комплексов первобытной культуры пришлось создать свои более дробные, чем археологические, ступеньки хронологической лестницы. Помимо конкретных данных источников, здесь имели большое значение его общие теоретические соображения о ходе исторического процесса. Здесь, конечно, не место исповедывать свои социологические воззрения, но я все же укажу на два своих приема. Археологи и этнологи теоретически признают, что в одинаковых условиях возможно независимое возникновение одинаковых явлений культуры (конвергенция). Но практически такое допущение редко находит место в их работах. Они склонны скорее предполагать перенесение, подражание, но никак не самостоятельное развитие из местных одинаковых жизненных обстановок. Я же полагал, что заимствование-подражание могло лишь ускорять темп развития данного общества, а не изменять его направления: в

подтверждение этой мысли ссылаюсь на авторитет блестящего представителя „культурной истории“ Лампрехта*). С другой стороны, я избегал всяких предвзятых понятий, столь популярных в наше переходное время. Таково понятие об упадке, гибели культуры. Стремясь уловить цельность величавого потока жизни, невозмутимо медленно катящего свои волны вдоль новых и новых берегов, я пытался наблюдать ее не с холодной высоты культурного человека 20-го века, а погружаясь в ее волны, чтобы изнутри ощутить ее динамику, вскрыть ее толкающие пружины.

Эти принципы—силы самодовлеющего развития и внутренней интуиции—были одним из моих исходных пунктов, но не предвзятыми жесткими схемами, на которых распинаялся конкретный материал источников. Напротив факты, в источниках отраженные, строго контролировали и эти и другие теоретические соображения. Если жажда заполнения пустоты иногда влекла меня к не вполне обоснованным выводам, то отмечалось, являются ли они предположениями (гипотезами) или научными умозрениями (теориями). При сложности и огромном объеме темы автор неминуемо впадал и в пропуски, и в неточности, и в ошибки, и в чересчур быстрые обобщения, в которых и просит извинения перед специалистами и читателями.

*) Lamprecht. Einführung in das historische Denken. 1913, S. 156 ff.

Б. Силуэты донеолитических культур.

Хронология. Великий старик Кант, немецкий философ XVIII века, указывал, что время и пространство являются геологическая. априорными (изначальными) формами человеческого мышления. Если это положение и оспаривалось, то историк практически движется в рамках, предуказанных нашему сознанию Кантом. Ни один исторический факт не висит в пустоте: его приурочивают к более или менее точно определенному моменту и месту. Нельзя изучать и древнейшие начатки культуры, не вставив их в хронологическую и географическую оправу. Лишь геологи и палеонтологи в силах бросить свет на столь глубокие пучины человеческого прошлого. Эти историки ископаемых земли и жизни одни умеют читать таинственную книгу земной коры, где почвенные слои служат страницами, а окаменелые остатки растений и животных заменяют письма. Изучая последовательность слоев (стратиграфию), ученые раздвинули в волшебную перспективу великие перемены, некогда имевшие место на земном шаре.

Его прошлое разделили на четыре главных отдела (эры). В пластах архейской (начальной) эры не обнаружили никаких органических остатков: Заря жизни (зооон) бесследно померкла в борьбе с безмолвным царством минералов. Зато следующие три эры свидетельствуют о великом порыве жизни, что отразилось и в самых греческих их названиях. В „древнюю эру“ (палеозойскую—древнюю жизнь), жизнь уже была ключом: моря кишели живыми существами, высшими из которых были панцирные и ганойдные рыбы; на суше над многообразными насекомыми возвышались первые земноводные, или амфибии; но странные леса из споровых таинобрачных растений не оглашались еще криками млекопитающих и пением птиц. Затем последовала „средняя эра“ (мезозойская—средняя жизнь). Это было царство чудовищных пресмыкающихся, в котором робко зарождались первые птицы

и млекопитающие. Явнобрачные семенные растения начали вытеснение споровых. Наконец, наступает „новая эра“ (кайнозойская—новая жизнь), когда главенствующее положение, вместо почти вымерших ящеров великанов, захватывают млекопитающие; цветковые явнобрачные растения завоевывают всю землю, а появившийся человек увенчивает эту великую эволюцию жизни. Новая эра, поэтому, не только для геолога, но и для археолога должна быть подразделена на менее крупные подотделы—периоды и эпохи. Из статьи проф. Городцова читатели уже знают, что за единицу геологического времени принимается сравнительно короткий промежуток времени, в течение которого весьма распространенные морские моллюски (мягкотелые), взятые за „руководящие формы“, в значительной части своей остаются неизменными. Еще геологи Деге (Deshayes) и великий Ляйбэль указали, что в самых древних отложениях „новой эры“ встречается очень мало современных моллюсков, а в более новых процент их возрастает. Основываясь на этом соображении, отложения новой эры подразделили на подотделы, получившие греческие, хотя и несколько испорченные, наименования (см. таблицу 3 на стр. 34). В состав каждого из них входит слово цено=кено=кайно=ново. Новая эра последовательно отображалась в отложениях эоцена („заря нового“), заключавших всего 3% современных моллюсков, олигоцена („мало нового“), миоцена („мевьше нового“) от 10 до 40%, плиоцена („больше нового“). Эти четыре подотдела составили третичную систему отложений, соответствующую третьему периоду новой эры, подразделяемому на две эпохи: „древне-третичную“ и „ново-третичную“ (см. табл. 3 на стр. 34). Вторая (меньшая) половина новой эры носит название четвертичного и современного периодов; они отпечатлелись в слоях плейстоцена („более всего нового“) и голоцена („целиком нового“); в последнем все моллюски относятся к современным видам. Для изучения новой эры геологи берут материал из недр преимущественно Европы. Европейскими находками было доказано изменение климата, а вместе с ним флоры (растительности) и фауны (животных) на нашем материке. В третичный период в Европе, облик которой совсем не походил на современный, был благодатный, жаркий климат подтропических стран: остатки южного слона (*elephas meridionalis*), пальмовых пород и других животных и растений остались памятниками этого счастливого прошлого Европы. Ученые на основании этих остатков предположительно даже вывели средние годовые температуры третичной Европы. В эоцен средняя годовая температура Франции определяется в $+25^{\circ}$ Цельсия, в плиоцен в $+14^{\circ}$. Против современной французской средней $+11^{\circ}$ это великолепно, но приведенные данные показывают рост холода. К концу плиоцена могучими вулканическими силами громадные горы подняты к небу (напр., Альпы, еще более высокие, чем теперь). При обилии осадков достаточно было понижения температуры до $+8^{\circ}$ или $+6^{\circ}$ Цельсия, чтобы образовавшиеся на верхушках гор ледники начали спускаться в долины. Ученые предложили множество гипотез

(предположений) для объяснения появления этих ледников, но они все равно спорны. Для нас важно лишь отметить, что плейстоценовая Европа, иначе называемая дилuviальной (от дилувий = потоп) или ледниковой, пережила, по крайней мере в окрестностях Альп, 4 оледенения и три межледниковья. Этот замечательный факт был твердо установлен исследованиями Пенка. Причины межледниковий столь же загадочны, как и причины оледенений. Великие скитания животных и растений, свойственных тундре, степи и лесу, были последствиями таких климатических колебаний. Любопытно, что и границы суши и моря в плейстоцен были совсем иные. Так, бывали моменты, когда Пиренейский и даже Аппенинский полуострова соприкасались с Африкой, а Эгейское море (восточная часть Средиземного) являлось сушей. Равным образом, на севере Ирландия и Великобритания были не островами, а полуостровами Европы и общим ледяным покровом соединялись со Скандинавией. Только в современный период, отображенный голоценовыми отложениями, да и то не сразу (различают послеледниковую и современную эпохи), в Европе установились современные климат, флора, фауна и распределение вод и суши.

Неудачные попытки абсолютной хронологии. Нам пришлось задержаться на сухих схемах развития жизни на земле, чтобы яснее представить себе момент и природную обстановку, в которых зародились начальные формы человеческой культуры. Но не следует надеяться, что этот момент может быть определен точными хронологическими датами. К сожалению, абсолютное времяисчисление в отношении как целого, так и частей земной истории еще невозможно. „Начиная от младенческого представления,—говорит профессор геологии Неймар,—что вся история земли укладывается в рамки 6.000 лет, и кончая остроумнейшими исследованиями последних лет, ни одно из подобных вычислений не может иметь ни малейшего притязания на достоверность... Все подобные расчеты страдают тем, что не имеют никаких оснований, а потому все одинаково далеки от истины“^{*)}. Основной и неустранимый порок их в том, что они все основаны на допущении одинаковой интенсивности процессов разрушения и созидания слоев, как в настоящем, так и в прошлом. Букмейстер, напр., заметил, что Нил в его время ежегодно наносит в своем устье пленку речного ила в 3½ дюйма толщины. Исходя из этого, он относит изделия египтян, открытые на глубине 200 футов близ устья Нила, за 72.000 лет назад. Спрашивается, можно ли предположить, что египетский Нил „работал“ за этот период с точностью машины? Но если силы природы (ветер, вода)

образовывали слои не с одинаковой, равномерной мощностью, толщина пластов не дает возможности судить об их возрасте (пример критские (Эванс) и сузианские (де-Морган) культурные слои, далеко не столь древние, как можно думать по их толщине). Однако широкая публика требует „точных“ цифр, жаждет абсолютной хронологии. Ученые продолжают хитрейшими приемами, не только геологическими, но даже радиоактивными, делать такие вычисления. Не их вина, что итоги весьма разногласят и приближенность хронологических дат все более возрастает по мере удаления от настоящего момента. Академик Ферсман приводит несколько таких новейших дат: начало древней эры—от 200 до 1140 миллионов лет (с точностью до сотен миллионов); начало третичного периода (эоцен) от 36 до 70 милл. лет (с точностью до десятков миллионов); миоцен—от 6 до 30 милл. лет; начало четвертичного периода (плейстоцена)—от 525 тысяч (Осборн) до 1 милл. лет (с точностью до сотен тысяч); 2-е межледниковье 500 тысяч (Пенк); конец ледниковой эпохи (плейстоцена) от 12 (Геер) до 25 тысяч лет (Осборн), т.е. с точностью до десятка тысяч лет.

**Трудность
вопроса.** Едва ли подобная абсолютная хронология может кого удовлетворить. Ее значение преимущественно иллюстративное: она убеждает нас, что начало жизни неразличимо в глубине бездонного колодца времени, и что млекопитающие и пришедший за ними человек сравнительно недавние гости на земле. Из ее колебаний мы убеждаемся в колоссальных трудностях, встающих перед учеными в их попытках проникнуть в этот мир исполинских чисел, где не только года, но даже тысячелетия являются незаметными мгновениями и где редкие находки ископаемых остатков бросают слабые отблески на мельчайшие отрезки времени, между которыми царит непроницаемый мрак. Если своим несовершенством абсолютная хронология способна вызвать чувство сомнения в мыслимости для человека постичь эти необъятные протяжения прошлого, то относительная хронология спасает от неуверенности и разочарования в своих силах. Ученые шаг за шагом подводят нас по ее незыблемым ступеням к древнейшим человеческим культурам, которые постепенно, сперва темными, затем светлеющими тенями-силуэтами начинают обозначаться перед нашим умственным взором. Крайняя неполнота источников и необъятность охватываемых культурных эпох не позволяют соединить их в единое, непрерывно развивающееся целое. Скорее перед нами отрывочные силуэты, разделенные незаполненными пропастями. Даже приращение их к тем или иным ступеням геолого-палеонтологической восходящей лестницы иногда оказывается спорным. Но общее направление и смысл культурной эволюции в основных чертах выявляется. В основу своего обзора этих культур я кладу хронологическую классификацию проф. Городцова, к

статье которого в начале и таблице в конце книги я отсылаю читателя для лучшего усвоения последующих беглых набросков.

Таблица 3.

Геологическая классификация новой эры.

Эра	Период	Эпоха	Отложения
н о в	I. Третичный	а) Древне-третичная.	{ 1. Эоцен („заря нового“). 2. Олигоцен („мало нового“).
		б) Ново-третичная.	{ 3. Миоцен („меньше нового“) 4. Плиоцен („больше нового“).
в а	II. Четвертичный	а) Ледниковая	{ 5. Плейстоцен („больше всего нового“).
		б) Межледниковая (и т. д. чередуются).	
я	III. Современный	а) Последняя ледниковая.	{ 6. Голоцен („целиком новое“).
		б) Современная	

1. Эолитическая эпоха.

Древнейшей первобытной культурой, доступной исследованию современной археологии, признается эолитическая. Ее название ученые образовали от греческих слов—*eos*, „заря“, и *lithos*—„камень“. Нередко можно слышать остроу, будто это единственное, что науке известно об этой культуре. К сожалению, остряки в данном случае едва ли сильно преувеличивают. Самое существование создателя и носителя этой культуры—человека—не доказано сколько нибудь убедительно. Для этого необходимо найти человеческие кости и орудия, еще лучше то и другое вместе. Но открыть кости первочеловека оказалось особенно трудно

Обезьяно-
человек. Всем известно, что царящая в естествознании эволюционная теория утверждает, что высшие формы органической жизни, в частности человек, закономерно развились из низших. Из ныне живущих млекопитающих ближе всех к человеку стоят человекообразные обезьяны: горилла и шимпанзе в Африке и орангутанг и гиббон в Азии. Среди них длиннорукий до безобразия гиббон, по Селенка, в утробной жизни обладающий равными верхними и нижними конечностями, уже „ходит“ по ровному месту на „задних руках“, правда, качаясь, словно пьяный, и способен очень мелодично, по отзыву Брэма, „петь“. Однако отец эволюционизма Дарвин, считаясь с резкими отличиями между современными обезьянами и человеком, видел в них одновременно развившиеся ответвления, отделившиеся от неизвестной первичной формы, которая должна была давно вымереть и могла бы быть обнаружена лишь в ископаемом виде. До сих пор раскопки третичных отложений изредка открывали весьма неполные остатки обезьян, вовсе, однако не похожих на человека: так, *плиопитекус* из Европы (миоцен) напоминал гиббона, а *палеопитекус* из Индии (плиоцен) казался ученым не то шимпанзе, не то орангутангом. Эволюционная теория допускала, что уже в третичный период существовала загадочная человеко-обезьяна, родоначальник современных обезьян и людей, промежуточная форма, соединяющая животный и человеческий мир.

Понятно, какую бурю восторгов и одновременно ожесточенных нападков вызвало открытие на острове Яве (Азия) голландским врачом Дюбуа в слоях, принятых им за третичные, костей странного существа, названного им „прямоходящий обезьяночеловек“ (питекантроп эректус). В русле реки Бенгавана, близ селения Тринила, Дюбуа в 1891 г. нашел коренной зуб, через месяц — на расстоянии одного метра, но на том же уровне — черепную покрывку, в 1892 г. на расстоянии 15 метров — бедро, по его мнению, отнесенное водою; еще позднее был найден второй коренной зуб. По этим неполным остаткам, которые почти все натуралисты признали принадлежащими одному существу, пришлось восстанавливать облик тринильского существа. Объем черепа, похожего на гиббонов, определяемый Дюбуа в 900, а проф. Селенка в 800 куб. сант., значительно превышает обезьяний (наивысший у гориллы 600 куб. сантим.), но далеко не достигает человеческого (у европейца в среднем 1 400). Попытки восстановить голову питекантропа, конечно, вполне произвольны, так как черепная крышка для этого недостаточна. Фигура 1 таблицы 4-ой (в конце книги) дает бюст питекантропа, однако, вполне фантастический. Коренные зубы обнаруживают в отношении человеческих и обезьяньих сходства, по мнению одних, и отклонения, по мнению других. Бедро, более прямое, чем у гориллы, казалось Дюбуа принадлежащим прямоходящему существу; его противники считают это бедро определенно гиббоновым. Но самый главный удар открытию Дюбуа думали нанести не этими оспариваниями деталей, а изысканиями научных экспедиций на Яву, организованных фрау Леонорой Селенка в 1906—1908 г. г. Согласно их исследованиям, моллюски и растения из вулканических извержений, в которых нашли бранные останки питекантропа, или обезьяночеловека, были признаны соответствующими началу европейского плейстоцена. По Шустеру, все тринильские слои однородны и относятся к эпохе яванского оледенения: годовая температура понижалась на 6%, против современной, снеговая линия спускалась на 800 метров ниже, чем теперь, смешанный вечно-зеленый лес покрывал Яву, тогда еще соединявшуюся с азиатским материком. Так как уже в древнем плейстоцене Ява стала островом, то яванское оледенение следует считать современным первому оледенению в Европе, когда снеговая линия спускалась ниже современной на 1.200 метров, а по безлюдным (никаких следов человека не осталось) холодным пустыням Европы бродили четвероногие представители арктической (северной) фауны. Если, по проф. Городцову, отнести европейское оледенение за 500.000 лет (см. таблицу 1), то и питекантропа придется отнести за столько же времени до настоящего момента. Эта дата, однако, не более надежна, чем подлиный смысл тринильского существа. Современные ученые все еще спорят, был ли это родоначальник гиббона и человека, уцелевший до четвертичного периода, или вымершая четвертичная обезьяна — гигантский гиббон, каким его считает, напр., не только Биркнер, но и Буль. В наши дни этот вопрос утратил свою жгучесть. Для окрепшей

эволюционной теории питекантроп перестал быть знаменем. Не-специалисты могут спокойно ждать, когда натуралисты раз'яснят его более надежно. В 1923 г. Ганс Вейнерт очень убедительно показал промежуточное положение его черепной крышки между таковыми шимпанзе и неандертальского человека.

Еще в 1915 г. проф. Осборн ввел его под именем „тринильского человека“ в первобытную культуру, но это действующее лицо не может дать историку никаких данных для суждения о культуре, ибо никаких обломков орудий или утвари, а следовательно, и никаких следов культуры не найдено в тринильских слоях.

Исходя из мысли, что только человек изготавливает и Эолиты. употребляет орудия, пытались доказать его существование находками первых кремневых „орудий“. Одни из этих кремней просто удобно помещались в руке, другие были покрыты царапинами и шрамами, иные имели трещины, происшедшие якобы от огня человеческих костров. Подобные первокамни, называемые эолитами, или „каменьями зари“, обнаружены в третичных отложениях. Буржуа, духовный отец теории эолитов, открыл их в олигоцене (Тенэ во Франции). Ферворн в миоцене (Канталь, во Франции же) обнаружил „искусственные кремневые орудия“, изготовленные техникой сколотых орудий (см. ниже, с. 51). По абсолютной хронологии этим эолитам, а следовательно, и человеку, следовало бы приписать от 6 до 30 миллионов лет. Но искусственное происхождение их еще сомнительнее этой абсолютной хронологии. Обермайер, да и сам Ферворн признали, что признаки сколотой техники (ударная поверхность, раковистый излом и щербина (или рубец) от удара) сами по себе недостаточны для определения искусственного происхождения данных кремней. Они требуют для своего появления удара или давления, которые могут итти вовсе не от человека, а от механических сил природы. Водопад, горная река, морской прибой могут вполне заместить человеческую руку. Обермайеру с помощью водяной мельницы удалось приготовить в Мант (Франция) эолиты, настолько похожие на ископаемые, что Рюто, фанатический глава школы эолитов, сперва признал их подлинными. Менее яркие следы искусственности (трещины, царапины и пр.) легко объясняются давлением почвы, изменениями влажности, колебаниями температуры и пр. Обермайеру удалось дать блестящую критику теории эолитов. Он согласен признать более или менее достоверными лишь четвертичные эолиты из Бельгии, которые Рюто относит к особым типичным для эолитической эпохи маффлейской и месвенской культурам. Назначение этих эолитов (см. табл. 1) остается загадочным, хотя увлекающиеся археологи не прочь увидеть в них разные виды орудий с определенными назначениями. Проф. Городцов помещает маффлейскую культуру в 1-ю межледниковую эпоху, когда снеговая линия была на 300 метров выше современной и в Европе водворилась африканско-азиатская фауна теплого климата с южным слоном (*elephas meridionalis*).

nalis), этрусским насорогом (*rhinoceros etruscus*), гиппопотамом (*hippopotamus maior*) и тигром-махайродом с саблевидными клыками. Месвенская культура относится ко второму оледенению, когда снеговая линия была ниже современной на 1300 метров Обермайер считает эту культуру вполне сходной с ранней шельской, которую он относит однако к 3-й межледниковой эпохе.

Непро-
зрачность
первисточ-
ников.

В таких жалких обломках выражаются почти все наши знания об эолитической эпохе. Ее корни скрыты в глубине третичного периода. Ее тайну ревниво оберегает могучее время. В самой мечте ученого уловить первые и начальные человеческие кости или орудия скрыто неодолимое внутреннее противоречие. При сходстве костей первочеловека с современными поиски будут продолжаться; если же встретятся кости отличные, то нынешние люди могут не признать своего предка (пример с питекантропом). Та же история повторяется в археологии. Ферворн в своих миоценовых эолитах Кантала признал столь специализованные формы орудий, что стал называть их археолитами, предложив эолитами называть еще менее сложные домисценовые орудия. Так первокамень теряет, чем он древнее, отпечаток своего производства человеком, почему и перестает служить вещественным источником для изучения первобытной культуры. Только счастливое сочетание в одном месте человеческих первокостей и первоорудий могло бы приоткрыть завесу над одной из самых ранних ступеней культуры. Подлинно же первобытная культура, видимо, всегда останется за пределами научного исследования. Во всяком случае, до новых великих открытий в третичных пластах, вопрос о третичных эолитах и человеке не допускает ответа. Все же вернее, что третичного человека не существовало: ни Амегино в Южной Америке, ни Фрейденбергу в Бельгии, ни Рид Мойру в Англии не удалось доказать его бытия. Человечество сформировалось лишь в четвертичный период в грозной смене его оледенений и межледниковий. Что касается эолитов, то неспециалист почти может согласиться со словами известного археолога Гёрнеса: „Самая большая честь, которую можно оказать эолитам, это—совершенно о них промолчать“.

II. Археолитическая эпоха.

Эолитическая эпоха первобытной культуры довольно незаметно переходит в археолитическую, в переводе с греческого первобытно-или начально-каменную. В таком названии проф. Городцов объединяет стрепийскую, шелльскую и ашелльскую культуры, характеризующиеся изготовлением тесаных орудий. Археологам прекрасно известны несложные приемы такой тесаной техники. Человек брал дикий, необработанный камень (чаще всего кремень) и, ударяя по нем другим камнем, придавал ему ту или другую форму, отбивая от него обломки и осколки. Такой крупно и грубо обтесанный камень делался орудием, тогда как отколотые кусочки оказывались бросовым материалом. Понятно, и обломки по нужде могли стать орудием, но единственной целью каменотеса была обработка лишь самого камня. Совершенно таким же способом современный человек своим металлическим топором тешет кол, используя стержень деревянной жерди и отбрасывая, как бесполезные, получающиеся при заострении кола щепки. При вынешнем дровяном кризисе, конечно, и щепки уйдут на растопку, но все же тесальщик при своей работе имел в виду форму лишь кола, а вовсе не щепок.

Ученые гораздо увереннее чувствуют себя при восстановлении археолитической культуры: у них в распоряжении больше источников. Однако многие, и очень важные, вопросы еще далеко не решены. Остатки археолитических культур сохранились большей частью в речных наносах, где вода легко их перемещала. Их оказалось довольно трудно вставить в рамки геологической хронологии. Знаменитый исследователь альпийской ледниковой эпохи Пенк относит культуры тесаных орудий ко 2-й межледниковой эпохе. Буль же и Обермайер, опираясь на свои изыскания в области Альп, Пиренеев и Юры, передвигают их в последнюю 3-ю межледниковую эпоху. Однако Пенк упорствует на своем распределении; ему следует и Городцов *). В его классификации археолит падает на теплую 2-ую межледниковую эпо-

*) За Буля и Обермайера стоят Осборн (Америка), Гог (Нанг), Шмидт Руд. (Германия), Брейль (Франция); за Пенка-Вигерс, Верт Эмиль (Германия), с сильными отклонениями Иосиф Байер (Австро-Венгрия).

ху, когда снеговая линия в горах была выше современной, на 300 метров и африканско азиатский животный мир теплого климата заселил Европу: громадные слоны „древний“ (*elephas antiquus*) и трогонтерий (*elephas trogontherii*), носорог Мерка (*rhinoceros Merckii*), великан гиппопотам (*hippopotamus maior*)—жили на нашем материке. В своей книге я следую Пенку и Городцову, так как с точки зрения истории культуры они кажутся более правыми: между концом эолита (месвентская культура) и ранней порой археолита устанавливается неразрывная связь. Впрочем, следует заметить, что этот геологический спор довольно мало затрагивает историю культуры, ибо последовательность культур остается одной и той же и каждая культура сохраняет связанный с нею животный и растительный мир.

1. Ранняя пора.

Для ранней поры археолита проф. Городцов указывает в качестве типичной стрепийскую культуру, выдвинутую бельгийцем Рюто. Руд. Шмидт указал*), что по своим орудиям и возрасту эта культура вполне совпадает с дошелльской, обнаруженной Коммоном в дошелльском культурном слое Сент-Ашеля и замечательно точно им описанной. На две ямы для добывания песка в речном наносе он нашел здесь рядом с костями „древнего слона“ весьма бесформенные кремневые орудия: постоянные формы еще не установились. Раскалывая кремни, человек стремился получить режущие орудия, для чего и бил по краю их другим камнем. Обермайер остроумно предполагает, что лишь снашивание острых поверхностей орудия побуждало человека „точить“ его. С этой целью человек производил вторичное обтесывание (ретушевку) орудия, и только благодаря этим вторичным правкам орудия получили более отчетливые специализированные формы. Археологи усматривают в них сверла, метательные камни (?), скребки, ножи, отбойники и пр. Конечно, все эти названия весьма условны, и археологи едва ли могут поручиться, что эти орудия действительно употреблялись для целей, предназначенных им названиями. Большею частью, одна сторона орудий не обработана; в поперечном сечении они потому очень толсты. Человек, вероятно, употреблял их без рукояток: острые грани кремней, полученные при обтесывании, кое где затуплялись, очевидно, для защиты руки от поранения. Среди этих орудий особенно замечательны грубо оббитые камни, прообразы будущих шелльских топоров. Коммону удалось убедительно доказать, что из дошелльских примитивных орудий постепенно выработались шелльские формы. Я говорю „убедительно“—и разумею археологов. Для неспециалиста-сличение археолитов труднее китайской грамоты. Факты про-

*) Osborn, p. 122.

лого столь тускло отвечивают в этих „источниках“, что лишь опытный взгляд археолога может уловить их смысл. Нам остается довериться их экспертизе, помня, что и она не всеведуща.

Тайна
эоантропа
Даусона. В Сент-Ашелле не обнаружено ни одной кости создателя древнейших тесаных орудий. Но в Англии, еще соединенной тогда с материком, удалось рядом с дошелльским кремнем обнаружить и кости человека, названного эоантроп — „заря человека“. Это „одно из замечательнейших открытий 20-го века“ (Кизс) было сделано в 1911 г. археологом Даусоном, пригласившим в сотрудники Смит-Вудворда (Smith Woodward). В Пилтдоуне, лежащем в юго-восточной Англии (Суссекс) между двумя рукавами Аузы, был раскопан речной нанос, обнаруживший 5 слоев. Самый нижний (5-й, считая сверху) представлял меловое ложе ископаемого потока и потому не разрывался. За мало интересным 4-м (бледножелтая глина и песок) следовал ставший знаменитым 3-й слой темнубурого гравия (толщиной в 18 дюймов) с орудиями и останками человека. Над ним располагался 2-ой, тоже культурный слой из бледножелтой песчаной глины с гравием и кремнями, явно обработанными рукой человека. Совсем неинтересен и самый верхний 1-й слой, тоже с кремнями. Содержание 3-го слоя оказалось довольно загадочно. В гравии нашли кости ископаемых животных, которые жили в разные эпохи — и в третичный плиоцен и в четвертичный плейстоцен. Здесь были остатки мастодонта, определенно плиоценового, обломок зуба какого-то слона, остатки гиппопотама, южного слона (вероятно, *трогоатерия*?); два последних животных существовали во 2-ю межледниковую эпоху. Человеческие кости найдены не в определенном пласту (*in situ*), а в груде щебня, вырытого рабочим из ямы при добыче гравия. В куче скоплений, из которой извлекли обломки черепа, нашли зуб носорога не то Мерка (2-е межледниковье), не то его предка этрусского (был в 1-е межледниковье), зуб бобра (вероятно, *trogontherium cuvieri*) и кость ноги какого-то оленевидного, носившую надрезы, может, сделанные человеком. Отдельно от человеческого черепа лежал обломок нижней челюсти, а в 1913 г. найден был глазной зуб человека. Все человеческие кости были приурочены к 3-му слою. В этом же слое нашли и единственный экземпляр дошелльского односторонне обтесанного орудия из кремня, прообразовавшего позднейший шелльский ручной топор. Зато в большом количестве были обнаружены эолиты, гораздо более примитивные: они были обкатаны и сильно истерты, думают, водою ручья, занесшей их сюда. Весь пестрый состав находок 3-го слоя не оставляет сомнения в том, что ископаемый поток нанес сюда предметы, принадлежащие разным слоям и эпохам. Хронология его хотя и трудна, но не безнадежна. Сам Даусон осторожно относит пилтдоунского человека „к первой половине плейстоцена“, и притом к теплой его эпохе. Кости животных плиоцена определенно занесены потоком из другого ме-

ста и не связаны с эоантропом. Так как английские ледниковые эпохи (там насчитывают от 2 до 6 оледенений) далеко еще не согласованы с альпийскими, то приурочение этого пильтдоунского человека с его дошелльским кремнем к той или иной альпийской межледниковой эпохе невозможно.

Остается прибегнуть к менее надежному, чем такая стратиграфическая коннекция (согласование геологических слоев), сравнению типологическому. По сходству единственного орудия эоантропа с раннешелльскими (таково мнение Осборна), его следует считать „современником“ стрепийской культуры Рюто. Считать его более молодым не позволяет стратиграфия пильтдоунской находки. Над 3 слоем с останками эоантропа располагается 2-й слой с кремнями, совершенно подобными дошелльским (следую опять Осборну). Кремни эти, видимо раскалывались надвое. Из них выделялись острые орудия треугольной и овальной формы, с грубой ретушью, обтесанные лишь с одной стороны *). Согласно классификации Городцова, эоантропа придется помещать в начале 2-ой межледниковой эпохи. Кости животных, исключая третичные, перенесенные водой, нисколько не противостоят такому приурочению. Попытка Кизса (Keith) отнести эоантропа к третичному плиоцену признана неудачной, прежде всего, в силу строения этого существа.

Насколько можно судить по таким бранным останкам, как осколки черепной крышки, глазной зуб, обломок челюсти, эоантроп был человек, но человек крайне своеобразный. Остатки черепной крышки были столь не полны, что ее восстанавливали двумя способами. Считали, что она была совершенно человеческого типа, с высоким прямым лбом, с едва обозначенными надбровными дугами, но объем определяли то в 1400 (Keith), то в 1300 (Smith Woodward) куб. сантим., т.е. то более, то менее близко к современному европейскому. Фиг. 2 на таблице 4 (в конце книги) дает совершенно гадательный бюст эоантропа. Человечьим считали и глазной зуб. Обломок же челюсти, очень плохой сохранности, вызвал большие споры между учеными. Миллер (Miller) в Америке даже приписал эту челюсть, в силу действительно поразительного сходства, ископаемому „древнему шимпанзе“ (*pan vetus*). Однако это американское предположение (его разделяет и Осборн) возможно и неправильно. Многие ученые отказывались допустить, что все кости принадлежат одному существу с высоким лбом современного человека и с обезьяньей челюстью шимпанзе. Но недавно этот „высокий“ лоб подвергнут сомнению. Профессора Эллиот Смит и Гунтер произвели третье восстановление черепной крышки эоантропа, так, что она и по объему и по форме стала походить больше на таковую питекантропа, чем современ-

*) Osborn рис. 64 (разрез слоев), рис. 65 (кремн. орудие 3-го слоя), рис. 66 (образцы золотов 3-го слоя); рис. 60 (пильтдоунские дошелльские орудия из 2-го слоя).

ного человека. В таком случае шимпанзеподобная челюсть может гармонировать с черепной коробкой. Однако зоантроп продолжает быть загадкой. Открытие в 1915 г. в Пильтдоуне новых черепных обломков бессильно ее раскрыть.

Миллеру и Осборну осталось неизвестным новое крупное открытие Даусона и Вудворда в Пильтдоунском гравии *). Летом 1914 г. они нашли преднамеренно обработанный большой обломок кости. Он был 41 сант. длины, 9—10 сант. ширины и 3—5 сант. толщины. Оба конца его были обработаны: один закруглен, а другой заострен. Одна из поверхностей, слегка выпуклая, по плотности костяной ткани соответствует наружной поверхности кости; другая поверхность, слегка вогнутая, более неправильная, состоит из менее компактной ткани. Кажется, что этот костяной обломок был отбит от кости тем же способом, каким пластинка откалывается от ядрища кремня. Обделка концов костяного обломка произведена не трением, а надрезыванием, проделанным, судя по следам, очень острым кремнем. Исследователи даже думают, что такую работу можно было произвести лишь по свежей кости. Судя по величине обломка, его могли отбить лишь от бедра слоновьего животного (по росту подходит южный слон, кости которого найдены в 3-м слое). Лооренс (Laugence) предполагает, что этот обломок представлял род дубины. Все как будто говорит за то, что создателем этого костяного орудия и был зоантроп. Однако шимпанзе-подобная челюсть совсем не соответствует умению выделывать костяные орудия. Это умение еще не было известно людям мезолитической эпохи. Правда, Обермайер относил к ней таубахские находки. Археологам хорошо была известна эта стоянка в речном наносе Ильма с ее очагами, обожженными костями древнего слона и носорога Мерка, с остатками быка (*bos priscus*), лошади (*equus caballus*), оленевых, бобра, медведя (*ursus arctos*) и крайне бесформенными орудиями из кремня, кварцита, порфира, якобы напоминающими скорее эолиты чем сент-ашелльские или даже мустьерские, с которыми их сравнивали. Найдены были продольно расколотые медвежьими челюстями кости животных: человек лакомился костным мозгом. Но многочисленные сообщения о находках костяных и роговых изделий (кинжалов, ложек, крючков, украшений) до сих пор казались авторитетным археологам сомнительными. Оказывается, в них была частичная истина. Таубахская стоянка относится к поздней поре мезолитической эпохи: часть орудий, здесь найденных, относилась к сколотым, а не тесаным. На закате же мезолита могли явиться и костяные изделия. Зоантроп столь молодым быть не может. Так тайна зоантропа до сих пор не раскрыта. Гораздо прозрачнее останки его приблизительного современника.

*) L'Anthropologie 1917 г., № 1—2 p. 159 (рецензия Буля).

В 1907 году рабочие в яме для добывания песка в Мауере (близ Гейдельберга) на глубине 24 метров обнаружили человеческую нижнюю челюсть. Известный ученый Штенцак произвел здесь раскопки. В речном наносе Неккара была обнаружена в пласте, откуда извлекли челюсть, южная лесная фауна—древний слон, этрусский носорог, медведь (*ursus Deningeri*), дикие лошади, кабан (свинья) и собака. Вода произвела смещение слоев (принесла этрусского носорога), почему Верт правильнее всего относит челюсть ко 2-й межледниковой эпохе, а не к 1-й, как думал Штенцак. Челюсть эта прекрасно сохранилась. Она является самой массивной из всех ископаемых и современных человеческих челюстей, особенно выпукла и широка восходящая ветвь ее. Зубы целы и несомненно человечески. Самое же замечательное в челюсти—полное отсутствие подбородочного выступа-бугра, что некоторым ученым внушает беспокойство за способность речи ее обладателя, названного гейдельбергским человеком (homo heidelbergensis). Никаких сопровождающих орудий обнаружено не было. Однако она имеет в глазах ученых огромное значение. Буль приставлял ее к черепу неандертальца, и она, несмотря на свою массивность, прекрасно к нему подошла. Биркнер, конечно, неправильно считает мауерскую челюсть неандертальской. Во всяком случае, она принадлежала предку неандертальцев. Буль сравнил ее и с обломком пильтдоунской челюсти. Одно время он пришел к выводу, что челюсти эти одного типа и принадлежат людям, жившим в шельские времена, но представителям двух видов человечества. Пильтдоунский человек (эоантроп) был предком, от которого по прямой линии произошел современный человек, а гейдельбергский человек был возможным предком угасшей неандертальской расы. Если сейчас существуют четыре вида человекоподобных обезьян, то, конечно, могли существовать виды и среди первобытного человечества. Только источники нашего знания об этом отдаленнейшем прошлом поразительно ничтожны. У нас нет скелетов, а есть только черепная крышка, 2 зуба и бедро тринильского человека (питекантропа) от 1-го оледенения (может, и 1-й межледниковой эпохи), затем не менее жалкие остатки 2-х видов от 2-й межледниковой эпохи: пильтдоунские кости (неполная черепная крышка, обломок челюсти, зуб) и мауерская челюсть, принадлежавшие двум видам, от которых произошли неандертальский и современный со всеми его разновидностями. Если вслед за Эллиотом, Смитом и Гунтером отвергнуть современную форму черепной коробки эоантропа, то можно допустить его сосуществование с гейдельбергским человеком. Любопытно отметить, что мнение Буля (затем им оставленное) о современности эоантропа с гейдельбергским человеком дает опору мнению Пенка, поддерживаемому Городцовым, о принадлежности шельской культуры 2-му межледниковью, так как все ученые согласны, что мауерская челюсть должна быть отнесена во 2 межледни-

ковую эпоху, в крайнем случае в 1-ую, но никак не в последнюю, т. е. 3-ю, в которую школа Буля помещает шелльскую культуру *); впрочем в 1916 г. и Обермайер отказался от своего мнения; Верт, Вигерс и Байер согласны с Пенком.

2. Средняя пора.

Шелльская культура относится к средней поре археолита. Отложения, давшие ей имя, расположены на приречном плато Марны, близ местечка Шелль (Франция). В речном наносе, достигавшем 10—12 метров толщины, признали два различных слоя. В нижнем (1), собственно шелльском, лежавшем на третичном, найдена теплая лесная фауна: древний слон и носорог Мерка, близкие к современным индусским, гиппотопам, лошадь, близкая к третичной (*equus stenonis*), бобр-великан и пр. Сверху лежал слой (2) с мустьерскими орудиями и костями мамонта. Обнаружено некоторое смещение слоев водою: в нижний попали кости пещерного медведя. Гораздо отчетливее отделен шелльский слой Коммоном в Сент-Ашелле.

Самым знаменитым орудием этой открытой стоянки признается шелльский топор, или „ручной ударник“ (coup de poing). Отец первобытной археологии Буше де Перт, этот чудак из Аббевиля, находкой именно подобных топоров, извлеченных из насосов Соммы, доказал, что в Европе одновременно с носорогами, следовательно, в отдаленнейшие времена жил первобытный человек. Это орудие считалось Мортилье единственным „универсальным инструментом“ шелльского охотника. Лишь недавно в Сент Ашелль ученые убедились в существовании у него целой серии разнообразных орудий. Человек здесь, как бы ощупью, создавал новые формы, из которых некоторые удержались и позднее закрепились в постоянные типы орудий. Так, там нашли режущее орудие из кремня с выгнутой верхней спинкой и нижней режущей поверхностью (см. табл. 1, рука с кремнем), ножи, острия, скребки, скобели. Но „руководящей формой“ считается „ручной ударник“. Он изготовлен нехитрыми приемами тесаной техники. Кусок кремня или гальки оббивался со всех сторон грубыми осколками пока не принимал формы миндалевидного клина, заостренного с одного конца и закругленного с другого (табл. 1 и 5). Обтесывание выполнялось крайне неискусно и грубо, так что орудия выходили очень тяжелыми (иногда до $\frac{1}{2}$ килограмма веса). Такое массивное орудие нельзя было прикрепить к рукоятке. Все археологи согласны, что ручные ударники употреблялись без всякой деревянной оправы. Они прямо зажимались в руку, почему на некоторых ударниках оставлена пята (дикая корка кремня), а по боковым сторонам сделаны выбоины для

*) Зоантроп остается загадочным, ибо ни строение его черепной коробки, ни хронология его не установлены сколько-нибудь надежно. Исправлять (а тем паче опровергать) эволюционное учение Дарвина на основании столь мутного источника, конечно, нельзя.

шальцев. Обычно шелльских людей сравнивают с тасманийцами, однако это совершенно неправильно.

Белые, прежде всего, разноречивы в своих показаниях о тасманийцах: по одним, они употребляют каменные топоры без всякой деревянной оправы, по другим, — с рукоятками. Далее Джонсон утверждает, что тасманийцы имели мустьерскую (точнее „доориньякскую“) технику орудий (т.е. скотую), эолиты же у них сосуществовали с высшими орудиями. Вполне доказано, что по строению черепа тасманийцы были современными людьми, а не гейдельбергскими или неандертальскими, какими надо считать шелльцев: современный человек (*homo sapiens*) известен только с эпохи 3-го межледникового (по Обермайеру, с послеледниковой эпохи).

Гораздо плодотворнее сближение тесаной шелльской техники с деревообделыванием. Известный ученый С. Рейнаха (С. Рейнах указал*), что деревянная техника должна была существовать даже у дошелльского человека, ударнике. только продукты ее совершенно не сохранились. По его мнению, шелльские орудия возникли из подражания деревянным. В частности, моделью ручного ударника мог послужить деревянный кол, заостряемый совершенно такими же ударами. Кол же, в свою очередь, мог получиться при заострении концов ветвей. Эта гипотеза прекрасно объясняет широкое распространение шелльского ручного ударника. Он найден в Западной Европе (но не в России) в Азии (Индия), в Африке (Египет и даже на реке Конго) и в Америке (но не в Австралии). Пришлось бы построить не мало материковых мостов, чтобы объяснить столь обширную область распространения ручного ударника. Появление и исчезновение этой формы легко объяснимо. Она характерна для леса и связанной с ним деревянной техники. Тогда будет понятно, что ручной ударник пропадал в эпохи степи или тундры (напр., мустьерская и магдаленская культуры) и вновь возрождался в эпохи леса.

3. Поздняя пора.

Шелльская культура совершенно незаметно переходит в сент-шелльскую, характеризующую позднюю пору археолита. Эта новая культура получила свое название от города Сент-Ашель (Франция). Коммон блестяще доказал ее тесную связь с шелльской и проследил развитие обработки орудий. (см. табл. 1 и 5). Тяжесть ручных ударников постепенно уменьшалась. Обтесывание производится тщательно, острые грани становятся прямее. Применяется вторичная оббивка (ретушь), от чего больше осколков отбивается и орудие делается легче. Ретушь производится не случайным камнем, а специальными каменными отбойниками. Ударники сопровождаются мелкими инструментами в форме острокопечников, скребков, скобелей и лезвий. К концу

*) L'Anthropologie 1913 p. 592—593.

этой культуры ударники становятся ланцетообразными, а набор мелких инструментов становится богаче и разнообразнее. Теплый шелльский лес с лаврами и смоковницами отступает к югу. На дальнем севере Европы начинают образовываться мощные ледники. Мамонты (*elephas primigenius*), или обросшие мехом слоны, прямые потомки трогонтерия, и лохматые сибирские носороги, (*rhinoceros tichorhinus*, или носорог с костяной перегородкой в носу) появляются, по мнению Обермайера, на нашем материке. Другие ученые считают, что мамонтовая фауна достигла Франции только в следующую эпоху.

4. Итоги археолита.

Подводя итоги археолиту, мы видим и бедность наших знаний, и рост их по сравнению с эолитом. Обломки головных костей из Пильтдоуна, правда, многими отрицаемые, мауерская нижняя челюсть, всеми общепризнанная, твердо доказывают существование человека, однако весьма отличного от всех нынешних рас. Его кости найдены в подвижных речных наносах, почему он, известен нам еще плохо. Виолне твердо установлено существование орудий у археолитического человека. За стрепийским или пильтдоунским эолитом, этим острым режущим орудием неопределенной формы, следуют обтесанные ручные ударники Шелля и более изящные орудия из Сент-Ашелля. Каменным ударникам предшествовали деревянные орудия, конечно, истлевшие. Можно предполагать, что у мужчины это была дубина: Лооренс, как мы видели, считал костяное орудие из Пильтдоуна родом дубины, очевидно, воспроизводившей деревянный инструмент. По мнению С. Рейнаха, шелльский ручной ударник воспроизводил деревянный кол. Эта заостренная деревянная палка, вероятно, была древнейшей землекопалкой, орудием женщины. Высказывая предположения, я прошу читателя помнить, на какой зыбкой почве мы находимся. Не только неоткрытые, но и открытые орудия отрицаются. Так было с таубахскими роговыми орудиями, так повторяется с пильтдоунским. Но орудия в археолит, несомненно, существовали. Человек археолита был „мастером“ (*homo faber*), не будучи еще разумным человеком (*homo sapiens*). Этот факт установлен несомненно. Но объяснение происхождения орудий оставляет желать многого.

Гипотезы о происхождении орудий. Со времени Каппа ученые охотно выдвигали гипотезу „органической проекции“: человек обладал, мол, способностью выносить свои органы во внешний мир, путем их воспроизведения. Так, зуб или коготь были проецированы в остром, режущем эолите, рука—в палке, кулак—в камне, заостренная палка—палец или рука с ногтем. Такая способность удвоения органов своего тела едва ли объясняет что-либо, потому что существование ее само нуждается, если не

в доказательстве, то в объяснении. Осторожнее подходили к вопросу другие ученые. Они указывали, что уже человекоподобные обезьяны бросаются сучьями и плодами в путников в африканском лесу. Человек еще эолита, собиравший пищу, мог схватить в рот и обломок камня. Испытав на зубах жесткость этого предмета, он с яростью швырял его прочь. Так случайно, ненамеренно рукой человека был брошен первый камень. Опять случайно такой камень убил какое-то живое существо или сбил плод с дерева. Человек при повторении таких явлений устанавливал в своем сознании связь (ассоциацию) между брошенным камнем и появлением пищи. Всякий раз, когда появление дичи или плода рождало в его сознании мысль о пище, последняя ассоциировалась с бросанием камня. Тогда человек стал кидать камень намеренно, сознательно, когда видел дичь или плод. Английские психологи (напр., Бэн) большие мастера на такие кольцевые ассоциации, такие неудовимые переходы от бессознательного к сознательному, целевому. Можно продолжить дальше завитки этой спирали. Случайно расколовшийся при метании камень дал мелкие острые осколки. Случайно обнаружившиеся режущие свойства их привели к намеренному раскалыванию камней, породившему позднее обтесывание, при чем в последнем случае процесс усложнился влиянием деревянной техники. Происхождение деревянных орудий объясняется однородно. Случайно обломанный при падении с дерева сук остался в руках падавшего, уцепившегося за него человека. Дальнейшая судьба попавшей в руки человека ветки будет вполне сходна с участью камня, почему описывать ее, пожалуй и, не нужно.

Неведомое. Мне кажется, что подобные приемы проникновения в духовный и общественный строй археолита чересчур грубы и наивны. Если исходить из психики людей 19-го или 20-го века, то мы не получим ничего, кроме крайней модернизации—подновления археолита. Джеку Лондону в романе „До Адама“ еще позволительно доказывать древесную жизнь первых людей современными сновидениями, в которых нам грезятся падения вниз, почему мы просыпаемся от первобытного, вновь воскресающего ужаса. Но науке уже неудобно идти столь заведомо ненадежными путями. Так способы взлезания на высокие деревья современных австралийцев ничего не говорят нам о манере лазания человеческого предка: австралиец слишком далек от него по своей физической организации. Теория Клаача о выработке у человеческого предка вертикального положения в результате частых подъемов на толстые деревья, конечно, весьма остроумна. Но австралийцы могут дать только мысль для такой чистой гипотезы, но никак не служить опорой ее достоверности *). Равным образом из укреплений, устраиваемых на деревьях африканскими неграми, земледельцами и скотоводами железной эпохи, было бы странно

*) Крэмер. Вселенная и человечество, т. 2, с. 201—214.

заключать о деревьях, как жилищах первых людей. Я вовсе не хочу этим сказать, что первые люди не жили на деревьях, но лишь хочу указать, что нельзя доказывать этот факт столь ненадежными соображениями.

Впрочем, бездоказательность подобных рассуждений довольно очевидна. Гораздо хуже, когда ложные методы прикрываются солидным, научным авторитетом. Таково пресловутое восстановление „психических свойств“ четвертичного человека шелльских времен, делаемое известным археологом Обермайером. Он исходит из „ценных выводов“ немецкого священника—патера В. Шмидта. Тому удалось „открыть“ в африканских карликовых племенах, якобы с очень примитивными, чуть ли не доэолитическими орудиями, поразительно совершенные элементы общественности: моногамную (с одной женой) семью, нравственную упорядоченность, чистую, простую религию, даже с намеками на единобожие. Все это Обермайер переносит во времена эолитов, правда, с некоторой опаской. Во всяком случае он настаивает на том, что эолитические люди „отнюдь не должны считаться приближающимися более к животным, чем к человеку“. Обермайер, впрочем, настолько откровенен, что проговаривается о цели такой странной и нелепой модернизации древнейшего человечества. Он с торжеством заявляет: „Теория о первоначальном коммунизме всего имущества и о первоначальной нравственной распушенности в половых отношениях оказывается здесь совершенно разбитой“ (**). Для нас понятно, что ученый аббат—иезуит (Обермайер не только профессор!) трудился над восстановлением не психики четвертичного человека, а авторитета частной собственности и индивидуальной семьи современного капиталистического общества.

Я думаю, что данных примеров за глаза довольно, чтобы убедиться в опасности определения психической жизни людей археолита. Здесь необходимо тщательное изучение самых молодых и неразработанных отделов психологии—детской и животной. Здесь нужен утомительный и длительный анализ, дающий в итоге скудные и сомнительные результаты. Приходится отказаться от такой самонадеянной попытки. Археолитическая эпоха остается покрытой прахом многих тысячелетий, отделяющих ее от нас. Только маленькие светлые пятнышки различимы на тусклом фоне этого праха. Но мне кажется, что такая неочищенная, не „реставрированная“, вся в пробелах, картина лучше лакированной, но жалкой олеографии, не имеющей ни малейшего сходства с реальными предметами, изобразить которые покушался ее автор.

**) Обермайер с. 481—484.

III. Мезолитическая эпоха.

К третьему самому длительному (по таблице пр. оф. Городцова более 100.000 лет) и самому мощному оледенению относится мезолитическая, или среднекаменная эпоха человеческой культуры. Археологи знают ее гораздо лучше, чем предыдущие. Они смогли разделить ее на три поры. В наслоениях маленькой французской пещеры Ле Мустье им удалось отыскать культурные пласты, этим порам соответствующие. Прекрасно выяснена и связь этой эпохи с предшествующей археолитической.

К самому началу мезолита следует отнести и Крапинская древнейшую известную нам стоянку с костями человека. Это „убежище под скалой“ близ Крапины (Австро-Венгрия). Здесь найдены кости носорога Мерца, предка сибирского. Но он сосуществовал здесь вместе с пещерным медведем. Найдены и кости благородного оленя, волка, оленя-великана, бобра, лошади, первобытного быка. Такая фауна не могла принадлежать к холодному времени — оледенению. Многочисленные орудия, здесь открытые, были крайне неопределенной формы, но сделаны при помощи сколотой, а не тесаной техники. Поэтому их нельзя относить к шельльской культуре, как это делает Обермаер. Самое замечательное в культурном слое Крапины — кострище, о котором говорят и остатки буковых углей и обгорелые кости. К грядущему оледенению человек был подготовлен. Крапинец знал огонь. По абсолютной хронологии профессора В. А. Городцова более 200 тысяч лет тому назад человек стал господином огня. К сожалению, эта дата отличает и другое печальное явление. Крапинец был не только человеком огня, но и людоедом — каннибалом. В Крапине найдено до 500 обломков человеческих костей. Они обуглены, разломаны, трубчатые же расколоты вдоль для высасывания мозга. Только человек умеет так раскалывать кости, только человек, следовательно, и мог лакомиться мозгом человеческих костей. Не меньше 10

детей и взрослых в Крапине стали жертвой низкой страсти каннибалов. Исследователь Горянович - Крамбергер, первый открывший стоянку, с удивительным трудолюбием и талантом склеил из жалких обломков целый череп. Впоследствии ученым удалось откопать хорошо сохранившиеся целые скелеты, на которых нам удобнее будет познакомиться с анатомическими особенностями тогдашней человеческой расы. Пока же достаточно заметить, что у представителей ее в Крапине был покатым назад лоб, с непомерно выпуклым надбровными дугами. Нижняя челюсть обладала меньшей массивностью, чем мауерская, и „при подходящем освещении“ на передней пластинке ее можно было заметить присутствие первого зачатка подбородка *). Мы увидим вскоре, что такими же особенностями отличалась и неандертальская раса, с которой нам предстоит скоро ознакомиться.

Пока же ознакомимся с приемами выделки каменных орудий крапинским человеком. Он был изобретателем сколотой техники. Последнюю легче понять путем сравнения с процессом колки дров. Каждый из современных русских его прекрасно усвоил, и лишь немногие успели забыть. Но все же напомним. Пилой - ножевкой отпиливается от бревна нужный кусок дерева. Затем этот толстый обрубок раскалывается топором на более мелкие поленья, даже лучины. В отличие от обтесывания деревянного кола, когда стружки и обломки являются бросовым материалом, при колке дров, напротив, обломки, отрубаемые от толстого обрубка бревна, делаются поленьями, годными для топлива. Подобно недавним невольным дровоколам поступал мустьверский каменотес, работавший несравненно быстрее и искуснее, хотя и без всяких металлических инструментов.

Добыв кусок кремня, он сильным поперечным ударом, нанесенным камнем, перерубал этот кусок на две неравные части. Бóльший отрубок подлежал дальнейшей обработке. Его верхняя поверхность, образованная поперечной перерубкой, являлась „плоскостью удара“, по которой можно было делать продольные удары сверху вниз в вертикальном направлении. Эта „плоскость удара“ напоминает то поперечное сечение бревна, которое получалось при нашем перепиливании. Затем пещерник брал каменные „отбойники“ (вместо нашего топора) и продольными ударами по краю „плоскости удара“ скалывал обломки разной формы и величины. Это скалывание продолжалось, пока камень не делался непригодным для дальнейшей отколки: так мы кончаем раскалывание поленьев, когда колоть становится трудно. Такой каменный обрубок, покрытый со всех сторон же-

*) Биркнер Ф. Расы и народности человечества, с. 357 и рис. 356.

лобами, ученые зовут „ядрище“ или „нуклеус“. В противоположность тесаной технике, „каменные щепки“ — обломки шли в дело, тогда как ядрище ни на что не годилось. Археологи узнают такие искусственно сколотые обломки по трем главным приметам: 1) плоскость удара (или, точнее, часть ее) на верхнем ее конце и на внутренней его стороне, 2) раковистость излома и 3) щербина (шрам) на вершине этой раковистости; две последние приметы получаются от продольного откалывания обломка от нуклеуса — ядрища. Внешняя боковая сторона каждого осколка оставалась необработанной, покрытой дикой коркой. Внутренняя же, носившая метки раковистости излома, подвергалась вторичной оббивке мелкими осколками (ретушь). Можно дать объяснение, как крапинцы пришли к сколотой технике. Возможно, что эти скалыватели камней уже умели колоть дрова и перенесли приемы деревообделки в обработку камня. Но тогда встает вопрос, как изобретена колка дров. Следует подчеркнуть удивительное сходство скалывания каменных осколков с раскалыванием человеческих и звериных костей для добычи костного мозга. В крапинской стоянке найдено вместе и то, и другое, и „сколка“ камня, вероятно, ведет начало от раскалывания костей для извлечения мозга. Крапинская или ранее — мустьерская культура представляет комплекс, все элементы которого строго соответствуют друг другу.

Исходя из последней мысли, можно попытаться объяснить и появление огня, древнейшие следы которого в форме кострища обваружены в крапинской стоянке. Ученые не раз пытались описать открытие первого огня человеком. Огонь в природе — от молнии, солнечного зноя, вулканического извержения. Все живое, и человек в том числе, спасается в паническом бегстве. Он бросил свои орудия, спасая свою жизнь. Но он возвращается за ними, когда едкий дым и жгущее пламя перестают его ужасать. Он наталкивается на дгорающую ветвь или кустарник. Его влечет невиданное ярко блестящее живое существо. Он хватает его рукой и обжигается. Но это не огненное море горящего леса. Человек не бежит. Он бьет красного кусающегося зверя своей дубиной. Случайно дубина загорается. Охотник решает, что поймал зверя. Он тащит его к своей стоянке, где приютилась его семья. Здесь все любят невиданным злым зверем: его „кормят“ и дивятся, как он быстро растет от еды. Ему кидают разные предметы и убеждаются, что хворост — его любимая пища. Постепенно люди сживаются с огнем, всегда поддерживают его жизнь, всегда подкидывают топливо. Так человек „открывает“ (но не „изобретает“) красного зверя и приручает его. Параллельно он научается ценить тепло и свет, огнем даваемые. Возможны детализации и вариации этой картины. Не мужина с дубиной, а жевщина с землекопалкой открыла первое пламя. В вулканической местности она попала

на слой только что остывшей лавы, еще огненно-горячей под наружную корку. Воткнув в нее землекопалку, женщина вытащила бы огонь, потащила бы его к мужу и т. д. Артистка сменила бы актера, но содержание сцены в основном осталось бы прежним.

Гораздо правдоподобнее, что огонь был не „открыт“, а „изобретен“ первобытным человечеством. В процессе изготовления сколотых орудий люди могли высекать искры, которые были нестрашны и заурядны при камнеобделке. Эти искры стали улавливаться на трут — сухую подстилку из пуха, листьев, шкур и пр., так как людям понадобился светлый и горячий огонь. Климат постепенно менялся. Вечно зеленый лес уходил на далекий юг. Надвигалось третье „великое оледенение“, самое грозное.

В это оледенение снеговая линия спустилась на 1500 метров ниже современной. Многие области Европы были покрыты сплошным ледяным панцырем. Однако, далеко не весь материк был снеговой или ледяной пустыней. Мы находим кости очень разнообразных животных, принадлежащих разным поясам, но уживавшихся рядом друг с другом. В равнинах климат был сырой; это было не столько оледенение, сколько время дождей; недаром некоторые новейшие ученые предпочитают звать ледниковую эпоху плювиальной (дождливой). Во Францию, правда, вторглись стада северного оленя, мускусных быков, леммингов (полярных крыс), свойственные арктической (северной) тундре. Но там имелись и олень-великан, благородный олень, свойственные лесу умеренного пояса. Не покинули Европы и мамонт (первобытный слон) и сибирский носорог. У человека была обширнейшая охотничья добыча. Но у него были и страшные соперники. Пещерный медведь стал реже, но зато распространился еще более крупный и свирепый серый медведь (*ursus ferox*). Даже такие экзотические хищники, как пещерный лев и гиена, не боялись холода и остались в Европе.

Пещерники-троглодиты. Хищные звери, как показывают эпитеты, сопровождающие их имена, любили устраивать свои логовища в естественных пещерах или расселинах между скал. Человек мезолита искал себе убежища там же. Ему не раз приходилось отвоевывать себе жилье у четвероногих хозяев, не раз вынуждался он и на оборону своей жизни от вторжения непрошенных гостей; культурные мустьерские слои содержат не только кости всех вышеперечисленных травоядных, но и остатки этих свирепых хищников. Холод, сырость, ужас перед хищными зверями побудили человека стать троглодитом, или „пещерником“. Хотя пещеры были так сыры, что даже мед-

веди, судя по найденным костям, заболели ревматизмом, но благодаря огню становились относительно удобными. Они давали и кров, и тепло, и возможность обороны. Плающая головня была главным оружием человека, утешавшим самых страшных хищников. Пещера была для человека не только жилищем, но и мастерской. Здесь находят и готовые орудия его, и осколки камней, разбитых при работе.

У мустьерца основными „руководящими формами“ сколотых орудий были ручной остроконечник и скребок (табл. 1 и 5). Остроконечник в общем треугольной формы, не обработанный с одной боковой стороны, с острием на конце, был гораздо легче и меньше шелльского ударника, он не длиннее 10 сант. Мортилье считает, что он употреблялся без оправы, зажимаясь прямо в руку. Другие думают, что он мог быть наконечником копья; вероятнее, что он служил киялом. Скребок, имевший в общем овальную форму, был тоже необделанным, гладким с одной стороны, а с противоположной ей покрыт ретушью, образующей много острых поверхностей. Предполагают, что он употреблялся для выделки шкур. Таким образом скребок ясно говорит о появлении у человека меховой одежды. Его величина от 5 до 17 сант. Крупные шелльские ударники измельчали, выродились и редко встречаются в мустьерских слоях, как пережитки шелльских времен. Я не останавливаюсь на более редких и специальных мустьерских орудиях (см. табл. 1). Упомяну лишь, что в пещере Ла-Кина (Франция) найдены куски лошадиных и бизоновых костей с явными следами обработки их человеком. Какие орудия выделывал из кости троглодит, остается неизвестным. Некоторые ученые даже сомневались в их существовании. Но оно гораздо менее невероятно, чем погребение. Однако последнее, несомненно, доказано: троглодит погребал своих мертвых.

Погребения. В 1907 году швейцарский торговец древностями Гаузер наткнулся в нижней Мустьерской пещере на ископаемые кости. Он вызвал известного немецкого ученого Клаача. Раскопки поэтому были произведены крайне тщательно. В раннем мустьерском слое обнаружили скелет юноши, большая часть костей которого обратилась в прах. Однако положение скелета было точно установлено. Здесь было очевидное намеренное погребение. Юноша имел положение спящего; голова, обращенная направо, покоилась щекой на локте поднятой правой руки, кисть которой находилась у затылка. Левая рука вытянута вдоль тела и рядом с ней лежал изящный ручной ударник 17 сант. длиной, напоминающий ранне-мустьерский; тут же по близости лежал и мустьерский скребок. Голова покоилась на подушке из нескольких кусков кремня; двумя кремнями был покрыт сверху и нос. Вокруг было много разбитых костей; удалось установить кости ископаемого быка. Череп был сохранен и оказался характерно

неандертальским. За этой первой ласточкой последовали другие. В 1908 г. археологи — аббаты Буиссонье и Бардон откопали в средне-мустьерском слое Ла Шапель-о-Сен (Франция) скелет старика в 1,6 метра ростом, лежащий в настоящей могиле в позе спящего с поднятой правой же рукой. Над могилой был слой поздне-мустьерский с массой характерных мустьерских остроконечников, скребков и других орудий, с костями северных оленей, диких быков, лошадей, горных козлов, сурков и пр. Внутри могилы найдены, кроме скелета, кости зубра, куски красной охры и орудия. В 1909 г. Пейрони откопал в средне-мустьерском же слое пещеры Ла-Ферасси погребение в позе спящего, но с подогнутыми ногами, без могилы, но прикрытого камнями. В следующем 1910 г. этот же ученый в поздне-мустьерском слое той же пещеры обнаружил скелет малорослой пожилой женщины всего в 1,4 — 1,45 метра с каменным остроконечником близ правой руки. Замечательно однако, что этот человек (Ла-Ферасси II) был погребен в скорченном положении: тело было чрезвычайно согнуто, руки отогнуты и крепко прижаты к груди, а ноги высоко подогнуты к туловищу. Я лишь упомяну о жалких остатках двух скелетов из Спи (Бельгия), относящихся к поздне-мустьерскому культурному слою; в них тоже видят погребенных людей. Положение скелетов, условия залегания культурных слоев, комиссии ученых специалистов совершенно надежно гарантируют нам несомненно мустьерский возраст всех этих погребений. Мнение знаменитого археолога Г. Мортилье об отсутствии погребений в донеолитические времена этими новыми открытиями опровергнуто. Наука должна признать мустьерские погребения за неизбежно установленные факты, хотя, конечно, может давать им разнообразные объяснения.

Неандертальская раса. Читателю будет понятна вся жгучесть вопроса о мустьерских погребениях лишь в том случае, если он, хотя бегло, ознакомится с останками этих мертвых троглодитов. Антропология, наука о физической природе человека, путем точных измерений всесторонне характеризуют нам человеческий костяной остов. Особенно развита одна часть ее: краниометрия или измерение черепов. К сожалению, трудолюбие краниометров так велико, промеры черепа во всех направлениях так многочисленны, термины так мудрены и требуют так много объяснений, что я не могу здесь на них остановиться. Мне придется ограничиться лишь самой беглой характеристикой ископаемых мустьерцев, которую я почерпну у Буля, автора блестящей монографии о человеке из Шапель-о-Сен. Все эти скелеты относятся к одной расе, которую принято называть неандертальской — по имени Неандертальской пещеры близ

Дюссельдорфа (Германия), где в 1856 г. были найдены остатки скелета со странной черепной крышкой. Ни геологический, ни культурный слой этой находки не был установлен. Черепная крышка возбудила среди ученых сильные споры; ее приписывали ископаемому человеку, страдавшему от ревматизма костей, полоумному отшельнику и даже раненому русскому казаку, умершему в пещере в поход 1814 г. Находки XX-го века окончательно убеждают в древности неандертальского скелета, почему Буль совершенно справедливо окрестил все сходные с ним новооткрытые костяки неандертальскими. Что же представляли из себя неандертальцы? Они вовсе не великаны, их рост скорее низкий, чем средний (около 1,6 метра). При коренастом сложении они обладают несоразмерно большой головой. Спинной хребет и конечности имеют ряд обезьяньих признаков; неандерталец не мог держаться столь прямо, как современный человек, а несколько наклонялся вперед. Лицевая часть его головы была развита в ущерб черепной коробке. Лоб был низкий, очень покатый, с громадными надбровными дугами, образующими над арбитами глаз род сплошного валика. Лицо длинное, с плоскими покатыми скулами. Верхняя челюсть была косо выдвинута вперед (прогнатизм), и на ней отсутствовали так назыв. „собачьи ямки“. Лицо с такой челюстью, надбровными дугами и покатым лбом приобретало облик полубезьяньей, звериной морды. Нижняя челюсть была очень массивна и тяжела, причем или совершенно лишена подбородка или имела подбородочный бугор, очень слабо выступающий. Мозг был развит, судя по объему черепа (1400 куб. сантим.), и по 2 гипсовым слепкам внутренней части черепа. Однако мозг этот имел немало обезьяньих черт: сильно уменьшение лобных долей, упрощение борозд. Неандертальский вид человека сосредоточил в себе обезьяньи черты, лишь рассеянно, частями встречаемые у некоторых современных рас. Фигура 3 на таблице 4 (в конце книги) изображает довольно правдоподобно (по костям черепов, хорошо сохранившихся) бюст неандертальца. Неандертальцы были менее удалены от начальных форм человечества, чем от современных. Самая низшая из современных рас—австралийская—резко отлична от неандертальской. Велико значение этого ископаемого, уже в палеолит вымершего, человеческого вида в сужении пропасти, разделяющей человека и его ближайших соседей из животного мира. После этой характеристики Буля читателю, мне кажется, ясно, как трудно проникнуть в духовный мир неандертальца. Какая мысль шевелилась за его покатым лбом? Обезьяна уже давно была им превзойдена. Ни одна обезьяна не зажигает огня, не выделяет орудий, да еще приемами скотской техники, не погребает, наконец, своих сородичей. Но это не был еще полный человек. Он стоял, судя по строению его тела, гораздо ниже тасманийца, не только австралийца. Эпоха мезолита, „среднего камня“, действительно какое-то средневековье первобытной культуры. Как величественна борьба неандертальца с могучими хищниками пещер, как суров климат, как

мрачно его обиталище, как гордо несет тепло и свет во мрак и стужу огонь его костра! Но сам он, этот герой с дочеловеческим, подубебзяньным лбом, не может стать для нас близким и понятным. Мы только испытываем неудержимое восхищение перед его героизмом и гордимся тем, что происходим от такого предка. Но в обществе его жутко, и нас неудержимо тянет к людям, более похожим и менее чуждым нам.

IV. Палеолитическая эпоха.

Вслед за мезолитической эпохой следовала палеолитическая, или „древнекаменная“ (см. табл. 1). Это название не должно вводить в заблуждение: перед вами не древняя, а новая ступень эволюции первобытной культуры. Согласно проф. Городцову, она относится к 3-ей межледниковой эпохе со снеговой линией на 150 метров выше современной, к последнему 4-му оледенению, когда снежная ливия опустилась на 1200 метров ниже современной, и частью к послеледниковой эпохе. Европу заселяла в это время смешанная фауна теплого и более холодного климата с мамонтом и сибирским носорогом во главе. Северный олень господствовал во всех слоях, почему французы и зовут часто данную эпоху „веком северного оленя“. Проф. Городцов делит ее на три поры, которым соответствуют три характерные культуры: ориньякская, солютрейская и мадленская. Орудия стали столь разнообразны (см. табл. 1), стоянки столь многочисленны, весь материал так обилен, что и сстой доли его нельзя исчерпать в нашем кратком обзоре. К счастью, на русском даже языке есть довольно подробная сводка у Обермайера, к которому я отсылаю читателя, не удовлетворенного моей неполнотой.

1. Ранняя пора.

Ориньякская Ранняя пора палеолита характеризуется ориньякской культурой, названной так по имени пещеры Ориньяк культура. (Франция). В известной классификации Мортилье она отсутствовала и только в 1906 году была принята на Монакском конгрессе доисториков по докладу аббата Брейля. Ее важное значение заключается в установлении связи с позднемустьерской культурой, т.е. с концом мезолитической эпохи. В целом ряде пещер и убежищ под скалами археологам удалось

обнаружить сосуществование в одном слое мустьерских и ориньякских каменных орудий.

Отжимные орудия. Связь устанавливается и в обработке камня. У ориньякцев мы уже находим „отжимные каменные орудия“. Отжимная обработка является прямым продолжением и усовершенствованием скелотой. В ней, помимо откола, удара, начинает применяться нажим, надавливание. С помощью такого надавливания „отжимником“ (каменным или костяным стержнем) орудия могли получаться более изящные, тонкие и острые. Среди разнообразных новых ориньякских камней археологи отмечают изогнутые клювообразные острия, миниатюрные (длиной 1—2 сант.) ножевидные осколки кремня, называемые микролиты („мелкие камни“), „ножи с выемкой“, родственные им двойные скребки, „скребок высокой формы“ и т. д. (см. табл. 1 и 5). Для археолога эти орудия крайне важны, как „руководящие формы“, позволяющие ему приурочивать к ориньякскому циклу новые археологические находки. Для неспециалиста достаточно указать, что с появлением отжимной техники появляются преобразы пожа.

Костяные изделия. Богатая и сложная коллекция ориньякских каменных орудий должна быть пополнена костяными. Из разных игл, шил, лопаток, довольно неуклюже еще выделанных, заслуживают особого внимания остроконечники с нижним закругленным и часто расщепленным надвое основанием: это—наконечник деревянного дротика, острие которого, видимо, входило в расщепление кости (таб. 5). Ориньякский человек, не сомненно, обладал уже остроконечным копьем. Это орудие было необходимо ему при добывании пищи охотой.

Новые расы. Бизоны (быки), лошади, северные олени, реже благородные, совсем редко олени-великаны, а равно сибирский носорог, мамонт, горный козел становились его добычей. Богатый смешанный мир животных леса, степи и тундры создал для ориньякских охотников высокий жизненный уровень. Мы находим у них не только сравнительно большую специализацию орудий, но и далеко не убогое, а весьма развитое искусство. Экономист мог бы сказать, что ориньякские охотники уже создали, пусть и крайне незначительный, „прибавочный продукт“, позволивший им удовлетворять и потребность к красивому. Он не сделал бы здесь модернизации, потому что он произвел бы свое суждение не относительно получеловеческих неандертальцев, а относительно настоящих людей. Исчезновение неандертальцев, не переживших конца мезолитической эпохи, является замечательным фактом ранней поры палеолита. Перед нами мы сами, вконец современный человеческий вид, „разумный человек“ (homo sapiens), как его называют. Этот новый вид распа-

дается на несколько рас, которые известны антропологам, но которых мы не можем касаться здесь.

а) Кромань-Этим расам обычно дают сборное имя кроманьонцев, от названия убежища под скалой Кроманьон (Франция), где впервые были открыты в 1868 году пять скелетов этой расы в верхнем ориньякском слое. У кроманьонцев вполне уже человеческий облик. Они имеют большой прямой лоб, выпуклую черепную чашу и значительную емкость черепа (до 1600 куб. сант., тогда как объем среднеевропейца около 1400). Надбровные дуги развиты умеренно и не сильно выступают вперед, нижняя челюсть не слишком массивна, подбородок отлично развит и сильно выдается. Все кроманьонцы длинноголовые: их череп имеет большую длину, чем ширину*). Фигура 4 на таблице 4 (в конце книги) передает довольно правдоподобно бюст кроманьонца. Крайне трудно объяснить внезапное появление кроманьонцев в Европе. Если мы признаем существование прямолобого пильтдоунского человека с челюстью шимпанзе, то его можно считать их предком, тем более, что у древнейших кроманьонцев, напр., у ориньякцев из пещеры Комб-Шаппель (Франция) более древние признаки обнаружены как раз в нижней части лица.

б) Неандертал-Пильтдоунский эоантроп слишком сомнителен, чтобы можно было предполагать его родоначальником. Новейшие открытия позволяют установить существование переходных форм к кроманьонцам, этим древнейшим представителям „разумного человека“, от неандертальцев, угасших на закате великого оледенения. Эти переходные формы ученые зовут „неандерталоиды“. Такими в Европе признаются поздне-четвертичные челюсти из Голерфельса и гibraltarская поздне мустьерская челюсть. Самым же замечательным является африканский неандерталоид—родезийский человек (*homo Rhodesiensis*), открытый в 1921 году в Брокен Гилл в Родезии (Южная Африка). Неандертальские признаки в нем очень резко выражены (большие надбровные дуги и особенно массивная челюсть). К сожалению, хронология родезийца пока еще не

*) Многообразные и сложные измерения антропологов не введены мною в изложение по недостатку места. Ограничиваюсь лишь сообщением о самом элементарном подразделении черепов на три группы. В основу его кладется черепной индекс (показатель) длины—ширины:
$$\frac{10 \times \text{ширина черепа}}{\text{длина черепа}}$$

Тогда получим долихоцефалов (длинноголовых) с индексом 70—74,9 мезоцефалов (среднеголовых) с индексом 75—79,9 и брахицефалов (короткоголовых) с индексом 80—84,9. Подразделение Брока несколько иное. Помимо трех основных, есть второстепенные разряды, но мы здесь не можем их касаться.

выяснена. Он как будто даже относится к современному периоду новой эры (вспомнить табл. 3), а не к четвертичному. Между тем, типологически он, несомненно, древнее кроманьонца, определенно жившего в четвертичный период.

в) Раса Гримальди. У родезийца нет еще расовых, негритянских признаков. Но в четвертичной Европе, в ориньякских слоях пещер у селения Гримальди (близ Ментоны, в Италии) ученые открыли „расу Гримальди“, представители которой при нормальном лбе „разумного человека“ отличались сильным прогнатизмом (сильным выступанием вперед челюсти). По мнению антропологов, раса Гримальди обладала определенно негровидными чертами (обычно ее неточно зовут негроидом, хотя скорее она предок, чем потомок негров). Образовалась ли она в Европе, переселилась ли из Африки, решить это пока невозможно: стратиграфически в районе Гримальди эта раса древнее кромальонской. Родословная современного „разумного человека“ известна нам гораздо хуже, чем родословная, скажем, лошади. Чтобы не блуждать среди увлекательных, но зыбких гипотез, я не коснусь ее здесь и вернусь к ориньякской культуре.

Первые памятники искусства. Перед нами чудесно сразу расцветает замечательное искусство. Мы не будем говорить об украшениях: о женских браслетах и мужских головных повязках из просверленных раковин или зубов, о костяных булавах, втыкавшихся, видимо, мужчинами в их пышные прически, о флаконах из кости с порошком красной охры для раскрашивания не только живых, но, как показывают могильники, и умерших. Мы прямо перейдем к удивительным гравюрам и скульптурам ориньякского художника.

В пещере Трилобитов (Франция) нашли первые ориньякские гравюры: пластинка из оленьего рога с изображением растения и шиферная галька с неполными рисунками голов двух носорогов, зада мамонта с поднятым вверх хвостом и еще какими-то царапинками; в деталях здесь уже чувствуется опытный мастер*). Но особенно замечательна найденная в ориньякской стоянке Ребьер (Франция) галька, на которой уверенно вырезан тонким и острым резцом рисунок

Рис. 1.

Гравюра на гальке из ориньякского слоя стоянки Ребьер.

*) Osborn, p. 324. fig 161; Déchelette, p. 126, fig 44 рисунок истолкован неполно.

целого животного, изображенного, однако, столь схематично, что по голове его можно принять за лошадь, а по положению членов за медведя; но ни копыт, ни когтей на ногах нет (см. рис. 1 на стр. 61)*). Трудно сказать, упадок или незрелость искусства обнаруживается в этих гравюрах. Гораздо интереснее оказывается ориньякская скульптура. Особенно поразительны ориньякские женские статуэтки. В Вилендорфе (Австрия) откопали настоящую ориньякскую Венеру в образе голой „толстой женщины с большими грудями, большим отвислым животом, толстыми ляжками и бедрами, но без настоящей стеатопигии (жирного отвислого зада); половые органы сильно выделены, спина правильна в анатомическом отношении. Волосы... вокруг головы как бы завернуты косы, лицо совершенно не выработано... Ни глаза, ни нос, ни рот даже не намечены. Руки укорочены, кисти рук и локти лишь намечены плоскими, положенными на груди рельефными полосами..“ (Шомбати**). Подобных же Венер, но худшей сохранности, нашли во Франции (Брассампуи) и в Италии (Ментона). В 1921 г. Сен Перье открыл замечательную „Леспюгскую Венеру“. В убежище под скалой Лоссель (Франция)

Рис. 2.
Барельеф женщины на скале Лоссель.

Лапана нашел и ориньякские каменные барельефы (см. рис. 2 и 3)***).

Один обломок, еще державшийся на скале, изображал тучную, голую женщину. Ее голова, как и волосы, совершенно не отделана, но, видно, повернута в бок; длинные, отвислые груди. Руки вырезаны легким рельефом: правая держит бизоний рог, левая довольно естественно лежит на животе, выгравированы

*) L'Anthropologie, 1912, p. 307.

**) О б е р м а й е р, с. 337, рис. 137.

***) L'Anthropologie, t. 23, p. 129; рисунки на стр. 131 (женщины) и 134 (мужчины).

все пять ее пальцев. Рог покрыт рядом бороздок, напоминающих ориньякские „охотничьи метки“. Живот порядочный, но не чрезмерный. Стеатопигия совершенно несомненна. Детали переданы изумительно правдиво. Не забыта даже легкая складка на пояснице, всегда встречающаяся у жирных людей. Венерин холм несколько подчеркнут; он образует маленькую трехугольную

Рис. 3.

Барельеф мужчины на скале Лоссель.

выпуклость, покрытую точками, представляющими волосы, покрывающие эту часть женского тела. Ноги сохраняют в общем нормальные пропорции, хотя немного короткие. Все тело барельефной фигуры отполировано, исключая головы, тщательно оббитой. Статуэтка носит следы красной краски, значит, она была раскрашенной. Но и в теперешнем виде она дышит жизнью. Лалани в этом же слое нашел и каменный барельеф мужчины. Он изображен в профиль в позе стрелка из лука или метателя дротика. Фигура не менее женской поразительна по реализму. Замечательна противоположность тонкой и стройной фигуры мужчины, на наш взгляд, безобразной фигуре женщины, обросшей жировыми подушками. Конечно, наши мерки красоты неприменимы к этим древнейшим барельефам земного шара. По абсолютной хронологии (см. таб. 1) проф. Городцова, 80—100 тысяч лет отделяют нас от ориньякских художников, и эту цифру едва ли можно понизить меньше, чем до 30—20 тысячелетий. Но самое сопоставление портретов

мужчины и женщины, из которых реализм первого несомненен, не позволяет нам говорить о стилизации половых признаков, в частности стеатопигии, на изображении женщины. Едва ли в последнем можно видеть Венеру, богиню плодородия. Лалани вполне прав, когда предполагает, что праматери нынешних европейцев действительно обладали такой стеатопигией. Негровидные признаки расы Гримальди только укрепляют такое предположение, потому что на юге негритянского материка—Африки у современных бушменов и готтентотов мы и теперь найдем столь же внушительную стеатопигию.

Готтентоты и бушмены имеют желтую кожу, длинную голову и составляют особую, отличную от негров расу. Для нас готтентоты, эти скотоводы, живущие в родовом строе, сейчас не интересны. Несмотря на свою знаменитую „готтентотскую мораль“ с ее заповедью „мое—мое и твое—мое“, они, конечно, не могут сойти за первобытных дикарей. Другое дело бушмены, т.-е. „люди кустарника“: так их называли белые колонисты. Стеатопигия, маленький, почти карликовый рост (1 м. 53 см.), желтоватая кожа, как у монголов, курчавые волосы, как у негров, маленькие, изящные руки и ноги,—все эти черты позволяют их относить к особой расе, хотя и прямолинейной, но весьма старой и весьма малокультурной. Недавно в Боскоп (Трансвааль) найден ископаемый череп, при большой объемистости (1800 куб. см., больше черепа Бисмарка!), обладавший некоторыми неандертальскими чертами и маленькой челюстью, очень напоминающей бушменскую. Правда, его возраст точно нельзя установить; но он очень древен и, возможно, принадлежал предку нынешних африканцев и современнику первых кроманьонцев в палеолитической Европе *). В лице бушменов думали встретить прямых потомков расы Гримальди. Недаром готтентоты зовут их саб, т.-е. туземцы; недаром следы их встречаются даже к западу от озера Танганьики. До вторжения негров бушмены могли быть исконным населением не только Южной, но и Центральной Африки. Находка великорослого родезийца сильно колеблет мнение о древнем возрасте маленького бушмена. Во всяком случае капризная и сложная судьба бушменской расы не благоприятствовала сохранению ею ориньякской культуры. Натиск белых и черных отбросил бушменов в самые неприветные и неудобные для жизни места африканского юга, вроде пустыни Калахари. Весьма вероятно, что бушмены когда-то стояли на более высоком культурном уровне. В тяжелых же условиях борьбы с людьми и природой бушменская культура приобрела упадочный характер, а бушменская раса стала вырождаться (малый рост!) и быстро идти к полному вымиранию. Эту упадочность очень легко принять за первобытность. За нее говорят охота и собирательство, как единственные формы хозяйства, всеядность, совершенная неразборчивость в пище, бродячество, убогие жилища—пещеры или шалаши, раскраска тела, жалкая одежда-украшение—плащ из шкуры антилопы на плечах, да цепочки из скорлупок страусовых яиц на шее. Однако многие элементы бушменской культуры свидетельствуют уже о сравнительной сложности ее. Бушмену известна „заяигалка“, или прибор для добывания огня вращением деревянной палочки в углублении деревянной же дощечки. До половины 19 го века его орудия (наконечники стрел, скребки, ножи и пр.) выделялись, правда, из камня. Но едва ли можно считать примитивными бушменские лук и особенно стрелу, по мнению Вейла, самое действительное оружие, когда-либо изобретен-

*) L'Anthropologie 1917, p. 189—90. Подробнее Bonne, Les hommes fossiles. Paris, 1921, p. 392—95.

ное африканцами. Эти стрелы крайне разнообразны, изящны и смертоносны. Есть, напр., для охоты на крупную дичь стрелы со сложным вaconечником, ломающимся в ране животного. Действенность стрел бушмена увеличивается тем, что он их отравляет ядом, добываемым из растений, змей или личинок некоторых насекомых. Замечательно хитроумны и сложны коцканы, волчьи ямы, силки, устраиваемые бушменами для мелкой и крупной дичи. Особой высасывательной трубкой бушмен высасывает подпочвенную воду в пустыне, и особой кожаной сандалией, с коготком под пальцами, облегчает себе передвижение по ее раскаленным пескам. Подобно охотничьей снасти, усовершенствовано и орудие собирательства. Землекопалка бушменок не просто заостренная палка: на ней, ближе к нижнему концу, надет каменный шаро или кольцо-образный диск. Такая землекопалка с грузом (киби) позволяет легче и лучше разрывать землю при собирании подземных животных, насекомых и корней растений. Бушмену для изготовления ее приходится просверливать, правда, довольно рыхлый песчаник. Но особенно замечательно, что бушменка не довольствуется „догончанной посудой“. Кроме сосудов из страусовых яиц или желудков гну, она делает от руки глиняную посуду, совершенно несвойственную бродячим охотникам. Не только палеолитической эпохе, но даже современным австралийцам глиняная посуда неизвестна. Она появляется на ступени оседлости. Поэтому в ней надо видеть или подражание оседлым земледельцам-неграм, или пережиток той седой старины, когда бушменская культура была более высокой, когда они, может, были оседлыми, пока волна негров не вызвала их одичания и не заставила перейти к низшим формам хозяйства: охоте и собирательству. Если выбор одного из этих объяснений затруднителен, то во всяком случае глиняная посуда бушменов определенно свидетельствует против их первобытности.

После этого нас не удивят и далеко не примитивные черты их общественного и духовного уклада. Они обладают весьма развитым анимизмом—душеверием: часто в чаянии воздаяния за гробом даже отсекают себе сустав пальцев. У них практикуется парный брак, или единобрачие по нужде. Однако половые отношения у них далеки от современного идеала. Хоровод женщин пляшет иногда вокруг мужчины, который выбирает одну из них для половых сношений, совершающихся публично. Только редкость населения, незначительность пищевых запасов, малочисленность женщин заставляют бушменов жить в парных браках. Но они, во всяком случае, в брачных отношениях далеко ушли даже от австралийцев с их групповым браком. Вообще организация бушменов напоминает не то недоразвившееся, не то выродившееся родовое общество. Только область искусства дает много точек соприкосновения между бушменской и ориньякской культурой. На доисторические европейские особенно похожи бушменские гравюры-барельефы на скалах. Перед нами проходят портреты человеческой четы из стройного мужчины и статопи-

гической женщины, слона со слоненком, антилопы, носорога, гну и др. По мнению Голуба, самые ранние из этих гравюр относятся лет за 200 до нас. Действительно, сами бушмены говорят, что это произведения их предков, и их находят покрытыми слоем земли. Неудивительно, что смысл их неизвестен современным бушменам. Более молодой является многокрасочная пещерная живопись. Бент делит ее на три группы: 1) грубые, 2) искусные изображения животных и 3) сцены из жизни людей. Живописцами, как и приготовителями ядов, являются редкие „спецы“. Зверинные изображения, находимые в пещерах бушменских вождей, вероятно, были какими-то священными знаками племен, но их священное значение теперь уже позабыто. Охотничьи и военные сцены еще определеннее относятся к светской живописи и еще более нового происхождения, чем зверинные портреты. В окружении кольца чернокожих негров, людей железной эпохи, конечно, трудно ожидать найти уцелевшими обломки древнекаменной культуры. Правда, в Европе можно найти соответствие бушменским бытовым картинам в рисунках на скалах Альпера или Когул, которые всего вероятнее приурочивать к переходному времени от палеолита к неолиту. В искусстве же раннего палеолита, точно приуроченном к определенным культурным слоям, мы не найдем изображений, приближающихся к бушменским бытовым картинам. Карпальек уже отметил различие между бушменской и палеолитической живописью. По сложности композиции и даже технике выполнения иные бушменские произведения гораздо глубже и выше. Такова замечательная картина, изображающая охоту на страуса. Ее изумительный реализм, полный притом движения, позволяет нам тоньше почувствовать охотничью страду бушменов. К 5 страусам подкрадывается охотник, замаскированный точь-в-точь как страус; 5 страусов, бросив щипать траву, тревожно перегнулись и смотрят в сторону пришельца, человеческую природу которого выдает торчащий из зоба маленький лук. Перед нами был: белые путешественники бывали очевидцами такой охоты с переодеванием. Бушмен прикрывался, как седлом, шкурой страуса с прикрепленной к ней набитой шеей и головой, вымазывал ноги белой краской и вообще придавал себе обличье страуса. Затем, держа в левой руке лук и стрелы, он со всеми страусовыми повадками приближался на расстояние полета стрелы, двигаясь против ветра, чтобы стоя страусов не учуяла запаха человеческого тела. Если удастся убить стрелой страуса, поддельный страус бежит за вспугнутой бескрылой стаей, чтоб повторить тот же маневр. Бушмен неутомим: он может делать 140 километров в двое суток. Если из „упадочной“ бушменской культуры очень трудно извлечь данные для восстановления ориньякской культуры, то можно, на основании ее, ясно представить себе напряженность борьбы за жизнь, которую человечество вело на охотничьей ступени своего хозяйства. Многие европейские путешественники привыкли изображать охотников как ленивых, бесхозяйственных людей, не

заботящихся о завтрашнем дне. Наедаясь до пресыщения, когда есть убитая дичь, они только ту же стягивают свой поясной шнурок—„пояс голода“, когда его нет. Но запасы можно получить лишь при достаточно продуктивном труде, при богатстве природы, при хороших орудиях. Для сбережения необходима оседлость. Бродягу запасы только стесняют, мешая ему быстро следовать за дичью. Белье путешественники знают, какой невероятной затратой телесных сил требует преследование дичи бегом по пылающему песку Калахари. Неудивительно, что только сильнейшие муки голода побуждают бушмена не идти, а „бежать“ на такую охоту. В погоне человек должен пересилить, взять измором дичь; обессиленный, он часто направляет ее на другого охотника, чтобы тот мог сменить его и продолжать охоту. Некоторые склонны пожалеть бедную дичь, которой при такой травле нет спасения, но гораздо уместнее пожалеть людей, обращенных нуждой в гонимых собак. Впрочем, бушмен выше нашей жалости и своим героизмом добывает право на наше уважение. Сталкиваясь с царем зверей—львом, он дерзко борется с помощью отраженных стрел за свою жизнь. В случае неудачи, прикрыв спину щитом из кожи оленя, бушмен падает ниц, так что лев в своем смертельном скачке скользит по щиту мимо его неподвижного, точно мертвого, тела, которое оживает, чтобы пустить вслед хищнику новую стрелу. Эта нечеловеческая отвага, выносливость, изумительная гибкость и приспособляемость бушменских охотников едва ли в меньшей степени были присущи их возможным предкам, ориньякским охотникам. Только этими качествами можно объяснить дальнейшие победы человеческого рода над враждебной или равнодушной природой. Эти победы продолжались и в новых ступенях палеолита...

2. Средняя пора.

Солютрейская культура. Незаметно средняя пора палеолита сменила равную. За ориньякской культурой последовала солютрейская, названная так по имени Солютрэ (близ Макона, во Франции), где у подножия высокого утеса под слоем перегоя обнаружили стоянку. Здесь были найдены остатки многочисленных очагов, часто выложенных и окаймленных плоскими камнями. Главным предметом охоты служил северный олень, но убивались дикая лошадь, мамонт, пещерный медведь, волк, ископаемый бык и другие животные. Обилие северных оленей и уменьшение лошадей, необыкновенно многочисленных в ориньякских нижних слоях Солютрейской стоянки, свидетельствует об усилении холода. Культура солютрейских охотников является развитием и усовершенствованием ориньякской. При обработке кремней применяется отжимная техника. Специальными отжимниками отжимаются от нуклеуса ножевидные призматические пластины, удобные для употребления в качестве сверл, скребков, долот. Не только края, но и широкие плоскости орудий подвергались теперь обработке надавливанием. В итоге такого

„отжимания“ поверхность их становилась мелко раковистой, так как с нее отделялись тонкие чешуеобразные осколки. „Руководящими формами“ каменных орудий признают (табл. 5) две: это наконечник в форме лаврового листа, красиво раковистый со всех сторон, и наконечник с черенком и боковой вырезкой; последний приклеивался смолой или привязывался жилами к кососрезанному древку. В солютрейском слое найдено и много костяных и роговых орудий, просверленных зубов зверей, раковин, разных красок и многочисленных гравюр зверей на камне и кости. Погребения существовали, как у ориньякцев. Трупы клались на очагах, иногда даже прямо на огонь, почему они были иногда слегка обожжены. Но погребение на очаге найдено было и в ориньякском слое пещеры Ложери-От. В 50 километрах от Солютрэ в пещере Ла-Кав были найдены в солютрейском слое большие коллекции костяных орудий. Самые тонкие из них — костяные иглы. Грубые формы игловок выпиливались каменными ножами из кости, выскабливались маленьким скребком с выемкой, чтобы получилась круглая или плоская узкая пластинка, ее затем полировали на куске песчаника и, наконец, снабжали небольшим отверстием. У солютрейского охотника впервые появилась настоящая швейная, хотя и костяная, игла. Однако, вероятно, шкуры животных прокалывались более крепкими проколками, а потом уже протыкались этими весьма хрупкими иглами. Замечательно, что найденные в Ла-Кав раковины из Средиземного и Атлантического океанов показывают на сношение с их побережьями солютрейцев. Они, вероятно, уже вели обмен с соседями. Здесь много украшений из кости. Найден и кусок просверленного рога северного оленя, прообраз мадленского „жезла начальника“, но не покрытый выгравированными на нем изображениями.

3. Поздняя пора.

Мадленская культура. К поздней поре палеолита принадлежит знаменитая мадленская или магдаленская культура, впервые найденная в пещере Ла Мадлен, на юге Франции. Своим искусством она прославилась больше всех культур всех эпох каменного периода. Археологи посвятили ей исключительное внимание: в разных местах одной Франции обнаружено до 500 мадленских местоположений. Относится она к холодному времени — или четвертого оледенения (по проф. Городцову), или к последнему Бюльскому наступлению ледников (по Обермайеру). Северный олень стадами бродил по югу Франции. Многочисленны были и табуны лошадей. Исчезли мамонт и сибирский носорог. Дикие быки, козы, как и полярные крысы (лемминги), и мускусный бык тоже водились во Франции.

Охотник за северным оленем, не брезговавший, конечно, и другими животными, мадленец усложнил и усовершенствовал орудия солютрейца. Как это обычно в безлесные времена, круп-

ные каменные орудия у мадленца (табл. 1 и 5) отсутствовали, даже наконечники солютрейцев, лавролистные и с черенком, пропали. Широко зато были распространены ножевидные формы, сохранились старые сверла, скребки и пр. Особенно же хороши были микролиты, мелкие, тонкие клинки и наконечники, тщательно обработанные нажимами и весьма пригодные, по мнению Обермайера, для изготовления костяных иглол, еще более тонких и изящных, чем солютрейские. Расцвет обработки костяных и роговых изделий безоговорочно признается всеми археологами. Разнообразные костяные наконечники, по разному прикреплявшиеся к древку, нередко испещрены по боковым поверхностям бороздками, вероятно, для намазывания их ядом. Полною же новостью и главной руководящей мадленской формой является зубчатый наконечник, или гарпун, в огромном количестве изготовлявшийся из рога северного оленя, реже из кости. Его длина колебалась от 5 до 4 сантим.; узкий цилиндрически округлый стержень был снабжен направленными назад зубцами, у более древних однорядными, у более новых двурядными (см. табл. 1 и 5 в конце книги). Последние особенно поражают тонкостью работы, одинаковостью и равноудаленностью друг от друга зубцов. Мадленский художник нарисовал в пещере Нио схематизированные гарпуны воткнутыми в быка-бизона (см. рис 11). В пещере Дюрюги, в мадленском могильнике, на двух медвежьих зубах, составлявших ожерелье покойника, нашли изображения на одной стороне гарпунов, а на другой тюленя и рыбы. Думают, что гарпун был не только рыболовным снарядом, как теперь, но и охотничьим. От поздней поры палеолита в гарпуне мы имеем первое доказательство рыболовства человека. Так как охота с острой требует лодки, то можно и у мадленского человека предполагать какое-нибудь судно, но ни малейшего следа его не сохранилось: отсутствие рисунков делает наличие его особенно гадательным. Изображения тюленей и рыб крайне редки. При охоте с дротиками или гарпунами на сухопутных зверей мадленец пользовался особым копьеметателем. Это была костяная пластинка с крючком на заднем конце, на которую клалось древко гарпуна или дротика, упиравшееся своим тупым концом в крючок. Затем сильным размахом руки гарпун или дротик метался в пространство. Ученые смогли понять назначение этого ископаемого орудия, лишь сравнив его с современной „метательной досочкой“ эскимосов или австралийцев. Копьеметатель удлиняет рычаг человеческой руки, и сообщает таким удлинением бросаемому копью большую начальную скорость, а следовательно, и силу удара. Замечательно, что, кроме эскимосов, копьеметатель найден более, чем в 10 видах у австралийцев, не знающих лука и живущих на рубеже палеолитической и неолитической эпох. Он вырождается и вытесняется луком у неолитических южно-американцев. Его крайне редко находят в Африке, издавна знакомой с луком и железом. Таким образом, копьеметатель мадленца может служить наде-

жним доказательством, что у него не было еще лука, обычно вытесняющего менее совершенную метательную дощечку. Мадленский копьеметатель украшался скульптурными изображениями голов животных: дикой лошади, дикого барана, горного козла.

Жезл начальника, как трещотка.

Звериными изображениями покрыты и другие, еще более характерные для мадленской культуры предметы, так называемые „жезлы начальников“, без всяких украшений, появившиеся еще у солиотрейцев. Такое название им дано известным археологом Лартэ, видевшим в них символ власти вождя, своего рода скиперт. Однако форма их была совершенно неподходящей для этой цели. Представьте себе длинную пластинку из оленьего рога, просверленную на одном конце одним большим круглым отверстием, изредка даже 3-мя или 4-мя. Его поверхность украшена выгравированными или выпукло изваянными изображениями животных, напр., лошадей (см. табл. 1, рис. 2 справа и табл. 5) или косуль (см. рис. 4). Такой жезл не встречался в качестве скиперта ни у одного владыки. Но и другим ученым не удавалось разгадать загадочный смысл „украшенного жезла“. Орни правильно видели в нем не хозяйственно-полезное орудие, а чародейский, магический предмет. Их высмеивали, как фантазеров. Шётензак предложил видеть в жезле костяную фибулу, или застежку: в отверстие продевались ремешки, прикрепленные к краям меховой шкуры, которую носили, вероятно, мадленцы. Но ни у одного современного дикого племени не найдено подобной застежки. К тому же тяжелые и большие куски рога, болтающиеся на груди, для бродячего охотника, преследователя северных оленей, были слишком стеснительны. Наконец, у мадленцев имелись костяные пуговицы, гораздо более пригодные для застегивания одежды. Это были небольшие плоские кружки, просверленные в центре, с изображением звериных фигур*). Некоторые ученые видели в жезлах орудия для разминания ремней: края круглых отверстий этих жезлов почти всегда бывают отшлифованы и стерты в косвенном направлении, очевидно, благодаря продолжительному трению ремнями. Явно, что и последнее мнение трудно принять: жезлы были слишком хрупкими и ломкими орудиями для подобного разминания. Не перечисляя других многочисленных догадок, я приведу лишь

Рис. 4.

Мадленский жезл начальника (трещотка) из пещеры Мас д'Азиль.

*) Г. и А. Мортилье. Доисторическая жаваль, с 176 рис. 67 Dechelette I, p. 211, прим. 6 и рис. 89 10 и 11.

собственную. Украшение рисунками, сравнительная хрупкость, странное отверстие заставляют предполагать нехозяйственное назначение „украшенного жезла“, как предлагает называть его Обермайер. Однако следы трения на краях отверстия, частые разломы его, особенно в области этого отверстия, и наконец, самый факт просверливания отверстия говорят за то, что в это отверстие продевался какой-то шнурок или нитка, оказывающие воздействие на его края. Если мы обратимся к данным этнографии, то мы увидим чрезвычайно древнюю серию таких просверленных пластинок, называемых трещотками жужжалками или гудками. Это—продолговатые плоские куски дерева веретенообразной формы, снабженные на одном конце отверстием, в которое продет шнурок, с помощью которого ее вертят вокруг головы либо прямо рукой (австралиец), либо с помощью палки, к которой привязывается свободный конец шнура (южно-американский бороро). Трещетки покрыты у этих дикарей таинственными узорами—орнаментом. В ее глухом жутком жужжании современным австралийцам и бороро слышится что-то призрачное, неземное. Женщины и дети пугаются ее звуков, как револьверного выстрела над ухом. Под угрозой смерти они должны бежать с места, где слышится жужжание трещетки. Совсем иное значение трещетка имеет у более высоко стоящих полинезийцев, негров: там это детская игрушка. Особенно замечательно, что трещетка встречается и у нынешних эскимосов, но лишь в качестве детской игрушки *). Такой трещоткой всего вернее будет считать и мадленский украшенный жезл. Интересно, что деревянная трещетка бороро по своим размерам (40—42 сантим.) вполне ей соответствует. У бороро, кроме отверстия, на самом конце трещетки есть вырез, соединенный бороздой с отверстием:

Рис. 5. Эскимосская костяная пластинка.

Рис. 6.
Трещетка
бороро

шнурок, благодаря этому, плотнее прилегает к поверхности пластинки*) (см. рис. 6). Мадленцы, может, продевали с этою же целью шнурок в два и более отверстия; плотно прикрепленный шнурок уменьшал трение и позволял трещотке дольше не ломаться при вращении. У современных эскимосов мы встречаем пластинки из рога северного оленя, имеющие отверстие на конце и украшенные схематическими, очень сложными сценами рыбной ловли, охоты и других событий из их жизни (см. рис. 5). Но у

*) Шурц. История первобытной культуры СПб. 1910. Рис. на с. 69 и 106.

**) K. v. den Steinen. Unter den Naturvölkern Zentral Brasiliens. Berlin, 1897. S 385, Abb. 151.

эскимосов нельзя искать доказательств чародейского значения мадленского жезла. Самые рисунки по своему сложному характеру слишком далеко ушли от гораздо более простых, хотя и более натуралистических изображений мадленцев. Для эскимосов трещотка обратилась в детскую игрушку, в „пережиток“, в непонятный им самим. Разгадать смысл ее можно, лишь найдя живых дикарей, донныне стоящих на мадленской культурной ступени. Такие нам неизвестны. Для уяснения значения мадленского жезла приходится обращаться к австралийцам: их культура, как увидим, близко родственна азийской, следовавшей в ископаемой Европе непосредственно за мадленской. Схематический или, на наш взгляд, даже символический характер узоров австралийской трещотки показывает некоторое отличие ее от реалистических изображений на мадленском жезле. Для самих австралийцев трещотка есть „голос предка“, предмет—родственный с другой святыней—чурингой, или „деревянной душой“. Прообразом чуринги, таинственным чародейским орудием была и трещотка, или украшенный жезл мадленцев**). Если хотите, в ней можно видеть музыкальный инструмент. В этом отношении интересно, что неукрашенный жезл появляется еще у солигрейцев, у которых найдена просверленная косточка—фаланга пальца—северного оленя, употреблявшаяся, по мнению Дешелетта, в качестве свистка. Но эти свисток и жужжалка были музыкальными инструментами не в нашем смысле слова. В их резком свистке и глухом жужжании охотнику за северным оленем чуялись мощные, все покоряющие и зачаровывающие звуки, которым не смели противиться ни одна сила, ни одно животное окружающего его мира.

Раньше ученые для воскрешения облика мадленцев и эскимосы. Мадленцы обычно обращались к современным американским эскимосам. Конечно, общие природные условия тундры должны были вызвать ряд совпадений между отдельными элементами мадленской и эскимосской культур. Но можно ли, на основании этих обобщений, приписать мадленцам хозяйственный, общественный и духовный уклад нынешних эскимосов? К сожалению, нет. Эскимосы, совсем не потомки мадленца, слишком далеко ушли вперед в своем развитии. Они полируют свои каменные орудия, они люди неолита, а не палеолита. У них есть сани, перевозимые домашними собаками. Ими создан каяк-челнок, настоящее чудо лодочной техники. У них парный брак, хотя и сохраняются еще полигиния (многоженство) и полиандрия (многомужество), эти остатки группового брака. Хотя у них большую роль играют колдуны-шаманы, им известны не только духи, но и высшие существа. Читатель легко может сам найти ряд черт материального быта эскимосов, которые можно считать присущими и мадленцам. Но сравнение должно вестись крайне осто-

**) Еще в 1914 г. мадленский жезл признал трещоткой Beth, Karl. Religion und Magie bei den Naturvölkern, 1914. Его работа в виду войны мне была неизвестна.

рожно. У мадленца, напр., определенно не было домашней собаки. В пещерах находят редкие кости дикой собаки, которая однако никоим образом не была домашней: следы зубов домашней собаки остались бы на костях животных, валявшихся в грудях пищевых остатков, сохранившихся в пещерах. Эгих следов не обнаружено. Без собаки невозможно было и приручение оленей: поэтому мадленец не был оленеводом, подобно нынешним европейским лопарям и самоедам. Трудно предположить, чтобы мадленец был и столь искусным рыболовом, как эскимос. В его искусстве изображения рыб по сравнению с животными крайне редки. Трудно вообразить мадленца, охотящимся на морскую дичь; ведь нам неизвестно сколько-нибудь определенно, была ли у него лодка. Отдельные и очень ценные черточки мы почерпнем из знакомства с эскимосской культурой, но для проникновения в духовный мир охотников за северным оленем нам придется идти более сложным путем, чем простое уподобление их американским эскимосам, птицами летавшими на собаках по тундре и в каяках по воде. Такого изумительного приспособления к природной обстановке далеко еще не достиг мадленец: отсюда и более простой, чем у эскимосов, и более наивный характер его искусства.

Гордостью мадленцев, и вполне заслуженно, слывет их искусство. Пещеры южной Франции и Испании, словно шкатулки, тысячелетиями хранил драгоценные памятники, обнаружившие великий художественный гений мадленских художников. Да, это были настоящие художники! Уверенной рукой подлинного мастера кремневыми резцами вырезаны на грубом материале дивные гравюры и скульптуры животных, выразительностью и живым натурализмом которых нельзя не восторгаться ни самому черствому, ни самому фанатическому уму. Все разноголосия в понимании искусства невольно исчезают, когда на стене пещеры Комбарель видишь фигуру тысячи лет тому назад вымершего огромного „первобытного слона“, — мамонта, вырезанную человеком, видевшим его своими глазами. Самые подозрительные и сомневающиеся во всем люди не посмеют заявлять здесь о подделке или относить гравюру к позднейшим временам. Уже лет 20, благодаря находке в промерзшей почве Сибири трупа мамонта, мы имели (в Зоолог. муз. Академии Наук в Петербурге) чучело мамонта. Нельзя не поразиться изумительному реализму художника палеолита: не только длинный мех, но и маленький хвост, и горбатая спина, и волосы гривы вычерчены резцом художника (см. рис. 7). Но это далеко не шедевр.

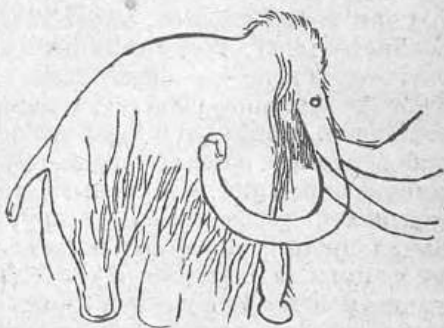

Рис. 7. Мамонт (гравюра на стене пещеры Комбарель, к. с. 67).

Асбат Брейль насчитывает целых пять фаз палеолитического искусства. Но, к сожалению, здесь нельзя остановиться хотя бы и на одной. Если можно воспроизвести контурную гравюру мадленцев, то немыслимо (при наших типографских условиях) передать многокрасочную пещерную живопись, едва ли не главное чудо палеолитического искусства. Говорить же о достоинствах памятников искусства, их не показывая, да еще говорить, не будучи специалистом, едва ли имеет смысл. Чтобы передать все обаяние пещерного искусства на людей, видевших его не только на дивных иллюстрациях заграничных альбомов и изданий, но и в таинственном полумраке пещер, я лишь расскажу об одном недавнем открытии.

Открытие пещерного святилища Бегуаном. Французский археолог граф Бегуан с сыновьями обнаружил в заднем конце пещеры Тюк д'Одубер (Франция), замечательной своими настенными гравюрами, узкий проход, почти закрытый частыми сталактитами, словно гигантские ледяные сосульки спускавшимися почти до пола пещеры с ее потолка. Сломав 3 сталактита, исследователи с явной опасностью для жизни поспели в лазейку всего в 28 сантим. высоты и 65 сантим. ширины. Коридор этот расширяется в подземную залу. Стены ее украшали древние рисунки, напр., лошадь, а посередине гаялся кусок скалы, упавшей с потолка, к которому были прислонены две глиняные статуэтки, изображавшие самца и самку бизон-быка; длина статуэток была 63 и 61 сантим. Хотя в пещере было сыро, глина от времени растрескалась, хвост самки упал на землю, но фигуры остались стоять, поддерживаемые скалой. Задние боковые стороны статуэток были не обработаны. Глина носит следы полировки рукой художника. Самец с совершенно круглым глазом довольно безжизнен. Однако не только его большая голова, но и выдающийся горб переданы вполне верно. Борода, доходящая до живота, намечена струями, сделанными тонкой деревянной или костяной лопаточкой, тогда как более грубые волосы гривы художник обозначал просто своим большим пальцем. Глаз же самки был отмечен глиняным шариком с углублением посередине, изображающим зрачок и взгляд. Ее морде придана жизнь. Реализм этих изображений несомненен. Перед статуэтками лежала другая (13 см. длины), тоже изображавшая контуры бизона, но не моделированная. На полу пещеры был начертан на глине контур бизона, линия спины сделана глубокой бороздой в 2 см., проведенной пальцем. Маленький камень, упавший со свода, повредил этот не долговечный эскиз,—полускульптуру, полурисунок. Глина статуэток была взята на дне этой же подземной залы. Художник, видимо, сперва рисовал на земле силуэт животного, а затем уже лепил целую статуэтку. Но как необычна была эта покинутая мастерская художника—мадленского, судя по оставленному скребку! Статуэтки были удалены на 700 метров от наружного входа в пещеру. Художник должен был работать при свете

лампы. Таковые из камня, с обугленными остатками жировых веществ, находили в других мадленских пещерах. Здесь не отыскалось, правда, лампы, но и без нее исследователи осветили мрачность и жуткость прошлого этой подземной залы. Сюда некогда приходили отдыхать медведи: отпечаток лапы, следы когтей. Смелый охотник убил медведя, украсив свое ожерелье трофеями славной охоты: медвежья челюсть с вырванными глазными зубами. В пещере появился человек, и начались таинственные деяния. Почвенная вода, просачиваясь сквозь известковый потолок залы, капала местами на ее пол, образуя известковую корку, основу будущих сталагмитов, столбами поднимающихся с пола пещеры к ее потолку. Под этим тонким, словно яичная скорлупа, футляром были обнаружены великолепно сохранившиеся непонятные узоры — борозды, начертанные на земле, и до 50 отпечатков человеческих не ступней, а... пяток. В других местах пещеры найдены полные отпечатки босых человеческих ступней с пальцами. Следы ног и пяток, по мнению Бегуана, принадлежали людям худым и малого роста. Откуда взялись эти оттиски пяток? В подземелье, видимо, происходили танцы: только в отличие от наших балерин, танцующих на пальцах, тогдашние танцоры (по австралийским и другим примерам я убежден в недопущении сюда прекрасного пола) танцевали на пятках (!), исполняя не легкие и веселые, а тяжкие, торжественные, ритуальные (обрядовые) пляски. Подобные таинственные узоры на земле, суровые испытания — настоящие пытки, разнообразные священные танцы мы найдем у австралийцев (см. стр. 118—119) при церемониях посвящения молодых юношей. Под свежим впечатлением от своей отважной находки Бегуан заявил, что он открыл палеолитическое святилище, где от взоров непосвященных скрывались святые изваяния и гравюры животных, перед которыми происходили какие-то священные церомонии, какие-то „богомерзкие и бесовские действия“^{*)}.

Особенности
пещерной
инюкописи. Не раз в других пещерах (Ню, Комбарель и проч.) другие исследователи находили в самых темных закоулках, в углублениях — нишах, на потолке (Альтамира) изображения животных, исполненные с еще большею тщательностью, с еще большей затратой труда и времени. Иной раз художник должен был работать не только с лампой, но и помещаясь на каких-то подпорках: так высоко от пола пещеры расположены его произведения. Замечательная художественность пещерных живописи, гравюр, барельефов говорит о мастерах, специалистах своего дела. Искусство пещерников палеолита являлось загадкой, даже чудом, пока С. Рейнах еще в 1903 г. не разгадал его души. По его мнению, в нем не следует видеть плод тяготения к прекрасному, результат играющей

^{*)} Begouen. Les statues d'argile de la caverne du Tuc d'Audoubert (L'Anthropologie 1912, № 6, p. 657—665).

фантазии, итог развлечения в часы охотничьих досугов. Перво-
бытное искусство порождено колдовством, или магией. Если в
наши дни говорят еще о волшебной силе или о чарах искусства,
то часто не подозревают, сколь недалеко от истины их слова.
Магическая (колдовская) теория Рейнаха получила почти все-
общее признание. Действительно, отождествление пещерной жи-
вописи с иконописью объясняет нам много непонятного. Во мраке
пещерных недр едва ли было удобно ими любоваться. Потаен-
ность памятников пещерного искусства заставляет видеть в них
пещерные иконы, даже целые иконостасы, которые стремились
скрыть от взоров, недостойных созерцать святые лики. Любуясь
дивными многокрасочными картинами, изящными черными или
красными гравюрами, современные исследователи, в справедли-
вом восторге перед талантом и умением мастера, забывают о дли-
тельном и большом труде, который ему пришлось затратить, ра-
ботая с помощью тогдашних убогих красок и кремневых резцов.
Отдельным меценатам, покровителям искусства, если бы и наш-
лись таковые, едва ли было бы под силу оплатить столь мастер-
скую, но и столь кропотливую работу художника. При отсутствии
домашних животных, земледелия и прочих признаков развитого
хозяйства мы не можем у мадленцев предполагать резкого обще-
ственного и экономического неравенства. Художника под силу
прокормить было лишь всему сообществу пещерников, и оно
делало это, конечно, не ради красок, а ради чудодейственности
его произведений. В трудящейся массе даже современности мы,
к сожалению, не встретим такого культа прекрасного. Откуда же
было ему взяться у мадленского дикаря? Сам трудолюбивый
мастер работал не столько ради платы, сколько „за совесть“, как
иконописец, творящий своей рукой великую святыню: отсюда благо-
говейное и тщательнейшее выполнение им своих произведений.
Эта усидчивость и кропотливость, особенно странные в охот-
ничьем быту, тем поразительнее, что тратились они на создание
не вечных шедевров, а произведений мимолетных, созданных,
видимо, для текущего дня. В одной и той же пещере мы встре-
чаем многократные повторения одних и тех же фигур. Иногда
ранее выполненные фигуры покрываются новыми, безжалостно
закрашиваясь новыми красками или покрываясь вновь выгравир-
рованными контурами. С течением времени волшебная сила фи-
гур пропадала, почему, вероятно, и требовалось новое их вос-
произведение. Прежние обитатели озражали новые фигуры
рядом со старыми. Новые пришельцы не боялись святотатства,
замазывая древние или чужие, бессмысленные для них изобра-
жения. Подробный вандализм, или истребление памятников
искусства, ясно показывает, что пещерные охотники искали в
произведениях искусства не наслаждений прекрасным, а чудо-
творной силы, исчезновение которой делало их бесполезными и
ненужными. Только магическая теория в состоянии объяснить
эти трудно объяснимые факты, но ей необходимо осветить и по-
разительные отличия, резко отделяющие пещерную иконопись от

исторического религиозного искусства. Здесь достаточно отметить две главных черты, особенно резко бросающиеся в глаза. Просматривая альбомы по палеолитическому искусству, поражаешься однообразным мельканием звериных фигур: мамонт, носорог, бизон, лошадь, снова (сык. северный слевь, опять лошадь, горный козел и т. д. и т. д. Шедевры пещерного иконописца составляют именно изображения млекопитающих. Гораздо реже, но выполнены довольно тщательно, птицы, рыбы, насекомые и растения. Но замечательно, что человек в пещерном искусстве и редок и изображен крайне небрежно и неумело, исключая только статуэтки и барельефы ориньякских скульпторов. Тогда как для палеонтолога фигуры мамонта или бизона представляют большую ценность, палеолитические фигуры человека ничего не скажут антропологу о физической природе пещерных людей. Если можно

Рис. 8.
Человек
из пеще-
ры Рош-
бертье.

Рис. 9.
Женская го-
ловка из сло-
новой кости,
из пещеры
Брассам-
пуи **).

думать о стеатопигии ориньякских женщин на основании их ваяний, то никак нельзя рисковать начертить портрет пещерника. Из мадленского слоя пещеры Рошбертье (Франция) извлечена пластинка из рога северного оленя с человеческой головой (см. рис. 8). Опираясь на эту гравюру и на другую из мадленского же слоя пещеры Ложери Басс, изображающую охоту человека на быка, Мортилье, правда, приписывает мадленцу лицо узкое, продолговатое; выражение веселое, „саркастическое“ (ядовито насмешливое), напоминающее немного „обычный тип Мефистофеля“. Но ясно, что таким лицом пещерник обладать не мог, и перед нами на этих гравюрах начерчена какая-то упрощенная схема, а не живое лицо палеолитического человека, до сих пор остающееся нам неизвестным. Вырезанная из лошадиного зуба женская головка, найденная в мадленском слое пещеры Мас д'Азиль, имеет тоже неясные черты лица *). Фигурка, вырезанная из слоновой кости, найденная в ориньякско-солотвейском слое пещеры Брассампуи (Франция), при неясном лице имеет отлично отделанную сложную прическу (см. рис. 9). Как случайны животные на христианских, так случаи человек на пещерных иконах. Изображения человека так редки и так несовершенны потому, что иконописец их избегал. Звери словно обладали высшей святостью и чудотворностью в сравнении с человеком. Контраст ликов святых людей на церковных иконостасах со священными фигурами зверей на пещерных иконах столь велик, что невольно знаменитые слова Ницше „человеческое, слишком человеческое“ перекладываются в звериное, слишком в звериное“. В изобразительном искусстве

*) L'Antropologie 1899 p. 634 (Piette).

**) Déchelette. Manuel I, p. 215, fig. 85, 51.

палеолита можно уловить и второе основное отличие его от позднейшей иконографии. Нам уже знакомы изумительно реалистичные звериные фигуры. Их близость к живым моделям позволяет даже говорить о натурализме древне-каменного искусства, т.е. о крайнем реалистическом течении, особенно точно копирующем действительность. Новые открытия, правда, показали, что натурализм скорее господствующее, чем исключительное направление в древне-каменном искусстве. Понятно, что на протяжении не одного тысячелетия его развития, в разных областях его распространения (Испания, Франция, Средняя Европа, Россия) естественно ожидать и большего его разнообразия. Условности, упрощенности, схематичности, выполнение лишь частей целого „портят“ многие звериные и человеческие изображения. Не только зародился геометрический орнамент, но его узоры достигли большой сложности. Палеолитический художник узнал круг, спираль, мудреный меандр и даже крестовидный знак („свастика“). Этот орнамент порвал всякие связи с миром действительности и достиг чистого символа. Рост схематизма и символизма за счет натурализма к закату палеолита стал столь заметен, что известный археолог Пьетт признал даже символизм „характерной чертой“ палеолита. Первоначальное искусство, вероятно, подражало предметам внешнего мира: из реализма естественнее выводить символику, чем наоборот. Плохо разработанная в деталях относительная хронология затрудняет уточненное установление последовательности памятников древнекаменного искусства. Несмотря на наличие символических элементов, реализм все же следует признать основным его направлением, в недрах которого только начали развиваться символические тенденции, поглотившие его при переходе от палеолитической к развитой неолитической эпохе. Замечательно, что этот „реализм“ выражается не только и даже не столько во внешней технике выполнения, сколько во внутреннем содержании искусства, полном сухой ясности, лишенном выражения чувств, производящем впечатление какого-то материалистического мироощущения. В самом деле, буквально все исследователи признают, что в пещерном искусстве не встречается ничего фантастического, сверхъестественного, неземного. Привыкнув к рогатым бесам и крылатым ангелам христианского искусства, тщетно мы стали бы искать элементов „потусторонней“ фантастики в пещерной иконописи: она всегда трезва, всегда чужда чудесного. Знаменитому Мортилье, еще не знавшему о палеолитических погребениях, пещерное искусство показалось ярким доказательством полнейшей безрелигиозности палеолитического человека.

Танцующие маски. Правда, изображения людей с уродливыми рожами, вместо лиц, иногда даже определенно со звериными головами, как будто оставляли лазейку для мысли о наличии сверхъестественных духов в иконописи пещер. Однако замечательная находка археолога Капитана уже в 1912 г. надежно

ее закрыла. На песчаниковой гальке мадленского слоя был выгравирован мужчина с лицом, обладавшим круглым глазом, длинным остроконечным носом и бородой, вполне определенно державший перед лицом маску *). Таким образом, блестяще оправдалась его старая гипотеза, что странные пещерные фигуры людей со звериными или уродливыми личинами изображали „ряженных“ в священных масках. Из мадленского слоя убежища под скалой Меж (Франция) известна костяная трещотка (украшенный жезл) с тремя замаскированными, по Обермайеру, „танцующими фигурами“: их лица покрыты масками — мордами серны, а туловище облечено в ее шкуру.

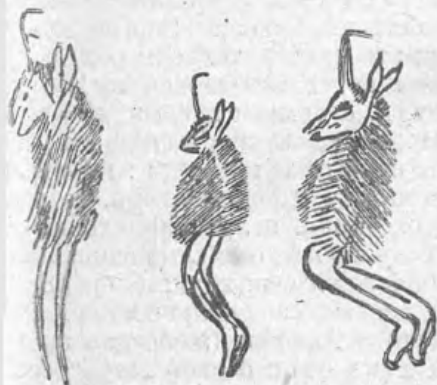

Рис. 10.

Танцующие „серны“ с жезла начальника из убежища под скалой Меж.

Беглые, недоделанные кроки ног действительно намекают на прыжок или танец (см. рис. 10 **). Танцоры двигались на носках, подражая легким прыжкам серны, в шкуру которой они забрались. Танец, возможно сопровождало магическое жужжание той самой трещотки, на поверхности которой изображены эти три танцора. Ее жуткие звуки заставляли женщин и детей в ужасе бежать подальше от убежища под скалой, где происходила эта легкая, прыгающая священная пляска серны. Видимо, уподобление себя святому зверю в его облики и движениях пещерники считали благодетельным и чудесно спасительным. Может, такой же жаждой слиться теснее со святым бизоном-быком можно объяснить и отпечатки пяток в пещере Тюк д'Одубер, открытой графом Бегуаном. Там танцоры исполняли тяжелый, чинный бизоний танец, избегая оставлять отпечатки ножных пальцев ради полного слияния со своим святым покровителем, беспальмым, копытным бизоном. Таковы были „звериные танцы“ у древнекаменных троглодитов!

Мироощущение палеолита. Дикая гармония святых звериных ликом с звериными танцами в черных недрах пещер способна вызвать бледность не на одних щеки. Образ трезвого материалиста и позитивиста, каким рисовался троглодит у Мортилье, быстро тает. Перед нами разворачивается бездна религиозного сознания столь чуждого, что только с помощью этнографов можно к ней приблизиться. У диких народов, существовавших еще совсем недавно, ученые нашли тотемизм и магию, или колдовство, которые и позволят нам, хоть несколько, уяснить

*) L'Anthropologie 1914, № 1—2, p. 107.

**) Обермайер, с. 496.

себе, таинственные глубины мироощущения людей палеолита: я не решаюсь в отношении их говорить ни о религии, ни о мирозерцании *).

Еще в конце 18-го века Лонг ввез в Европу слово Пратотемизм. „тотем“, впоследствии получившее в этнологии исключительное, хотя несколько и роковое, значение. Индейское племя оджибвеес (Северная Америка) разделялось на 23 рода, из которых каждый всил имя медведя, волка, карпа, змеи, осетра, утки и т. п. и каждый изображал свой звериный знак-рисунк на домашней утвари и собственной коже. Еще к концу 19-го века ученые спорили, понимать ли под тотемом род, родовое имя или даже родовой знак—герб. Краснокожие люди-медведи, люди-волки, люди-утки и т. д. своими именами и своею звериной татуировкой создавали иллюзию первобытности, на самом же деле они стояли на высокой фазе культуры: не имели группового брака, жили в родовом быту и родство вели, хотя не всегда, по мужской линии. Полуохотники, полусельскохозяйственники, северные американы вообще к приходу белых достигли меднокаменной ступени (халколита), или, согласно классификации Городцова, ранней поры бронзовой эпохи. Полинезия (под сильным влиянием железных и даже высших культур) и Африка (железная эпоха) сохранили тотемизм еще хуже. Так, в первой слово „атуа“, соответствующим „тотему“, называли звериный знак-герб, выгравированный на человеческой коже: от атуа и происходит слово „татуировка“ (испещрение тела узорами), получаемая путем наколов и втирания красок. Пережитки тотемизма у народов высших культур могли дать для распознавания природы тотемизма еще меньше. Правда, на почве Австралии тотем (под именем „кобонг“) был известен уже Леббоку. Здесь тоже существовали люди-кенгуру, люди-змеи, люди-дождя, люди-воды, люди-огня, люди травяные семечки. Как выше, так и ниже я для простоты изложения говорю лишь о тотемах-животных. Но такими были и растения, правда, менее часто и даже явления мертвой природы, на самом деле эти еще реже.

К сожалению, знатоки фолклора в конце прошлого века не придавали никакой цены относительной хронологии: в один клубок свертывали факты, имевшие место в разные эпохи, в разных странах, в культурных комплексах разной высоты. В итоге в Англии возникла странная теория, видевшая в тотемизме родовые звериные имена, некогда в насмешку дававшиеся друг другу предками диких групп и обратившиеся для потомков в мифы—сказки о звериной природе их отдаленных родоначальников. К столь наивной рационализации, прославившей в древности имя грека Эвгемера, оказались причастны столь выдающиеся ученые, как Леббок, Герберт Спенсер (соединявший ее с культом предков) и сперва Андрю Ленг. Перевод-

*) Schultze Psychologie der Naturvölker. 1900 S. 213—14 (о неудобстве термина „первобытная религия“). Я не употребляю термин „мирозерцание“, предполагающий систематичность и определенность, каких не могло быть в палеолите...

рот в понимание тотемизма внесли великие австралийские открытия Болдуина Спенсера (биолога по специальности) и Гиллена. С помощью точнейших методов наблюдения, с фотографическим аппаратом в руках, „посвященные“ в полвоправные члены племени арунта, (точнее по Стрелову, аранда) эти ученые обнаружили на пороге 20-го века крайне развитый тотемизм, пронизавший всю жизнь туземцев и тесно переплетенный с колдовством-магией. Им удалось доказать, что у изученных ими туземцев Австралии не было ни малейшего представления о Высшем Существо и потустороннем мире с возмездием добрым и злым. Великий знаток примитивных верований, Фрэзер предполагал, что в этом древнейшем обществе найдена исконная форма тотемизма. Однако Анджо Ленг вполне убедительно доказал, что в центрально-австралийских племенах Спенсера и Гиллена, что признавали и они сами, отнюдь нельзя видеть „первобытные“ общества. Особенно арунта должны быть признаны более высокими в сравнении с другими австралийскими племенами. Гаддоновские антропологические экспедиции в Меланезию (именно на острова Торрессова пролива) открыли очень древние формы тотемизма (тотем звался „аугуд“), воплощающегося и в брачных отношениях туземцев. Но, конечно, тотемизм островитян, охотников на водяную, преимущественно, дичь и мотыжных земледельцев сохранился далеко не в столь архаических формах, как у туземцев соседнего с ними Австралийского материка. Таким образом, вопрос доныне продолжает оставаться открытым. Еще в 1914 г. редакция немецкого журнала „Антропос“ (т. е. „Человек“), устроила международную „дискуссию о природе тотемизма и методах его исследования“, в которой принял участие ряд самых выдающихся специалистов Германии и зарубежных стран. Здесь нет места даже для кратчайших итогов ее *). Я лишь замечу, что к решению „проблемы тотемизма“ следует идти путем размещения этнографического материала по ступеням относительной хронологии. Исследование, случайно начавшееся с американской, одной из позднейших фаз, чтобы стать успешным, должно постепенно подниматься от низшей фазы к высшей. Тогда явления тотемизма, в грубых чертах, вытянутся в такой ряд: австралийский кобонг, меланезийский аугуд, американский тотем, полинезийский атуа, африканский разноименный тотемизм. Материал, относительную давность которого определить затруднительно, и пережитки тотемизма в высоко-развитых культурах (напр., египетской) составят вспомогательный фонд.

Для восстановления ныне исчезнувшей еще более исконной ступени тотемизма или, если можно так выразиться, пратотемизма, именно кобонг приобретает особое значение. Замечательно, что

*) Problem des Totemismus (Antropos, 1914—1921, Rd IX—XV). Резюме председателя P. W. Schmidt'a еще нет. О тотемизме капитальная работа Frazer, Totemism and Exogamy, London, 1910, t. I—IV и статья Lang A. Totemism (Encyclopaedia Britannica 1911, v. XXVII, 79—91).

и Гоуитт, исследователь юго-восточных туземцев, и Сценсер с Гилленом центральным ядром австралийского тотемизма признают особые колдовские (магические) обряды размножения тотемов: кенгуру, воды, огня, сливового дерева, змеи, одним словом, своей для каждой людской группы святыни. Нигде вне Австралии в связи с тотемизмом таких колдовских обрядов (интихиум) не встречаются: они отмирают на более развитых ступенях его. Австралийская культура, как увидим, соответствует ранней и средней поре неолитической эпохи ископаемой Европы (протонеолиту), именно переходной азийской культуре. Следовательно, в позднюю пору палеолита, у мадленских охотников мы должны предположить формы тотемизма еще примитивнее австралийских. Но этот европейский палеолитический пратотемизм есть непосредственный отец австралийского. Азийское искусство, соответствующее австралийскому, совершенно постепенно зарождается из мадленского (как увидим ниже). Следовательно, звериние лики пещерной иконописи мы смело можем считать пратотемами. Как и в Австралии, это преимущественно животные, очень редко растения и совсем редко человек.

Магия
(колдовство)
симилярная и
парциальная.

Но можно ли в древнекаменном пратотемизме искать магических обрядов? Может, они зародились только на ступени австралийского кобонга? Правда, звериние танцы с таинственными трещетками внутри пещерных святилищ имели определенно священную окраску. Но священные танцы бывают двух родов. Одни можно назвать религиозными: так плясал перед Иеговой еврейский царь Давид. Другим можно дать имя колдовских, или магических: так пляшут австралийцы на своих таинственных интихиумах. Стиль палеолитической иконописи позволяет нам отнести танцы мадленских троглодитов именно ко второму разряду. Весьма развитое колдовство мы найдем на почве той же Австралии. Вот как диери, довольно дикое племя, по сообщению Гастона, выколдовывает дождь. Под деревьями выстроен шалаш. В нем два дикаря пускают себе кровь. Другие бросают кругом шалаша пух. Два камня положены на древесные ветви. В лужу воды сыплют толченный белый гипс. Вдруг в бурном беге, нагнув головы вперед, вся масса мужчин налетает и разметывает шалаш. Какое странное моление о дожде! Здесь нет жреца, возносящего молитву или жертву: здесь происходит какое-то массовое, хоровое насилие над природой. Эта повелевающая магия в корне отлична от трепетной религии. Ни благоговения, ни страха, ни ощущения высших существ нет в этих грубо механических приемах. У магии есть даже сходство с наукой: чародей и ученые одинаково подчиняют природу, а не подчиняются ей. Однако между магией и наукой лежит и целая бездна. Воздействие на явления действительности основано в ней не на естественной, как в науке, а на особой магической закономерности. Откуда эта мощная непреодолимая власть над дождем, имеющаяся у диери? Людская кровь

изображает здесь дождь, пух—хлопья тумана, камни—сгустившиеся тучи, гипс—первые капли, финальная сцена—бурный ливень. Вероятно, тотемом этих людей был дождь. От Балдуина Спенсера нам известно, что австралиец в состоянии размножить только свой тотем. В других местах именно люди дождя „делают“ дождь, как люди-змеи, раскрасив и украсив себя наподобие змей, змеиными танцами плодят свой тотем. Мы подмечаем в этих магических актах стремление уподобиться своему тотему (дождю, змее), подражая его свойствам и движениям. Мы видим, как желаемые акты совершаются в уверенности, что их повторит, необходимо скопирует, в свою очередь, скопированный людьми их тотем: дождь хлынет на землю, змеи размножатся в небывалом числе. Но что лежит в основе этой уверенности? Чудесная, непонятная для нас магическая закономерность, согласно которой „подобное делает подобное“. Для облегчения понимания надо взять ее пережитки на более высоких ступенях культуры. На ней основан целый ряд обрядовых („ригуальных“) обманов. Жертователь, обещавший в минуту опасности посвятить себя божеству, отдавал в его храм статую, свою точную копию. В египетских могилах находили игрушечные модели людей, животных, домов, утвари и пр. Живые жалели отдать мертвецу настоящие, большие предметы и особенно живые существа и подсовывали ему их изображения. Но не только у древних, а и у современных народов, и не только у русских, но даже у немцев (по крайней мере по деревням) сохранился колдовской обычай, отзвук глубочайшей древности. Лихая колдунья делает из воска фигурки девушки и, напептывая заклинания, растапливает ее на огне или прокалывает иглой ее сердце. На расстоянии нескольких верст живущая девушка все же почувствует сердечную тоску по удалом молодце или замучается до смерти в огневнице—горячке. „Подобное замещает подобное“, ибо между изображением и живой его моделью есть какая-то таинственная связь. Хорошей чародейке достаточно даже слепить одно сердце или утащить один волосок девицы, чтобы вызвать у ней, по желанию, то сердечную, то головную боль. Мы видим, что даже отдаленное сходство имеет великую силу. Перед нами другая магическая закономерность: „часть замещает целое“. Так, для угождения богам достаточно принести в жертву первенца от стада, вместо всего стада. Так, для устранения божественного гнева достаточно, возложив все народные грехи на „козла отпущения“, выгнать его в пустыню, как это делали некогда евреи. „Часть замещает целое“! Не надо и рисовать полного рисунка: достаточно сделать частичное изображение: такая частица рисунка (схема) сойдет и за целый и за реальную модель. У австралийцев, где изобразительное искусство преимущественно схематично, такое парциальное (частичное) колдовство с его законом „из части—целое“ преобладает над симильным (уподобляющим) с его не менее странной „аксиомой“ „из подобного—подобное“. Со всем противоположное мы находим у палеолитических европей-

цев, с их преимущественно реалистическим искусством. Жутко-живые звериные образа пещерников говорят о расцвете симильного колдовства. Оно подтверждает свое существование и разными знаками, навешенными на звериные фигуры, каковы крестовидные, крышевидные, углообразные и пр. Правда, знаки эти встречаются редко и на закате палеолита. Особенно любопытны фигуры бизонов быков с гарпунами, воткнутыми в бок. Таково, напр., изображение из пещеры Нио (см. рис. 11). О чем говорит

Рис. 11.

Икона зубра с наконечниками копий (черная фреска на стене пещеры Нио).

здесь гарпун? О подражании ранению, убийству или пролитию крови. Но какие цели преследовал этот акт? Здесь могло иметь место и ритуальное убийство для трапезы—причастия святым телом, и стремление разлитой кровью размножить его породу, и тяга подражанием убийству сделает удачной охоту на живую модель. Я не берусь решать этот вопрос. Была ли жизнь святого зверя неприкосновенна для его почитателей? Установился ли таинственный симбиоз—сожительство зверя и человека,—взаимно для них полезный? Считалось ли священное животное предком человека или его таинственным патроном—покровителем? Этого мы здесь не станем решать. Тотемизм изучен еще столь плохо, что пока рискованно искать ответов на подобные вопросы.

Ясно лишь, что гарпун говорит об отношении троглодита к своей святыне, весьма отличном от благоговейного чувства современных верующих к иконам. Общий же характер всей пещерной иконописи убеждает нас, что пратотемами людей палеолита были животные, реж, растения, и что центральным ядром пратотемизма древнекаменной Европы являлось колдовство, причем симильное главенствовало над парциальным, но и последнее не отсутствовало. Между двумя главными видами колдовства вообще нет резкого разрыва и противоположности: они незаметно переходят друг в друга. Древность парциального колдовства видна уже из того, что в него входит огромная область заговоров и заклинаний, действенность коих покоится на способности слова замещать обозначаемый им предмет или акт. Слово, напр., имя предмета есть как-бы часть этого предмета. Знание имени предмета или человека отдает их во власть знающего. Поэтому в Австралии при посвящении в зрелые мужи юноши меняли имя на новое, тайное, чтобы избавить его от порабощения силе чужого, враждебного человека. Конечно, волшебные слова палеолита при отсутствии письма не достигли наших ушей. Но оста-

лись свистки и трещотки, предназначенные звучать. Если первые могли координировать действия ловцов на сложной охоте, то вторые, как мы видели, не годились для хозяйственных целей. Их жужжание, вероятно, изображало голос выгравированных на них тотемических фигур. Ведь звериный крик имеет столь же великую силу, как и сам святой зверь: разве часть (крик) не замещает целого (зверя)? В Австралии встретили людей дождя, которые делали дождь, испуская, между прочим, жалкие вопли, словно кулики. Те тоже, видно, имели тотемом дождь и обладали над ним еще большей властью, чем люди: всякий раз после криков куликов погода портилась. Европейская примета о роковом влиянии лягушечьего кваканья на ясное небо (отсюда опасность раздавить лягушку) когда-то была вызвана подобными же соображениями. Парциальной магией можно объяснить не только мадленские трещотки, но и разные „охотничьи марки“, непонятные значки на костяной утвари. Но вопрос о значении их слишком темен. Ведь мы не можем даже выяснить, имеют ли они магический смысл. Элементы светского, несвященного искусства тоже должны были существовать в палеолите: иконописцы перед созданием своих шедевров не могли не упряжняться, не делать предварительных набросков и эскизов. Осторожнее всего будет ограничиться лишь тем положением, что европейский пратотемизм с его странной иконографией, звериными танцами и волшебными трещотками нерасторжимо перевит с колдовством, причем с симильным гораздо сильнее, чем с парциальным. Дальнейшая детализация пратотемизма явилась бы слишком смелой попыткой: надо помнить, что мы уже спустились в пучину мироощущения, отстоящего от современного еще дальше, чем австралийское.

Магическая В самом деле, есть ли малейший здравый смысл в логика магических сценах, промелькнувших перед нами? палеолита. Дикари так серьезно делали дождь, так глубоко верили в действенность своей работы, так явно не подозревали ее нелепости. Будь здесь моление о дожде у высших сверхъестественных сил, наш рассудок мог бы понять это. Но как понять „логику“ чародейства? Конечно, она ниже нашего здравого смысла, конечно, она дологична. Мы можем лишь выяснить, при каких условиях магическая логика может стать приемлемой для обыкновенного холодного здравого смысла. Увы, это можно сделать лишь в форме самой грубой схемы. В утешение напомню, что почти всегда объяснение сложного сводится к упрощению. В огорчение добавлю, что наше объяснение даже бессильно стать теорией, а остается всего лишь гипотезой.

а. Витализм. Мир, как видно, иначе отражался в палеолитическом сознании. Его предметы не распадались на две противоположности: на живое и мертвое. Изображения магического

искусства не могли быть безжизненными сочетаниям мертвых красок, черт, борозд, углублений или выпуклостей. Иначе их воздействие на предметы внешнего мира и на живые существа останется необъяснимым. Впоследствии мы увидим, что у австралийцев остались очень яркие следы такого всеобщего оживления. Но замечательно, что дикари, гораздо более развитые, сохранили немало лоскутков этой великой ткани палеолитического мышления. Так, Тан (Богораз) записал такой рассказ чукотского „знающего“ колдуна: „Все вещи имеют жизнь. Лампа ходит. Стены дома имеют свой голос. Даже урыльник имеет собственную страну и шатер, жену и детей. Шкуры, лежащие в мешках на запас для торговли, разговаривают по ночам. Оленьи рога на могилах покойников ходят обозом вокруг могил, а утром становятся не прежние места“ *). Противоположность мертвого и живого еще не возникла в человеческих головах. Ведь даже камень иногда двигался: скатывался с горы от сотрясения, шевелился, когда его зацепляла человеческая нога и, главное, „звучал“, когда по нему ударяли, или когда он трескался от колебаний температуры. Мертвое не может двигаться или говорить. Камень должен быть живым, как и зверь: он только любит притворяться мертвым, т.е. тихим и неподвижным. Понятно, что волшебное изображение бизона легко приобретало всю полноту жизни, не меньшую, чем у его реально-живой модели.

б. Динамизм Одно всеобщее оживление бессильно объяснить это влияние. Мироощущение людей древнего камня должно отличаться динамизмом, признанием энергии, скрытой в вещах и делающей понятным их взаимодействие. Вещи должны притом обладать такой энергией или силой в различных количествах. В некоторых вещах накапливается такой запас ее, что они становятся особенно чудодейственными. Волшебная сила, механически истекающая из вещей, и может несколько объяснить магические обряды. Подобная волшебная сила известна австралийцам (арунгвильда), индейцам (оренда прокезов), полинезийцам (мана) и пр. Хотя эта сила в этих сложных культурных комплексах выступает в сплетении с элементами анимизма—душеверия, однако, видимо, она гораздо древнее его. Даже сам Вундт, защитник первенства во времени анимизма над магией, признает, что волшебная сила старше „психе“, как он зовет обе формы души (т.е. „душу-тень“ и „душу-дыхание“). Правда, Вундт считает эту волшебную силу „телесной душой“, но из этой последней психе, по его же признанию, произойти не могла. Поэтому гораздо правильнее мнение Фиркандта, видящего в подобной волшебной силе самую зародышевую форму религиозных верований, существовавшую до зарождения анимизма—душеверия.

*) „Землеведение“ 1908, кн. 1, с. 63.

в. Табу и силы развились и широко распространились во всех погребениях. углях земли система священных запретов — „табу“

Хотя это понятие происходит скорее из варварской, чем дикой Полинезии, но оно носит на себе крайне примитивный отпечаток. Различные табу — не заповеди с обоснованием своих вещей, а категорические запреты, лишённые всякой мотивировки. В пример табу у нас любят приводить запрет Адаму и Еве вкушать плоды древа добра и зла: последствия нарушения запрета, т. е. грехопадения, хорошо известны. С. Рейнах в книге „Орфей“ из системы табу пытался даже вывести всю религию. О высокой древности табу говорит его тесная связь с тотемизмом Австралии, где люди-кенгуру, напр., щадят жизнь всякого кенгуру, безразлично зверя или человека. Всего правдоподобнее объяснить великое благоговение и ужас к табу верой в чудесную силу, скрытую в предметах или существах, находящихся под табу, т. е. под запретом. Таинственные могучие силы считались присущими и пратотемам. Но, как уже говорилось, трудно решить, ограждена ли была жизнь пратотемических животных и растений строгим табу, или стремление вобрать в себя волшебную силу заставляло поедать их мясо. Последний мотив, вероятно, следует приписать тем людоедам, которые лакомились мясом тех трех человек, чьи изрезанные кости найдены в пещере Антелиас (Финикия), в ориньякском слое. Но это каннибальство не мешает считать весьма вероятной мысль, что запретное табу ложилось на останки покойников. В донеолитической Европе, как мы видели, обнаружен ряд погребений, неоспоримо принадлежащих к мезолитической и палеолитической эпохам. Заботливое трупоположение, размещение вокруг трупа его орудий и украшений ясно отражают внимание и даже благоговение живых к памяти усопших. Обычно ученые объясняют все эти погребения, как следствие культа мертвых и веры в загробную жизнь, продолжающую земную. Это объяснение слишком трудно принять. Выходит, что уже у мустьерского неандертальца конца мезолитической эпохи культ мертвых существовал в столь же развитых формах, как, скажем, у индейцев Северной Америки. Пропадает всякая постепенность в эволюции культа мертвых. Конечно, затруднения этнографов не могут помешать признать истину. Но как раз в данном случае истина далеко не так ясна и очевидна. Для объяснения смысла древнекаменных погребений ученые (сознательно или бессознательно) исходят из сравнения с современными похоронными обрядами. Всюду на земном шаре в наше время распространен анимизм, наименее развитой у австралийцев. Но нигде не уцелело племен, стоящих на ступени мезолитической и даже палеолитической культурной эпохи. Можно ли смысл современных трупоположений с инвентарем вкладывать в древнекаменные? Это будет ложным применением сравнительного метода. Перенесение понятий из высшей культурной фазы в низшую явится произвольным. Предварительно следует доказать,

что душеверие было распространено и в мезолитической, и в палеолитической Европе, и лишь после того можно придать и тогдашним трупоположениям то же значение, которое они имеют в нынешней анимистической обстановке. Но как раз единственным „бесспорным“ доказательством анимизма в эпохи древнего камня признается трупоположение с инвентарем. Мы попадаем в волшебный круг, где два тезиса (анимизм—раз и культ мертвых—два) пытаются обосновать свою реальность, опираясь одно на существование другого. Приходится видеть здесь пример весьма частой логической ошибки „предрешения основания“ (*petitio principii*). Культ мертвых и анимизм в палеолите следует доказывать каким-либо третьим положением, но его нет, потому что нет „живых“ культурных фаз, строго соответствующих ископаемым древнекаменным. Поэтому, мне кажется, гораздо осторожнее объяснять погребальные обряды палеолита и особенно мезолита не анимизмом, а табу. Стремление вобрать в себя волшебную силу усопшего толкало людей на поедание трупа. Но могучий инстинкт сохранения жизни у всех живых существ всегда вызывал неодолимый ужас перед трупом своей породы. Этот ужас пересиливал, и великий запрет—табу—вступал в силу для охранения покоя усопшего. Это табу распространялось не только на труп, но и на украшения и орудия, бывшие в личном владении покойника при жизни. Так, уже у мустьерских пещерников, не оставивших никаких памятников изобразительного искусства, появляются погребения. Но это первое зерно культа мертвых находит и помимо душеверия достаточное объяснение в тогдашнем витализме, динамизме и табу.

Если теперь идея о душе, отличной от тела, кажется такой элементарной, такой „непосредственно“ данной, то в первобытном мироощущении было совсем иное. **Метаморфизм.** Надо глубже почувствовать, что предполагаемыми устоями его были два принципа: „во всем жизнь“ и „во всем сила“. Каждая вещь была центром, излучающим более или менее мощную силу, капризное скрещивание и взаимодействие которых и представляла вся действительность. Дело не ограничивалось таким „эманизмом“, как упрощенно понял Каруц. Как это ни трудно, нам надо вообразить, что и самое ядро, самый „центр“ каждой вещи не был чем-либо устойчивым и неизменным. Магические действия потому и могли казаться возможными, что в мире не знали ничего пассивного, мертвого и неподвижного. С витализмом и динамизмом древне-каменного мироощущения неразрывно связывалась мысль о волшебном преображении—метаморфозе вещей. Сказки всех стран и народов, даже столь молодые, как русские, сохранили отзвуки такой всеобщей метаморфозы в своих фантастических повествованиях о всевозможных превращениях людей, камней и животных. Но самой сильной фантазии сказочника трудно вообразить всю неиссякаемую энергию метаморфоз вещей-сил. У австралийцев можно еще найти живые верования в такие пре-

вращения. Не только у этих примитивных дикарей, но и в фольклоре довольно культурных народов мы не видим никаких следов вмешательства во все эти оборачивания душ или духов. Метаморфоза, или преобразование, вовсе не есть метапсихоза, перевоплощение души в разные вещи. Мир „Синей птицы“ с душами предметов (хлеба, сахара, пса т. д.) не есть мир первобытного воображения. В последнем вещи были гораздо действительнее и изменчивей: они таяли, возрождались, переворачивались одна в другую, то суживались, то разбухали. Так сообщает отрывок чукотской сказки где молодой колдун превращается в олений волос, „оборотень“ женится на девушке, затем родится от нее ребенок, который оказывается все тем же колдуном*). Перед нами какой-то закон сохранения волшебной энергии. Понятно, что в обстановке, где отсутствовала мысль об инертном, устойчивом теле, не могло зародиться и мысли о противоположности тела подвижной и активной душе. Текучесть вещей-сил способствует слиянию, а не расчленению. Уподобление-ассимиляция господствует над различием-диссимиляцией: симильная магия, судя по искусству, главенствует над парциальной. Сплошная перевитость и сцепленность окружающего ощущается острее, чем его раздельность. Все вещи-силы образуют, как бы одну упругую эластичную ткань действительности, пронизываемую токами идущих от них таинственных взаимодействий. Подобное замещает подобное! Изображение оленьего стада привлекает к себе реальное. Гравирование бизонных фигур мощно рождает действительных бизонов. В сплошном клубе жизни невидимые пружины соединяют подобное с подобным. Воздействие на рисунок передается немедленно модели. В переливах и извивах безличных сил и влияний мысль об индивидуальной душе не в состоянии развиваться. Самые поиски ее в кольцах превращений живых вещей-сил не менее безнадежны, чем поиски контуров будущей статуи в лоне родящей ее жидкой меди. Правда, анимисты (напр., Вундт) хотят спасти свою теорию первенства душеверия предположением о безличных телесных душах, сидящих в каждой вещи. Но вещи-силы достаточно мощны для самостоятельного и даже многократного оборотничества, почему мысль о такой телесной душе оказывается излишним плеоназмом.

Перед нами полураскрывается мироощущение более древнее, чем анимизм. Для обозначения ступени религиозности, предшествующей анимизму, употребляется русскими учеными (например, Кагаровым, Зелинским) термин аниматизм. Я приближенно передаю его, как „оживление“ (латин. *anima* значит жизнь). Термин этот создан агличанином Марьэттом, вскрывшим под пластом анимизма более глубокий и древний слой аниматизма. Но, к сожалению, Марьэтт недостаточно смело и резко расчленил эти два пласта. Как явствует и из самих терминов, фазы религиозности, ими обозначаемые, недостаточно

*) Землеведение 1908, I, стр. 71—2.

резко отделены. В аниматизме Мэрьетт оставил немало анимистических элементов. Лишь другим ученым, каковы наш Тан-Богораз, немцы Прейс (Preuss) и Фирканд, англичанин Фрззер, автор знаменитого труда „Золотая ветвь“, удалось гораздо резче отделять от анимизма более примитивное мироощущение. Его удобнее всего назвать доанимизмом; термин этот тоже употребителен среди русских ученых. Доанимизм не знает душ и „чувствует“ мир, как сочетание вещей-сил, находящихся в актуальном или потенциальном превращении. Так, тремя китами этого гипотетического мироощущения палеолита оказываются три великих принципа: все живет (витализм), все есть сила (динамизм) и все превращается (метаморфизм). Основным среди них является динамизм. Мыслимо даже свести к нему и витализм, если признать, что „жизнь“ всецело поглощается „силой“. Тогда формула до-анимизма: „круговорот превращений живых вещей-сил“ стянулась бы в краткую: „круговорот превращений вещей-сил“. Но мы не должны увлекаться утончением формулировки сущности доанимизма. Надо твердо помнить, что это — лишь возможное палеолитическое мироощущение, наиболее соответствующее пратотемизму с его колдовством, преимущественно симильным. Особенно же ясно надо сознать, что оно иррационально, т.е. не может быть понято нашим рассудком (*ratio* по-латыни) с его логикой „доброго здравого смысла“. Нам легче принять на веру самое невероятное „вдохновение“, вселение духа в вещь, чем самое простое превращение.

Само-собой понятно, что мироощущение является лишь кристаллизацией человеческого мышления со всеми его закономерностями. Иррациональность мироощущения поэтому отражает отклонения от нашего здравого смысла и самого механизма мышления. Наша логика с ее „вечными“ и непреложными законами увенчивает и дает нормы мышлению здравого смысла. Однако в руководствах по логике (еще в „Системе логики“ Милля!) имеются особые отделы, посвященные так назыв. „логическим ошибкам“. Теперь -это кривые дороги, уродливые аномалии. Некогда эти „ошибки“ были „правилами“. Не только во времена оны, но и в наши дни, по данным этнологов, мышление современных дикарей идет путями столь чуждыми нашему здравому смыслу, что его зовут дологическим. Французу Леви-Брюлю принадлежит особенно стройная и красивая теория, объясняющая главнейшие свойства такого дологического мышления. Вместо нашего закона тождества в основе его лежит велепый для здравого смысла „закон соучастия“ (*loi de la participation*), гласящий: все участвует во всем. Разница этих двух законов, мне кажется, лучше всего выяснится, если мы представим их в двух формулах. По закону тождества A есть A , где под A разумеется только A . По закону участия A есть A_1 , где A и A_1 суть одно и то же, если относятся друг к другу, как подобное к подобному или часть к целому. Последний дологический закон объясняет все нелогичности магии-колдовства. Если мне принадлежит вещь, то в ней

заключается часть меня и, воздействуя на нее, можно воздействовать на меня. Имя человека то же самое, что человек. Каждая вещь одновременно может быть одним и другим: так люди-серны в одно время и животные, и люди.

Отсюда необыкновенная легкость самых чудесных преобразований—метаморфоз. Вещи не столько противопоставляются, сколько сопоставляются, соучаствуют, проникают друг в друга. Замечательно, что закон участия не является диаметрально противоположным нашему закону тождества: скорее он его—недософормленность, недоразвитость, отдаленный прообраз. Леви-Брюль объясняет его несовершенство слабым расчленением (дифференциацией) первобытного мышления. Всем известно, что современные психологи делают все акты сознания на познавательные, чувствительные и волевые. Конечно, деление это условно, так как наше сознание составляет непрерывный поток, в котором слиты все виды душевных явлений. Но все же дифференциация нашей психики сделала значительные успехи. Многие наши познавательные акты столь слабо окрашены чувством и волей, что последними элементами можно пренебречь: они слишком незначительной интенсивности. Не то в первобытном сознании. Там мы не найдем таких „чистых“ познавательных актов, там чувствительная и волевая окраска—весьма существенная, если даже не пресобладающая, сторона познавательного акта. Всякая вещь интересует дикаря лишь в случае, если она находится в тесном отношении к его жизни. Память воспроизводит не только представление вещи в отдельности, но и отношение этой вещи к окружающему. Связь между вещами переживается непосредственно: мысли о всеобщей причинности еще нет. Даже в языке звуковые жесты (слова), неразрывные с жестами-движениями, обозначают более целые комплексы явлений, чем обособленные понятия и отношения. Сознание бессильно еще расчленять—анализировать. Так дологическое мышление тклет дивамическую ткань действительности, где все актуально, где все составляет круговорот првращения вещей-сил, где вещи не расщепились на две стороны, телесную и духовную.

Доанимизм и хозяйство палеолита До-логическое мышление и сотканное им доанимическое мироощущение, конечно, неразрывно связаны с палеолитическим хозяйством. Однако, по археологическим источникам, хозяйство это раскрывается слишком неполно и неясно, чтобы дать его характеристику в терминах политической экономики. Общественная организация палеолитических охотников источниками вовсе не отражается. Нам приходится исходить из мысли, что отношению палеолитического пратотемизма и симилярной магии к австралийскому тотемизму и магии парциальной должно соответствовать и отношение между палеолитическими и австралийскими формами хозяйства и общества. При таких условиях можно осмелиться лишь на смутный, нестчетливый набросок хозяйственного и обществен-

ного строя палеолита, не столько логически анализирующий, сколько „дологически“ сливающий. Не зная ни земледелия, ни скотоводства, люди древнего камня вели присвояющее хозяйство, хищнически истребляя и не восстанавливая природные богатства. В мадленскую культурную пору люди дошли уже до рыболовства. Но главным их занятием была охота. Человек истреблял огромных мамонтов и носорогов, легких северных оленей, могучих быков-бизонов, быстроногих лошадей, не говоря уже о более редких и более мелких зверях. Его соперники в охоте на зверя, грозные пещерные львы и медведи, гибли от руки этого энергичнейшего охотника. Для наших ученых охотничий быт с его беззаботностью и беспечностью представляется нищенским и жалким, а сами охотники кажутся ничтожными существами, которым вечно грозит голодная смерть, и которые вечно трепещут перед могучими природными стихиями. Подобное представление является просто логической фантазией, которая несколько правдоподобна в отношении нынешних отсталых охотничьих племен, отброшенных своими преуспевшими цветными и белыми соседями в самые жалкие места земного шара. Но такая модернизация совершенно неприменима к палеолиту. Ведь тогда не было ничего выше охотничьего быта. Ведь тогда охотники не только поддерживали, но и развивали, пусть страшно медленно, элементы культуры, унаследованные от бесчисленных поколений своих предков. Наши масштабы оценки, выработанные в лоне гордой цивилизации XX века, не годятся для палеолитических охотников. Надо уметь почувствовать и вообразить всю сверхчеловечность или, вернее, звериность их „дикой энергии“. Охотничья страда бушменов может помочь нам представить себе страстную напряженность охотничьих трудов эпохи древнего камня.

Борьба за жизнь требовала отчаянной траты сил; ни собаки, ни прирученного скакуна, ни огнестрельного оружия не было к услугам охотника. Единственно копьёметатель позволял ему с расстояния в 50—60 шагов пустить дротик в дичь. Но сколько усилий требовалось, чтобы подобраться на расстояние полета дротика к пугливому стаду лошадей или оленей. Как тяжело вызвать погоню за этими быстрыми бегунами! Как тяжело вырыть огромную ловчую яму для мамонта или носорога и как трудно жалким оружием добить попавшего в нее зверя великана! Охотничий быт словно заряжен динамитом. Он не допускал спокойной, устойчивой оседлости. Следом за звериными стадами, перемещавшимися в поисках пищи, передвигались и охотившиеся на них люди. Такие факты, как распространенность янтаря по Европе древнего камня, как встреча в одной пещере Франции раковин из Средиземного моря и Атлантического океана, говорят, вероятно, о таких великих передвижениях охотничьих групп. Рядовой русский горожанин обладает такой склонностью к оседлости, что болезненно ощущает перемену квартиры, что без вздоха решается на переезд летом на дачу. Охотник, наобо-

рот, был вечным скитальцем и бродягой, не прикреплявшимся надолго к одному месту. Склонность к бродячей жизни, укрепляясь из поколения в поколение, обращалась в непоселливость, тягу к перемещениям, тоску не по старому, а по новому месту. Вильгельм с удивлением рассказывает про австралийцев, что их „привычка постоянно менять свое место жительства так велика, что они ее могут долго жить даже на тех местах, где могут быть с избытком удовлетворены все их потребности. Им овладевает непреодолимая потребность увидеть то или другое место, которое им пришлось особенно по душе, и никакими уговорами не удержать их на месте“ *).

Казалось бы, охотничья стремительность и подвижность легко могла стать двигателем быстрого прогресса культуры. Наше воображение легко отождествляет неукротимого зверолова, все мускулы которого налиты дикой энергией, с искателем новизны, с творцом новых и врагом мертвых, застывших форм жизни. Действительно, при переходе человечества от камня к металлу бродячие группы в сочетании с оседлыми образовали первые государства, ставшие очагами высокой культуры. Но в отдаленнейшие времена палеолита несбуждаемая энергия охотников оставалась слепой, бесплодно растрчиваемой стихией, которой нечего было и двигать. Экономисты очень прозаично, но и очень просто объясняют тайну общественного упадка, застоя и прогресса. Для своего сохранения общество должно выполнять общественно-необходимый труд, иначе говоря, произвести столько продуктов, сколько, необходимо для удовлетворения насущнейших потребностей его сочленов. Если общество потребляет больше, чем производит, если оно не „самооправдывается“, то его, очевидно, ждут неминуемые развал и гибель. При самооправдывании минимума потребностей своих сочленов общество существует почти неизменно. Но вперед оно двинется лишь с появлением сверх необходимого „прибавочного труда“, который создает „прибавочный продукт“, избыток над минимумом потребностей членов общества. Особенно важно, чтобы прибавочный труд стал постоянным, заурядным явлением и чтобы прибавочный продукт реализовался в постоянных же запасах или сбережениях общества. Только тогда станет возможным прочное и отчетливое разделение труда, и из однородной массы общества выделятся специалисты. Только тогда у общества явится поступательная энергия, произойдет рост, улучшение системы производства и расширение потребностей. Культура общества испытает прогресс, выражающийся в улучшении старых и изобретении новых орудий, в усложнении языка, в росте искусства, религии и, наконец, науки. Этот элементарный закон общественной динамики вполне приложим к простейшему обществу. Человечество в те-

*) Ш у р ц. История первоб. культуры. СПб., 1910, с. 331.

чение многих тысячелетий не могло выбиться из магического круга. Труд палеолитических охотников с их жалкими костяными и каменными орудиями был очень непродуктивен. Совместно сосуществовать могла только крохотная горсть людей. Им приходилось добывать средства к жизни на огромной кормовой площади. Конечно, время от времени у таких групп появлялся прибавочный продукт, но он использовался, благодаря самой случайности и непредвиденности своего появления, не достаточно хозяйственно, т.е. просто усиленно и ускоренно потреблялся. Когда же усиленное размножение делало группу слишком большой для питательных ресурсов обитаемой ею местности, то она просто делилась на еще меньшие ячейки, разбредавшиеся по новым, более обильным пиццей, районам. Распад простой общественной группы облегчался страстью к бродяжничеству и при простоте общественной организации проходил вполне безболезненно. Но при отсутствии всяких транспортных средств, кроме собственных ног, люди затрачивали уйму времени и сил на преодоление пространства. Они могли употреблять меньшее количество труда на непосредственное добывание пищи. Запасы и сбережения в этой бродячей обстановке не накапливались. Большой багаж стеснял и замедлял передвижения. Человек в своих скитаниях не мог развить склонности к бережливости и создать постоянный запасный фонд, который стал бы исходной базой улучшения его культуры. Отдельные группы человечества приспособились каждая к своей природной среде и остановились на этом приспособлении. Только изменение природной среды могло вынудить у людских групп проявление новых энергичных приспособлений. Великие катастрофы четвертичного периода, чередование оледенений и межледниковий, играли в жизни древнейшего человечества роль двигателей его культуры. Люди изменяли свои приемы воздействия на природу, стремясь наилучше приспособиться к ней. Так как эти катастрофы однако не были мгновенными, а тянулись десятками тысячелетий, то с такой же медленностью шла и эволюция культуры. Мелкие изменения и улучшения накапливались, передавались от поколения к поколению и, хотя досадно медлительным, еле приметным темпом, неудержимо внедрялись в культурное достояние людей. Палеолитическая эпоха уже далеко ушла вперед в сравнении с археолитической. Ее отжимные орудия гораздо выше тесаных. Ее пещерная иконопись и погребения говорят о росте духовных запросов человечества. Крупный сдвиг культуры несомненен, но детали его совершенно неясны. Убивали-ли шельские охотники южного слона, умерщвляли-ли крапинские носорога Мерка? Действовали-ли они скопом, стихийно, не руководимые главарем? Как солжтрейцы и ориньякцы истребляли целые стада лошадей? Какие организаторы руководили их охотничьими облавами? Эти вопросы трудно разрешимы. Во всяком случае в палеолит во многих районах появлялся прибавочный продукт. При отсутствии его, была бы непонятна знаменитая

пещерная иконопись. Но тогда, помимо старого полового разделения труда (мужчины-охотники, а женщины-собирательницы), должно было появляться и более специальное. Если даже все разнообразные костяные и каменные орудия считать изготовляемыми рядовыми мужчинами-охотниками, то упомянутая иконопись, несомненно, требовала специалистов. Но исключительно ли иконописцами они были, занимались ли иконописью в часы охотничьих досугов, вновь остается неизвестным. Данные австралийской этнологии несколько приближают нас к разгадке общественного и хозяйственного уклада палеолита. Они позволяют нам отвергнуть „одиноким образ жизни“ с моногамной семьей Вестермарка и „индивидуальное добывание пищи“ Бюкера. Основной единицей человеческой общности служила какая-то пратотемическая (по аналогии с австралийской тотемической) группа звероловов, все члены которой очень слабо различались между собой и очень крепко связывались узами общей солидарности. Появление частного владения внесло трещины в первобытный коммунизм, но личность все же едва ли обособилась, выделилась из общественного целого: вернее, она совсем тонула в поглощающем ее коллективе.

Как ни отрывчны и ни туманны наши наблюдения над хозяйственно-общественным обликом палеолитических людей, все же можно ясно видеть, как дологическое мышление и доанимическое мироощущение тесно с ним связаны и как точно ему соответствуют. Только в бродячих, кипящих необузданной энергией охотничьих сообществах, слабо расчлененных, не выделивших самостоятельных индивидуальностей, могли возникнуть такие черты первобытного мышления, как витализм, динамизм и метаморфизм. Только динамика звероловства могла создать мироощущение доанизма с его формулой „круговорот превращений живых вещей-сил“. Только исключительным значением в первобытном хозяйстве животных можно объяснить звериные фигуры пратотемов. Но полнее всего могучие звероловы и неутомимые бродяги палеолита отобразили себя в магии, в системе принудительного воздействия на природу, основанной на принципах дологического мышления: „подобное замещает подобное“ и „часть замещает целое“. Я не буду говорить о великом значении магии для эволюции древнекаменной культуры. Магией объясняют (Прейсс в ранней работе) происхождение украшений и одежды, орудий и разных видов искусства—живописи, скульптуры, танца и пения; крупную роль ей приписывают в развитии древнейшего языка. Я лишь укажу, что магия тесно связана с трудовыми процессами и является своего рода волшебной работой, чародейским добыванием средств к жизни. Она тесно связана, как видно из австралийских примеров, с массовыми действиями. Ритм общей работы, таинственный успех коллективного труда в областях, где индивидуальный быт бессиден, гипноз толпы,—все это, как и многое другое, укрепило веру в непобедимую мощь колдов-

ских заклинаний и церемоний. Как и в развитии языка, главную роль в эволюции магии играло коллективное творчество. Но в дологических извивах палеолитического мышления можно двигаться лишь столь медленно и сбиться с пути столь легко, что я не стану больше утомлять читателя этим затянувшимся страданием среди шатких гипотез. Выбравшись из пучины дологического мышления, мы от палеолитической перейдем к более новой эпохе, более близкой, более понятной, познаваемой с меньшим напряжением мысли и с большими результатами.

В. Неолитическая эпоха.

Переворот в природе. Великий переворот медленно, но неудержимо менял облик Европы. На смену мадленского климата, такого холодного и сухого, надвигался более теплый и влажный. Могучие ледники в приальпийских областях, хотя и с некоторыми колебаниями, с возвратами вспять, отступили на высокие горы, на нынешнюю снеговую линию Альп. В России, в прибалтийских странах, хотя и несколько иначе, происходило подобное же очищение почвы от вееров ледников. Растительный мир резко менялся. Тундра сменялась степью. Полярные растения или вымерли или укрылись в области вечных альпийских снегов, а их место заняли степные, переселившиеся с юга. Но и господство последних не было прочным. Степь постепенно сменялась лесостепью и, наконец, лесом. Таяние ледников образовало множество рек, озер, стоячих вод, так что дождевые осадки падали в изобилии. Сырость в связи с теплотой способствовала распространению дремучих лесов, словно шубой одевших девственную европейскую почву. Их непроходимость увеличивалась еще массой топких торфяных болот. Только немногочисленными и сравнительно небольшими плешинами—островами уцелела степь среди этого зеленого океана деревьев. Растительный мир в существенных чертах принял тот же облик, какой сохраняет и теперь. Яблони и сливы, орехи, земляника, смородина, высокие травы, как ячмень, просо и пшеница,—все это стало с незапамятных пор расти на европейской почве. Смесь форм, свойственных и степи и лесу, была особенно благоприятна для европейцев. Вслед за растительностью, и животное царство приняло современный вид. Северный олень навсегда покинул Францию и южную Россию. Его место заняла новая руководящая форма,—благородный или обыкновенный олень. Появились и лоси, козули (изюбры), дикие свиньи (кабаны), бурый медведь, рысь, дикая кошка и т. д., все это—животные, давно истребленные в Западной Европе, но и сейчас еще встречаемые в глухих углах России. Климат Европы стал мягче, животный и растительный мир разнообразнее и богаче, почва плодороднее. В этой „новой“ Европе, сбросившей с себя мертвящий саван ледяного покрова, зародилась и „новая“ более высокая и более сложная культура.

Суммарная
характери-
стика
неолита.

Во всех сторонах жизни человечества действительно произошли великие и глубокие перемены. Древние мужчина—охотник и женщина—собирательница пищи исторически истребляли животных и растительный мир; они ограничивались чистым присвоением даров природы. Теперь появились мужчина—скотовод и женщина—земледелец; они не только приносили ущерб природным богатствам, но и создавали воспроизведение, восстановление фауны и флоры, оберегая и разводя домашние растения и скот. Если мы пожелаем воспользоваться терминами, выработанными естествоиспытателями для выражения взаимных отношений между организмами, то можно, вслед за немецким ученым Гёрнесом, сказать, что древние охотники и собиратели добывали пищу, как паразиты, питаясь готовыми, природными запасами, новые же скотоводы и земледельцы вступили как бы в симбиоз (сожительство) с дающими пищу организмами: истребляя отдельных особей, они оберегали и размножали виды или породы в целом. Быковод, умерщвляя быка, не давал однако вымереть бычьей породе. Так стариннейшее присвояющее хозяйство стало вытесняться воспроизводящим, или, иначе говоря, паразитное хозяйство переходило в симбиозное. Последние термины, мне кажется, более ярки и лучше закрепляются в памяти, чем бледные, неумовленные термины присвояющее и воспроизводящее. Надо только помнить, что в эти естественно-научные термины нельзя вкладывать нравственно-жизненного смысла. Называя хозяйство древнейших людей паразитным, отнюдь не следует видеть в них каких-то дармоедов и лентяев. С зарождением симбиозного хозяйства чудесно изменилась картина первобытной жизни. Оседлый, домовитый хозяин затмил подвижного охотника, скитавшегося в своей одежде из звериных шкур в поисках пищи. У людей появился постоянный „прибавочный продукт“. Льняная одежда облекла стан человека, разнообразная глиняная посуда стала обычной в его домашнем обиходе. Почти всюду пещеры оставались только мертвым: живые предпочли им хижины-землянки. Рядом с хижинной появились хлев для домашнего скота и погреб для зерна и овощей с поля и огорода. Люди скупивались в целые деревни. На естественном возвышении строились селения, обведенные валом и окаймленные рвом. Посреди воды, словно острова, создавались деревни на сваях. В таком городище или свайной постройке люди сохраняли свою жизнь и добро от „диких“, в их глазах, лесных охотников, бродящих по дебрям лесов. Их оружие и орудия хотя и приготовлены из камня, но хорошо отшлифованы и крепко, благодаря просверливанию, надеты на рукоятку. Их мирозерцание гораздо сложнее охотничьего колдовства: они анимисты, или душеверы, населяющие множеством духов окружающую их мир. Развитые похоронные обряды свидетельствуют о культе предков. Наконец, искусство, наиболее тонкий выразитель духовного мира человека, из реалистического делается символическим. Контраст между „старым“

и „новым“ человеком, действительно, выходит поразительный. Начиная с Ляббока, всю полосу человеческого прошлого, вклинившуюся между палеолитической (древнекаменной) и палеометаллической (древнеметаллической) эпохами, стали звать неолитом, „новым камнем“ или неолитической (новокаменной) эпохой; заимствовали это название из языка греков.

Теория перерыва и восточный мираж. Такое наименование получило полные права гражданства в науке и помогает нам легче восстанавливать в памяти характернейшие черты культурной эпохи, охватываемой им, как кольцом. Но в нем кроется и большая опасность. Ведь, неолитом зовут громадную временную протяженность, раздвинувшуюся на несколько тысячелетий. Трудно предположить, что все достижения неолитического человека явились сразу или очень быстро друг за другом. Сомнительно и существование где-то единого великого центра, откуда распространилась во всех направлениях неолитическая культура. Однако, при суммировании всех составных элементов понятия неолитической культуры, очень легко забывается постепенность и одновременность появления этих элементов. Незаметно для себя самих мы искусственно упрощаем ход процесса, как бы помещаем в одной временной плоскости явления, которые на самом деле располагались в ряде последовательных, временных плоскостей. В такую ошибку впадали многие археологи. Не избег ее и знаменитый французский археолог Габриэль Мортилье. Взяв понятие „неолит“ и разбив его на составные части (шлифованные орудия, земледелие и скотоводство, символическое искусство, глиняная посуда и пр.), он сопоставил его с расчлененным понятием палеолита (охота, оббитые орудия, реалистическое искусство, доглиняная посуда и пр.). В итоге сравнения невольно родилась мысль о „перерыве“, „зиянии“ (hiatus): две эпохи человеческой культуры, палеолитическая и неолитическая, казалось, были отделены одна от другой непроницаемой перегородкой. В Мас д'Азильской пещере (Франция) нашли даже и подтверждение такого провала: между нижним мадленским слоем и верхним азильским (начально-неолитическим) лежал промежуточный, совершенно лишенный всяких остатков человеческой культуры. Прежняя человеческая раса почти совершенно исчезла из Западной Европы. Она последовала за северным оленем, переселявшимся на северо-восток. Многие оставшиеся представители ее владели жалкое существование. Тогда с Востока, из Азии, вторглась в Европу новая человеческая раса, принеся с собой основы неолитической культуры, т.-е. шлифованные секиры, зерна злаков, домашних животных и пр. пр. (Теперь Обермайер усиленно выдвигает „африканский мираж“, указывая на вторжение в Европу африканской, а именно: „капсийской“ культуры (capsiten), развившейся от ориньякских до тарденуазских форм).

Но если отрешиться от мысли о полной неподвижности в течение целых тысячелетий неолитической культуры, если рас-

смаatrивать ее, как культуру развивающуюся, пусть и очень медленным, еле ощутимым темпом, то в ней нельзя увидеть подарок с Востока, сразу принесенный в законченном виде в Европу. Не зрелую неолитическую культуру, а только зародышевые формы ее можно сравнивать с палеолитической. Восстановив их, мы убеждаемся, что перерыв между эпохами древнего и нового камня есть просто перерыв, или пробел в наших знаниях, причем он все более и более заполняется новыми исследованиями. С устранением же перерыва рассеивается и „восточный мираж“, как С. Рейнах назвал теорию заимствования с Востока всех основ неолитической культуры.

Неолитическая перспектива. Нельзя быть строгим к ошибкам Мортилье и других археологов: раздвинуть культурные явления неолитической эпохи в последовательный ряд еще недавно было совершенно невозможно. Устойчивой относительной хронологии не выработано для неолита и по сие время. Стратиграфический метод, выяснением последовательности почвенных слоев устанавливающий последовательность культурных фаз, до самого последнего времени совсем не применялся к неолиту. Лишь открытия Сараува в Маглемозе выяснили смесу культурных фаз Прибалтики; благодаря же находкам Брейля и Обермайера в Валье (Испания), графа де-ля-Вега в Астурии (Испания же) стала мыслима коннекция (связывание слоев) Запада и Востока Европы. К сожалению, стратиграфия применима лишь к начальным комплексам культуры неолита, когда Европа переживала своеобразную последнеледниковую эпоху и происходили колебания климата, фауны и флоры, отобразившиеся в почвенных напластованиях. В классификации проф. Городцова им соответствуют равняя и средняя поры (см. табл. 1). Далее приходится прибегать к типологическому методу. Менее надежный сам по себе, он встретился с весьма разнообразным инвентарем неолитических людей, меняющимся не только во времени, но и в пространстве. Археологи изучали развитие форм топоров, наконечников стрел, гробниц, ножей. Особенным вниманием пользовалась однако неолитическая керамика, или гончарное искусство; в Германии изучение узоров орнаментов глиняной посуды неолита достигло необыкновенной детальности. Однако, восстановить типологическим методом перспективу неолитических комплексов культуры археологи все еще бессильны. Ими установлены „культурные провинции“, т. е. произведено размещение элементов культуры в пространстве. Внутри каждой такой провинции найдены последовательные ступени, т. е. культурные элементы расставлены во времени. Но коннекция (сшивание) этих локальных, ограниченных местными районами культурных слоев в общеевропейскую относительную хронологию до сих пор не выполнена. В классификации проф. Городцова (см. табл. 1) поздняя пора неолитической эпохи (техника полированных орудий) является не расчлененной на более дробные части. Затруднение возникает в установлении единого основания

деления. Для большинства немецких археологов таким основанием является узор-орнамент на керамических изделиях. Однако, последовательность в развитии орнамента не выяснена неоспоримо и общеубедительно. С другой стороны, всякий согласится, что орнамент является основанием деления слишком случайным и несущественным. Необходимо сопоставить сочетания руководящих форм каждого культурного комплекса, напр., топора, гробницы и посуды, и установить таким сличением, какие из этих сочетаний более древние и какие более новые. Тогда и комплексы культуры, соответствующие этим сочетаниям, разместятся в последовательном порядке. Уже отсюда видно, насколько типологический метод оказывается сложным и кропотливым. Трудности этим не ограничиваются. Необходимо еще учитывать, что культурные провинции неолита вступали во взаимоотношения путем обмена, переселения, подражания и пр. К тому же в некоторых районах появились столь специализированные формы, что сопоставление их с другими стало невозможным просто потому, что подобных им нигде больше не отыскивается. Из сказанного достаточно ясно, как трудно типологическим методом восстановить общеевропейскую относительную хронологию неолитической эпохи: ни одного письменного источника не является на помощь в этом царстве немых вещей.

Интуитив- Нам приходится прибегать к еще менее надежным, но
ная класси- легче осуществимым приемам. К несчастью и относи-
фикация. тельная хронология этнологов тоже весьма несовер-
шенна. Конечно, сочетание ее с археологической дает
более осязаемые последствия, чем эти хронологии, взятые порознь: они совместно подпирают и поправляют друг-друга. Однако этот прием дает столь шаткий базис, что рискованно исходить только из него. К нему приходится присоединить интуитивный прием проникновения в отдельные комплексы неолитической эпохи и усвоения внутренней динамики каждого из них. Сличая эти комплексы между собой, можно заметить внедрение новых элементов, возникающих не случайно, не порознь, а тесно спаянными сочетаниями. Этнографический материал, заполняя пробелы археологического, позволяет восстановить цельные, органически единые культурные комплексы. Чем новее комплекс, тем он сложнее, тем больше на старом ядре нарастает новых оболочек. Обозревая культурные комплексы неолита, мы располагаем их в последовательный ряд, начиная с самых простых и кончая более сложными. Пересматривая этот ряд еще раз и подмечая сравнительную законченность эволюции известного культурного элемента, можно остановиться и стануть несколько комплексов в один отдел, дав ему одно условное название. Всего удобнее, если это название явится обозначением предмета или явления, общего всем комплексам-отдела и столь яркого, что он может служить символом или эмблемой данного отдела. Таким образом, и для отдельных комплексов выбирается наименование, отнюдь не претендующее на

исчерпывающее определение всего их культурного содержания, а лишь являющееся символом-заместителем всего целого, которое отображается в нем, как в своей части. Идя таким путем, мы можем выделить в развитом неолите такой последовательный ряд: за культурной группой кухонных остатков культурная группа землянок, за ней культурная группа укреплений на воде и суше, причем под культурной группой разумеется соединение сходных культурных комплексов.

В защиту и пояснение такой хронологической классификации необходимо сказать несколько слов. Она, конечно, не так чеканна, отчетлива и расчленена, как обычная классификация систематиков, построенная на одном основании деления. Но мы видели уже, что для неолита такого единого основания еще не отыскано. Наша классификация соткана изнутри, а не извне. Ее основания деления почерпнулись из недр меняющихся комплексов культуры и потому менялись одновременно с их изменениями. Ее, пожалуй, можно считать не удовлетворяющей всем правилам логики: кухонные остатки относятся к пище, землянки—к мирным жилищам, укрепления—к военным сооружениям. Где же здесь единство основания деления? Однако наша классификация не подложит испытанию на этом пробном камне в силу самого ее происхождения. Ее термины—условные узелки, символизирующие единство того или другого комплекса. Ее схемы не предшествовали фактам, а следовали за ними. Столько же сливая, сколько и расчленяя, наша классификация не дает уступчатой хронологической лестницы, где резко размежеванные ступени возвышаются одна над другой. Ее скорее можно уподобить спирали, завитки которой незаметно переходят друг в друга. В ней нет резких разрывов, разрезов прошлого на отдельные части. В старне основы внедряются новые элементы и, сосуществуя с прежним, развиваются, выделяя в свою очередь новые отпрыски. Так, азийская культура порождает комплекс кухонных остатков, их сочетание создает комплекс землянок, еще более сложное сплетение всех элементов этих комплексов творит комплекс укреплений. Эволюция культуры совершается, как рост снежного кома, катящегося по снегу сверху и наращающего все новые и новые оболочки, пока какое нибудь препятствие не остановит или не разобьет его. Обычная систематика, обозревая поток прошлой жизни с одной неподвижной точки, с одного основания деления пытается уловить его сеткой своих логических схем. Ее твердые, неподвижные графы и клетки незаменимы и высокоценны для мертвого материала; в частности, археолог прекрасно может разместить по ним и наименовать свои вещественные памятники. Но эти устойчивые, отчетливые графы или останавливают, „убивают“ движущуюся жизнь, или бессильны удержать ее в своих жестких рамках. Напротив, наша классификация, которую можно назвать интуитивной, обозревая прошлое изнутри, со многих меняющихся точек, со многих оснований деления, дает текучие, как жизнь, подвижные, как волна, упругие, как пружина, линии

раздела. Словно, газноцветные поплавки, вывырнувшие на поверхность из недр сплошного жизненного потока, эти линии передают и направление его движения и изменения его оттенков, совершающиеся в самом процессе этого движения. Конечно, наша классификация, с ее гнущимися, слабыми раздельными штрихами, непригодна для разграфления мертвого материала. Она для этого слишком смутна, неточна, слишком выпадает из схем логики. Однако ее вполне можно применять к живому человеческому прошлому. Она может уловить биения пульса жизни, тоже „нелогичной“, тоже ломающей и опрокидывающей всякие логические расчеты. У ней есть даже ряд преимуществ. Ее разграничивающие линии, неясные, но гибкие, не разрезают жизненную спираль, не разрушают упругих сил, ее движущих. Для доисторических эпох самая тусклость и слабость расчленения оказывается скорее достоинством, чем недостатком. В доисторической хронологии выражения „современный“, „поздний“, „ранний“ всегда условны и грубо приближенны; она никогда не может быть столь точной и столь устойчивой, как хронология исторических времен, знающих письменность. Поэтому, когда археолог со своей логической классификацией бессилён проникнуть в слишком для него мелкие поры прошлого, историк культуры имеет право применить более утонченную, хотя и менее надежную, интуитивную классификацию, и с помощью ее восстановить перспективу культурных комплексов неолитической эпохи *).

*) В этой книжке я не касаюсь заката неолита и зари палеометалла (бронзы), к которым относятся трипольская культура и мегалитическая. Это будет сделано в моей „Истории первобытной культуры“, готовящейся к печати

1. Протонеолит.

1. Азильцы.

Раскопки
в Мас
д'Азиль.

Бурная горная речка Ариза проделала в известковом гребне подземный ход (туннель) в 48 метров вышиною при входе и до 400 метров длиной. Внутри этого туннеля, по обоим своим берегам, река эта образовала боковые пещеры, судя по отложениям, еще в ледниковый период. Здесь производил свои раскопки археолог Пьетт; дело шло тихо, иногда с риском для жизни, но увенчалось блестящим успехом. На левом берегу Аризы, внутри туннеля, близ самого входа, Пьетт открыл очень отчетливо разделенные слои, а в них культурные остатки тех людей, которые когда-то искали убежища в этом мрачном подземном корридоре.

1. Самый нижний слой—каменистая почва с остатками очагов (толщина 1,24 м.).

2. Далее шел культурный слой с мадленскими гарпунами и пр. (0,83 м.).

3. За ним следовал желтый илистый слой без всяких человеческих остатков: река затопила пещеру (толщина 1,5 м.).

4. Опять в пещеру проникают мадленцы с своими гарпунами, рисунками, гравюрами и пр. Однако северный олень становится редок, его сменяет олень благородный (мощь 4-го слоя 0,3 м.).

5. Вторично пещера покрывается речными волнами: подобный 3-му, желтый пустой слой 1,24 м. толщиной.

6. Вновь пещера делается обитаемой. Этот 6-й снизу красноватый культурный слой (от 0,15 до 0,5 м.) и получил название азильского.

7. Над азильским располагается новый слой с кучами раковин „лесной улитки“. Этот слой (от 0,1 до 0,6 м. толщиной) ранне-неолитический. Заметны попытки шлифовки и гончарного ремесла. Пьетт назвал этот 7-й слой аризским.

8. Над ним лежит пласт позднего неолита и бронзовой эпохи. Наконечники стрел; секиры сделаны из шлифованного камня, есть посуда. Следы меди и бронзы (толща 0,3—1,2 м.).

9. Наконец, 9-й и последний современный нанос (мощь от 0,2 до 0,4 м.) содержит остатки железной эпохи (напр., железные гвозди) и галло-римских времен (булавки, стекло и пр.).

Загадка плоских гарпунов и раскрашенных галек. Обнаруженный раскопками Пьетта своеобразный азийский культурный слой лежал над мадленским (с гарпунами) и под ранне-неолитическим (с глиняной посудой). Однако с мадленским азийский слой не соприкасался: между ними вклинился пустой слой без всяких культурных остатков. Это говорит о том, что много лет Мас д'Азийская пещера оставалась необитаемой. Это объясняет и резкое отличие азийского слоя от предшествовавшего ему мадленского. Костей северного оленя теперь вовсе нет. Чаще всего встречается благородный олень, за ним следуют лань, бурый медведь, дикая свинья (кабан), барсук, дикая кошка, бобр, разные птицы, форели, щуки и жабы. Среди этих животных нет ни одного степного. Ледниковый период, видимо, давно канул в вечность, и не степь, а густой лес расстилался на юге Франции. Климат даже был чересчур влажен: кабаны и жабы нуждаются в болотах, бобрам и форелям необходимы пресные водоемы.

Неудивительно, что лесовик-азиец по своей культуре весьма отличается от жителя тундры мадленца. Кремневые орудия еще очень сходны с мадленскими. Лишь лезвия пришлифованы. Зато большая перемена замечается в обработке кости. Рядом с известными и мадленцам костяными пилами и приспособлениями для разглаживания во множестве найдены*) особые „плоские гарпуны“ из рога благородного оленя (рис. 12). Это—руководящая форма азийской культуры. Как и мадленские их прообразы, они снабжены одним или двумя рядами зубцов, направленных назад. Но какая разница в обработке! Мадленский гарпун узок, цилиндрически округлен, его зубцы вырезаны тонко и даже изящно. Азийский же гарпун—плоская широкая пластина с грубо вырезанными зубьями разной величины. У большинства гарпунов около нижнего основания проделано круглое или овальное отверстие**). Отдаваясь первому впечатлению, невольно хочется думать о резком ухудшении техники роговой обработки, о шаге назад, даже о вырождении мадленской культуры. Но если мы ближе заинтересуемся свойствами рога северного и благородного оленя, то нам придется быть гораздо осторожнее в своих заключениях. Рог северного оленя очень тверд и плотен как в наружном, так и во внутреннем слое. Не таков рог оленя благородного: он имеет сердцевину губчатую, рыхлую.

Рис. 12
Плоский
гарпун
(пещера
Мас д'Азий).

*) Более 1000 штук.

**) Испанские гарпуны магдаленских слоев тоже имеют такое отверстие, вероятно, для прикрепления к рукоятке.

Если бы азилец изготовлял свой гарпун по мадленскому цилиндрическому образцу, то такой гарпун легко бы ломался подобно суку с гнилой сердцевинкой. Для обработки годился лишь варужный, более плотный слой рога благородного оленя. Волей-неволей азилец должен был вырезать свой гарпун плоским. Но плоский гарпун не мог быть узким: он слишком бы часто ломался. Пришлось еще дальше отойти от мадленской традиции и делать гарпуны не только плоскими, но и широкими. Так произошла эта неуклюжая форма азийского гарпуна, столь уродливая и „упадочная“ для нашего глаза и столь изумительно гармонизирующая с природой оленьего рога. Создавший ее азилец проявил немало находчивости в приспособлении формы к материалу. Если же произведенное им улучшение и приняло видимость ухудшения, то это вина не мастера, а несовершенного, слишком мягкого материала.

Таким образом в азийской технике, в сравнении с мадленской, не замечается резкого преобразования. в азийском слое нет ни одного шлифованного камня, ни одного черепка посуды. Зато в области искусства произошел целый переворот. Натуралистические гравюры и живопись мадленцев исчезли. Вместо костяных и роговых пластинок с изображениями животных, столь характерных для мадленских времен, Пьетт нашел в азийском слое свыше 200 раскрашенных камней“ (рис. 13 и 14).

Рис. 13.

Рис. 14.

Раскрашенные камни. (пещера Мас д'Азиль). Числовые камни „7“ (рис. 13) и „30“ (рис. 14).

Это были плоские гальки серого или беловатого цвета, круглой или продолговатой формы. Таких камней азийцы могли сколько угодно найти в протекавшей у самой пещеры речке Аризы. Нетрудно было найти и светлую или темную красную краску для их разрисовки. В окрестностях Азийской пещеры в изобилии попадает окись железа (красавик). Азилец толоч эту железную руду, смешивал с жиром и получавшуюся красную масляную краску наносил на камень палочкой, кистью или просто пальцем. Попав в сухой слой пыли, окрашенные гальки в течение тысячелетий могли не утратить своего красного цвета. И приготовление, и сохранность этих галек нетрудно понять. Зато в полное недоумение приводят крайне своеобразные символические изображения на этих гальках. Открывший их Пьетт пытался произвести подразделение на несколько групп и разъяснить смысл каждой группы отдельно. В части галек он увидел

„числовые камни“ (рис. 13 и 14). Действительно, все камни с параллельными полосками, казалось, легко могли иметь такое значение. Любопытно, что больше 8 полос ни на одной гальке не было найдено. Естественнее всего отсюда заключить, что представления азильцев о счете далее 8 были очень смутны. Пьетт, однако, предположил, что красные кружки на гальках обозначают основу счисления (т.-е. цифры 9 или 10), а овальные кружки, соединенные черточками с окаймляющим гальку красным кантом, являются квадратами основы счисления (т.-е. 81 или 100). Еще произвольное истолкование, даваемое Пьеттом галькам с символическими узорами.

На этой группе камней мы видим упрощенные наброски креста, змеинообразной линии, камышей, лесенки, зигзага, кругов в зубчатом кольце и пр. Самое же замечательное, что некоторые из этих набросков поразительно схожи с буквами финикийского, греческого и даже латинского алфавита. Эти „алфавитные камни“ (рис. 15) побудили Пьетта увидеть в Азильской пещере „как бы огромную школу, где учили и учились чтению, письму, счету и символам религиозного культа“, откуда „финикийские мореплаватели“ заимствовали некоторые буквы для своей азбуки.

Рис. 15.

„Алфавитный камень“ (пещера Мас д'Азиль).

Но такое раннее появление буквенного письма совершенно невероятно. Оно не могло бы и пропасть бесследно с французской почвы, население которой только от римлян получило алфавит. По странной иронии судьбы азильцы прямо на земле подбирали железную руду и знали немало знаков-образов будущих букв, и, однако, они остались при жалких маленьких кремнях и при таинственно непонятных для их потомков узорах. С марксистской точки зрения было бы легко объяснить, почему жалкие охотники и рыболовы из Мас д'Азильской пещеры не могли стать ни грамотеями, ни кузнецами. Но для Пьетта необходимы не „теоретические“, а „фактические“ доказательства того, что сходство азильских значков с буквами древнейших азбук является внешним и чисто случайным.

Насколько азильцы могли стать изобретателями цифр и букв, можно видеть из другой стороны их быта. Азильское погребение. Пьетт нашел в азильском слое два человеческих скелета. Оба трупа сперва держались на открытом воздухе, где они свободно разлагались: так именно объясняют отсутствие в них многих мелких костей. Затем скелеты окрасили в красный цвет охрой и похоронили в пещере. Пьетт даже думает, что с трупов ножом соскоблили мясистые части. Ясно, что люди с таким примитивным погребением (расчленение на части скелета) не могли быть учителями финикийцев в искусстве письма и счета. Правда, Шмидт открыл в Баварии в пещере Оффнет более сложное погребение. В тонком слое (7-ом снизу) всего в 5 сант. толщины с

„микролитами“ (смотри рис. стр. 109), среди них треугольным, но без плоских гарпунов и раскрашенных галек, с остатками благородного оленя, лося, льва и речной улитки (*helix nemoralis*) было вырыто две круглых ямы, содержащие одна 6, а другая 27 человеческих черепов, засыпанных охрой. В 6 слое (снизу) были остатки мадленской, а в 8 (сверху)—развитой неолитической культуры. В могилы попало несколько обугленных кусочков человеческих костей. Трупы сжигались где-то вне пещеры, а черепа в нее приносились.

Здесь не заметно людоедства, так как черепа не только целы и не обожжены, но и покрыты обильными украшениями из оленьих зубов и раковин. Измерение черепов показывает, что перед нами две расы: длинноголовые и короткоголовые (черепные показатели соответственно 70 и 86 *). Столь сильно выраженная короткоголовость нигде так рано, на самом стыке палеолита и неолита, не встречается. Гренельская раса, не столь резко короткоголовая, относится к неолиту **). Оффнетские частичные погребения могли практиковаться ази́йцами, так как требуют крайне несложных представлений о загробном мире.

Распростра- С устранением гипотезы Пьетта загадочность азий-
ненность ского культурного слоя не убывает, а возрастает. В
азильцев. искусстве произошло какое-то волшебное превраще-
ние. Жутко живые очертания зверей мадленских
костяных пластинок обратились в аляповатые и бессмысленные
для нас каракули азийских галек. Их подлинность, однако, не-
сомненна. Как во Франции, так и в Испании и даже в Англии
удалось найти слои с руководящими азийскими плоскими гар-
пунами. В некоторых пещерах эти слои непосредственно сопри-
касались с подстилавшими их мадленскими. В них сохранились
кости не только лесных, но и степных животных—диких лоша-
дей, быка, пещерного льва. Из подобных находок особенно важен
открытый в 1912 г. в пещере Бирсек (Швейцария ***) азийский
слой со 122 гальками, вполне похожими на азийские. Красная
разрисовка на них пропадает от малейшего соприкосновения.
Однако, отчетливо заметны параллельные полосы, красный кант,
окружающий гальку, и другие детали. Все эти гальки разбиты,
словно безвестный нечестивец совершил здесь когда-то великое
святоотатство. Еще важнее находка, сделанная Обермайером и
Брейлем в пещере Вадле, на севере Испании. Над мадленским
слоем здесь лежал азийский с плоскими гарпунами (просверлен-
ными), с одним или двумя рядами зубцов, большим костяным
лощилом для полировки кости, одной галькой со следами крас-
ной и желтой окраски и, самое важное, с очень мелкими крем-

*) Обермайер, с. 332—333; Osdorn, p. 490.

**) Déchelette I, p. 286.

***) L'Anthropologie 1912, p. 607 (находка Саразена).

невыми наконечниками правильной треугольной формы *). Точь-в-точь такие кремни правильной геометрической формы (ромбы, сегменты, треугольник и пр.) уже давно были найдены на месте открыто расположенной стоянки в Фер-ан-Тарденуа, во

Рис. 16.
Микролиты.

Франции, где их не сопровождали ни кости, ни орудия. Их зовут геометрические микролиты, т.-е. „малые камни“ (рис. 16).

Раньше в этих своеобразных кремнях видели остатки особой культурной ступени, по новому предположению Мортилье (1910 года), начинавшей неолит. Теперь азийская культура вполне покрыва

ет тарденуазскую, так что последнее название становится излишним. Трудно решить, для чего употреблялись эти маленькие кремни. Археологи видят в них сверла, резцы, скребки. Часть их, может, употреблялась для татуировки. Часть, весьма возможно, была наконечниками стрел. Тогда на фресках испанских скал Когул и Алипера изображения мужчин с развевающимися перьями на головах и с луками в руках следует относить именно к азийцам. Сродство этих микролитов (мелких камней), как их называют, с мадленскими установлено вполне надежно. Не касаясь германских находок, напр., Оффвет, азийский слой которой, если исключить черепа, дает слишком мало, я упоминаю еще шотландскую пещеру Мэк Артур, где в поздне-азийском слое, отделенном от мадленского пластом галек, найдены кости собаки. В Мюгеме (Португалия) и в Турасской пещере (Франция) в азийских слоях найдены тоже остатки собаки. Эти находки позволяют предположить, что местами азийцы, может, приручили уже собаку.

Путь к символическому искусству.

Описанные находки еще теснее связывают магдаленскую и азийскую технику, но не рассеивают мглы, скрывающей великий переворот в искусстве. Резные гравюры и цветные фрески, испещряющие скалы и пещеры Испании и Франции, весьма разнохарактерны и разнотипны. В иной пещере (Марсала во Франции, Альтамира и Испании) исследователи различают три вида изображений, частью нанесенных друг на друга. Среди них могут встретиться и произведения азийских художников. Надо только разместить эти изображения во временной перспективе. Но как это сделать? Приходится прибегать к несколько сложному, но вполне надежному обходному пути. Определяют последовательность гравюр на костяных пластинках, что сделать не трудно, зная культурные слои, из которых они извлечены. Затем выясняют, какие большие настенные изображения соответствуют

*) L'Anthropologie 1912, p. 2—4.

им по технике и стилю. В каком хронологическом ряду расположены костяные гравюры, в такой же последовательности разместятся и стенные изображения. Идя этим путем, приходится признать очень крупное значение за мелкой гравюрой, найденной в пещере Ложери-Басс во Франции. Она найдена в характерном азийском слое с плоскими гарпунами и выполнена на пластинке из рога благородного, а не северного оленя. Таким образом азийское происхождение ее несомненно. На этой гравюре (рис. 17) художник вырезал, вероятно, лошадь, на боку которой изобразил не то лесенку, не то костный остов туловища, не то поставил клеймо—штемпель. Части тела намечены столь небрежно, исполнение столь схематично, что Мортилье имел основание назвать гравюру „совершенно ребяческой“. Но для нас она важна, как звено, соединяющее размазанную азийскую гальку с натуралистической мадленской гравюрой. Не трудно найти нашему наброску лошади соответствие и в настенных изображениях. Как раз в пещере Мас д'Азиль имеется настенная гравюра лошади, выполненная небрежными, незаконченными штрихами (рис. 18). Перед нами еще одно из промежуточных звеньев: упрощение, схематизация изображений.

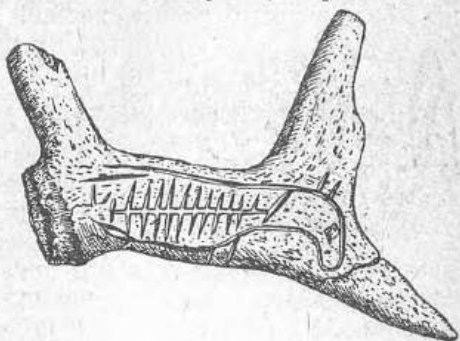

Рис. 17.

Гравюра лошади на роге благородного оленя, из пещеры Ложери-Басс.

Рис. 18.

Пещерная гравюра лошади (пещера Мас д'Азиль).

проследить это низвержение чистого натурализма в таинственную пучину символизма. Процесс начинается с расцвета натурализма. Мадленский художник достигает чудесного в законченности отделки, тонкости деталей, жизненности целого. В той же пещере Ложери Басс, на известняковой пластинке Бурлон *) перед самой войной нашел изумительное изображение бизона. Все тело его, гравированное удивительно уверенной рукой, покрыто легкими нарезками, изображающими шерсть; для затылка, бороды, подгрудка и низа боков нарезки более энергичны, чтобы передать

Обилие материала позволяет еще полнее, уступ за уступом,

*) L'Anthropologie 1916, № 1—2, p. 25, fig 17.

более густую волосатость этих мест. Рог изображен лишь один; налево внизу род монограммы для обозначения артиста, имя которого, действительно, заслуживает попасть на страницы истории искусства. Но такие шедевры одновременно являются Пирровой

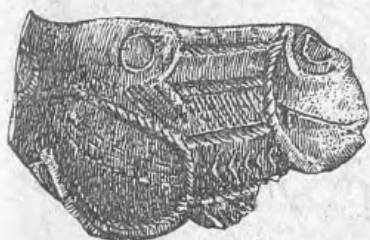

Рис. 19.

Стилизованная голова „взнузданной“ лошади.

выгравированными недоузками (рис. 19). Пьетт усмотрел в них „взнузданных“, т.е. прирученных лошадей палеолитического человека. На самом деле это лишь гравировка (рис. 19), чересчур резко оттеняющая контрасты волосатых и голых частей лошадиной морды. Подобная стилизация переходила в схематизацию.

победой натурализма. Простота переходит в роскошь, тонкость сменяется утонченностью. Художник впадает в стилизацию. Для усиления эффекиности, в ущерб гармоничности целого, он преувеличенно подчеркивает мелкие подробности. Начинают изобилывать неполные частичные изображения отдельных элементов предмета. Брейль указывает большую группу „стилизованных голов животных“. Среди них необходимо отметить головы лошадей с

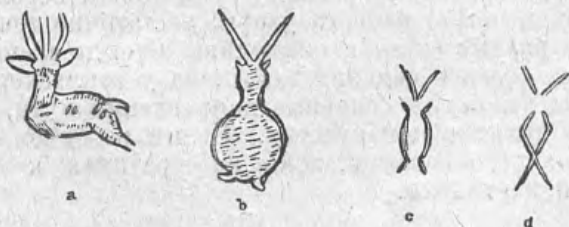

Рис. 20.

Рост схематизации в изображении козы (по Брейлю).

Иногда попытка изобразить предмет не в профиль, а спереди или сзади, вызвала по трудности выполнения постепенное упрощение. Так, Брейль очень ясно изображает нам усиливающееся упрощение очертаний козы, видимой спереди, на костяных пластинках из мадленских слоев (рис. 20).

Еще более резкое превращение сидячих и стоячих человеческих фигур в узор-орнамент видно на красных фресках испан-

ских скал и пещер (рис. 21). Еще больше элементов развивающийся орнамент заимствовал из начертаний отдельных частей встречающихся в природе предметов. Крест мог выйти из пересечения под прямым углом 2-х линий, спираль—из рисунка бараньих рогов, свернувшейся змеи или раковины аммонита, круг—из копирования просверленных дырочек в костяных поделках или кружков на крыльях бабочек или птиц. Сильно схематизированные, эти начертания должны были дать условный, неживой, чисто геометрический орнамент. Наконец, обозначения

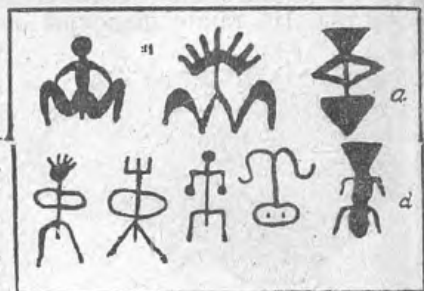

Рис. 21.
Красные фрески. Стоячие и сидячие
человеческие фигуры.

собственности, делаемые на орудиях и разных поделках, еще более могли пополнить разнообразие его форм. Эти символические изображения проникли и в пещерную живопись. В пещере Марсула мы находим странную фреску^{*)}, исполненную красной краской: это какие-то красные ветвистые штрихи, щиты, точечные линии, кресты, обведенные кантом, и пр. Перед нами совершенно азиальские звачки, утратившие всякие следы своего происхождения от натуралистического воспроизведения предметов природы. Только азиальские гальки еще мертвеннее, еще непонятнее: на камне плохой краской—красной, см., вероятно, прямо пальцем, трудно было нанести узоры, достаточно тонкие, гибкие, передающие разные оттенки символики. Отсюда впечатление особой убогости, особого падения искусства у азиальского человека.

Итак, мы выяснили основные направления пути, приведшего к азиальской технике и искусству. Но мы не будем давать им произвольных толкований, пока не обратимся к одной этнографической параллели.

2. Австралийцы.

(Азиальские антиподы).

Исторический подход. Когда-то ученые, противники шарообразности земли, считали немислимым существование людей, живущих под ногами европейцев. Однако, с открытием в южном полушарии Австралии, там нашли „антиподов“, не только ходивших подобно нам, но и обнаруживших поразительное сходство с предками европейцев, именно с азиальцами. Еще недавно в австралийцах видели прямых потомков первичной человеческой расы. В земле таких живых диковинок, как одно-

^{*)} Обермайер, рис. 157. 280 стр.

проходные ехидна и утконос или двуутробные кенгуру, надеялись найти наиболее древнее человеческое общество на земле. Однако более углубленные исследования окончательно разрушили заманчивую мечту найти „живого“ первично примитивного человека на австралийской почве. Прежде всего, люди появились в Австралии не так уже давно: в третичных и ледниковых слоях нигде не найдено сколько нибудь достоверных следов человека. Не обнаружено и промежуточных форм между человеком и кенгуру: не найдено ни одной обезьяны. Волнистые с овальным поперечным сечением волосы и густая растительность на подбородке роднит жалкого австралийца с гордым владыкой земли—белолицым. Новые этнографы, как уже нам известно, приписывают даже тасманийцам мустьерскую технику скелотых орудий, так что эолиты австралийцев и тасманийцев оказываются сопровождающими эту технику обломками камня. Новые геологи полагают, что человек переселился в Австралию из другой части света в те, сравнительно, недавние времена, когда Тасмания была уже островом*). Переселенцы привезли с собой и собаку динго, чуждую фауне южного материка. Неизвестно, откуда выселились предки австралийцев. Вернее всего видеть в них потомков белой расы, некогда, до вторжения желтолицых, владевшей Азией. Длинно бородые белые айно, уцелевшие кое-где среди желтых японцев,—живая память об этой, почти вымершей, расе. Конечно, удивительно, как через пучины морей азиаты могли достигнуть Австралии. Но разве не менее удивительно заселение крайне примитивными дикарями островов, затерянных в неизмеримых водных пустынях Тихого океана? Игрою волн и ветров челны первобытного человечества раскидывались, видно, на такие же громадные пространства, как семена и споры разных растений. При этом необходимо вспомнить, что от Индо-Китая в Австралию ведет замечательный мост из островов, необыкновенно густо усыпавших пространство, где смешиваются волны Тихого и Индийского океанов. Недавно Евгений Дюбуа сообщил о находке на острове Яве черепа и других костей „протоавстралийца“ (из Wadjak).

Неизвестно, когда произошло переселение в Австралию человека. Оно могло иметь место и вскоре после ледникового периода, и всего за несколько тысячелетий до Р. Хр. Австралийский язык успел распасться на пестрые наречия, непонятные одно другому. Живопись на скалах**) местами успела покрыться налетом песка, еще более толстым, чем египетские постройки, относимые за 3000 лет до Р. Хр. Близ Сиднея на глубине целых 3 метров найдены каменные топоры, правда, вполне похожие на употребляемые австралийцами и ныне.

*) Globus 1905, В. 87, 590—91 (изложение работы Грегори).

**) L'Anthropologie 1916 № 3 (находка Базедова).

Попавшее на почву Австралии население испытало очень суровую борьбу за существование. Австралия обильна степями и бедна пищей. Когда-то ее климат был более влажный: так, соленое озеро Эйр некогда было в три раза больше, и в его пресных водах водилось множество рыбы. С тех пор солончаки и сухие степи избороздили австралийский материк. Вглубь белых туземцы с конца 18-го века оттираются в самые бесплодные места центральной Австралии. В соседстве с белыми они все более вымирают: в 1891 г. их было 60.000, теперь осталось, наверно, еще меньше.

Ясно, что австралийцы вовсе не первобытны. У них была своя история. Их предки морем попали на южный материк. Потомки едва ли сразу забыли судоходство. На побережья Австралии местами обнаружены огромные скопления раковин, мусора, костей рыб и мелких двустворок (сумчатых). Рыболовы, оставившие такие „кухонные остатки“, некогда отваживались, вероятно, пускаться в море. Так поступали европейские ископаемые люди кухонных остатков Дании (см. ниже), так поступают огнеземельцы. Эти кучи раковин для австралийцев то же, что пирамида для египтян и „вавилонская башня“ для шумеров: они — памятники и символы едва ли не высших их культурных достижений. Австралийцы были задержаны в своем развитии оскудением австралийской природы, но благодаря влияниям более культурных островитян, а затем белых европейцев, в некоторых отношениях осложнили свою начальную культуру.

Грэнбер, пытавшийся внести в изучение этнологии методы исторической науки, резко подчеркнул разлаженность и сложность австралийской культуры. Он видел в ней не монотонное единство, а лоскутную пеструю ткань, которую можно смело резать на „культурные круги“ и „культурные слои“. Произвольность расчленений, предложенных этим отцом „культурно-исторической школы“, слишком велика, чтобы описанием их можно было утомлять читателя этой книги *). Необходимо здесь лишь отметить, что недавно единомышленник Грэнбера патер Вильгельм Шмидт пытался подтвердить в общем и целом его расчленения лингвистически, т.-е. изучением австралийских языков. К сожалению, Шмидт исходил из предвзятой мысли, что древнейшая волна переселенцев, двигавшаяся с севера Австралии на юг, вдоль берега, наилучше сохранила древнейшую и потому (?) наиболее примитивную культуру. Вполне вероятно, что переселенческий авангард двигался именно в этом направлении, и что нынешние обитатели центральных частей Австралии переселились на этот материк позднее. Но разве эволюция совершается равномерно и однообразно? Ведь патер Шмидт таковой противник эволюции, тем паче закономерной и одноформенной. Почему переселенцы, попав на юге и юго-востоке в наиболее плодородные

*) О Грэнбере и культурно-исторической школе см. в моих статьях в Вестнике Соц. Акад. 1923 №№ 3 и 4.

хорошо орошенные части материка, не могли усложнить принесенную ими культуру? Почему они не могли идти вперед быстрее, чем пусть и более молодые переселенцы, вынужденные, раз они явились позднее, заселять сухие, неудобные для жизни степи центра Австралии? Высшая древность вовсе не означает высшей примитивности. Всем ясна ошибка Фукара (Foucart), который искал примитивную религию в древнейшем Египте на том основании, что все нынешние первобытные народы моложе, чем за несколько тысяч лет до Р. Хр. уже существовавшие египтяне. Манера Грэнера, Вильгельма Шмидта и Вильгельма Копперса искать на окраинах материков осадки наиболее примитивной культуры (древнейшие „культурные пласты“) далеко не всегда дает искомое. Так, по крайней мере, обстоит дело с изысканиями Шмидта в Австралии. Он подмегил, что языки австралийцев не составляют единой языковой семьи и разделил их на две группы — южную и северную, подчеркивая, что у южных языков есть общие черты, тогда как северные совершенно не похожи друг на друга. Из этого наблюдения Шмидт делает вывод, будто южная группа лучше сохранила единый язык своих предков, потому что она вообще уберегла их примитивную, древнейшую культуру. Но этот вывод совершенно неверен. Новые языковеды (напр., наш великий ученый академик Н. Марр) указывает, что ранним, более примитивным ступеням культуры свойственно наивысшее расчленение языков. Родственные связи, или сходства в языках различных племен являются плодом развития межплеменных сношений. Некоторое сходство языков южной группы надо объяснять тем, что племена этой группы являются передовыми, наиболее „культурными“ на австралийский масштаб. Другой исследователь Малиновский, исходя совсем не из языковых данных, позволяет нам подтвердить правильность нашего истолкования лингвистических исследований патера Шмидта. Малиновский, независимо от Грэнера, подметил пестроту австралийской культуры, видоизменяющейся по районам. Особенно ярко он обрисовал различие между юго-восточными австралийцами с одной стороны, и центральными и центрально-северными с другой. На юго-востоке (где и страна плодотворнее и больше влияния на туземцев очень ранни и очень сильны) семейные отношения далеки от половой распущенности: здесь Малиновский и нашел свою „индивидуальную семью“. Более высокую степень представляет и духовная культура юго-восточных туземцев (в общем совпадающих в значительной степени с южной группой Шмидта) так они не знают верований в сверхъестественное зачатие детей (так называемый „тотемизм зачатия“).

Итак, выражение „австралийцы“ является схемой, покрывающей разнородные культуры разных племен. Вильгельм Вундт в последних томах своей „этнопсихологии“ (Völkerpsychologie) недаром избегает (это видно по указателям к 7—10-му томам) термина „австралийцы“, а указывает то или иное определенное племя. Общий обзор — характеристика австралийцев принадлежит Томасу (Thomas), но ни ему, ни авторам общих курсов по этно-

логии (вплоть до последней немецкой новинки—2-го издания „Иллюстриров. народоведения“ Бушана) не удалось дать полного и цельного синтеза. В этом 3-м издании я принужден сохранить суммарный очерк австралийцев, и лишь, по мере возможности, исправляю его схематичность. Географические различия останутся у меня как и раньше, на заднем плане. Главное для меня выделение исконных, древнейших элементов культуры под более новыми напластованиями. Выяснение временной перспективы пестрых вариантов австралийских культур имеет огромное значение и для австраловедения и для „истории“ первобытной культуры вообще.

Переходный быт. Техника орудий австралийцев еще крайне убога. До хозяйственной европейцев они совсем не знали металлов. Все орудия и теперь еще готовятся из дерева, кости, раковин и камня. Глубоко обтесав каменный топор, австралийцы зажимают его в рукоятку из согнутой вдвое палки. Кроме деревянной дубины и каменного ножа, они изготовляют длинные деревянные дротики с обугленным острием или с каменным наконечником, приклеенным смолой. Эти дротики они мечут с помощью „копьеметалки“. Деревянным долотом с маленьким каменным наконечником (микролитом) они умеют выдалбливать деревянные корытца, но совсем не знают глиняной посуды, хотя и обмазывают глиной собственное тело. Им известно деревянное огниво, но огонь хранится в выдолбленном тростнике. Самое замечательное австралийское изобретение—„возвращающаяся палица“, или бумеранг (рис. 22). Это—метательная плоская деревянная палка, согнутая в подражание крыльям птицы, распростертым для полета. Любопытно, что эта волшебная, схематизированная деревянная „птица“ и употребляется для охоты, главным образом, на птиц. Метатель бросает свой бумеранг выпуклой стороной вперед с таким расчетом, чтобы вращательное, винтовое движение превосходило с самого начала полета поступательное. В случае промаха некоторые виды бумеранга прихотливым криволинейным путем возвращаются к ногам метателя *).

Рис. 22
Бумеранг.

В лесу такое оружие непригодно, но в безлесной австралийской степи оно незаменимо. Недаром у жителей равнин, древних ассирийцев и египтян, встречаем подобные метательные палицы, хотя, возможно, и не возвращающиеся. К этим древнейшим орудиям присоединяются более новые. На мысе Йорк знакомы с луком и стрелами, заимствовав их от островитян. Вероятно, от них же и жители внутренней страны перенимали щиты из дерева и коры. Встречаются далее отполированные, хотя и несверленные, каменные топоры, а

*) Подробности о бумеранге см. Buchner Max. Bumerang-Werfen (Zeitschrift für Ethnologie 1916, Bd. 48 S. 219 ff).

также зернотерка—два плоских камня для растирания зерен. Австралийская техника как бы колеблется на грани палеолита и неолита. Ее можно назвать начаточной, так как высшее ее достижение неполная полировка, шлифовка топора у лезвия, или точка. На юге и юго-востоке от белых колонистов к туземцам попадают металлы и разная европейская утварь.

Ее колебания отображают переходный облик австралийского хозяйства. Оно еще очень примитивно. Мужчины являются рыбо- и звероловами, женщины и дети—собирающими. Это зародышевое разделение труда отлилось, как увидим, в половозрастное расчленение австралийского общества. Из серой массы мужчин выдвигаются старики, руководители больших совместных хозяйственных предприятий, вроде крупных охот с облавами и выжиганиями или рыбных ловель. В это низшее хозяйство, однако, внедряются зачатки высшего. Охота везде усовершенствована применением собаки—дьяго. Это—единственное прирученное животное австралийца. Появились местами и первые, довольно чахлая ростки земледелия. Женщина, неразлучная со своей землекопалкой, не только „собирает“ корни, но и устраивает первые огороды, сажая клубни ямс (заимствование у островитян?) и разновидность салата—портулак (от европейцев). У ней есть своеобразные поля и ядовитых растений, которые она на своей кухне умеет делать съедобными. Между отдельными племенами происходит обмен. С незапамятных времен в степях проторены меновые пути. По ним отряды мужчин (иногда за 300—400 верст) отправляются в длительные экспедиции за ценными материалами: перламутровыми раковинами для украшений, кварцем для оружия, охрой для раскраски. Принесенные на себе сокровища выменивают соседям на съестные припасы. Первобытный коммунизм выражается в отсутствии настоящей частной собственности, классового расслоения, эксплуатации человека человеком. Но оружие, орудия, украшения находятся в частном владении. Охотничья добыча достается тому, кто ее захватил. Но взаимопомощь очень сильно развита. Плоды коллективных трудов, конечно, и потребляются коллективно. Появились кое-какие сбережения: запасы семян или клубней, закопанные в ямах.

Встречаются опытные охотники, достаточно „богатые“, чтобы прокормить несколько жен и одарить их родителей: многоженство всегда признак известного достатка. Высыхание австралийского материка и напор белых, однако, не дали развиваться этим еле намевающимся высшим хозяйственным формам. Труд людей едва обеспечивает минимум пищи, необходимой для поддержания жизни. Отсюда устойчивое равновесие между числом жителей и пищевыми ресурсами данной кормовой области. Уплотнения населения нет. Прирост сокращается искусственным умерщвлением, иногда поеданием детей и стариков. Крайняя незначительность и непостоянность прибавочного продукта соз-

дали очень убогие формы жизни. Мужчины носят, вместо одежды, лишь волосяные „пояса голода“, туго стягиваемые в периоды голодовок, да иногда кусок шкуры на плечах. Женщины одеты в фартук или сахрому, сплетенную из травы. Те и другие украшены бедными ожерельями, браслетами, травяными венками, перьями, воткнутыми в прическу. Мужчины еще больше женщин расписывают свое тело пестрыми узорами—белого, красного, желтого и черного цветов: здесь и священные знаки, и раскраска на праздник, охоту, войну или в знак траура: красный цвет—символ жизни, а белый—смерти и траура. Австралиец не знает еще татуировки (в узком смысле слова), накалывания и выжигания сложных узоров на коже, а ограничивается более простой скаррификацией, или производством надрезов. Вместо жилища, он делает себе ширму из коры, для защиты огня от ветра, или низкий шалаш. Даже из музыкальных инструментов ему известна лишь шкура кенгуру, натянутая между раздвинутыми ногами сидящего музыканта. На таком „барабане“ играют на танцевальных празднествах (коррбори) австралийцев. Этот общий „уровень жизни“ достаточно ярко говорит об убогости австралийского хозяйства и достаточно ясно объясняет подвижность и сохранность здесь первобытных форм жизни и чуждость ростков нового.

Жалкое хозяйство сопровождалось и крайне жалкой общественной организацией, притом представлявшей, как и хозяйство, взаимовнедрение элементов разной древности. Как ни убога она, ее никак нельзя считать, простой и удобопонятной. Совсем напротив, для европейца она оказывается столь же сложной, как и духовный мир австралийцев. Причина этой сложности вовсе не в уподобности австралийской культуры, не в смешении исконных более высоких элементов культуры с более низкими новыми (так думал и... ошибался Грэнгер). Объяснение в том, что безмерно низкие в сравнении с нашими, формы хозяйства, сопутствуются иной общественностью, иной идеологией, столь чуждыми современным, что не легко их описать, классифицировать, точно определить. Юристу легче понять кодекс Юстиниана, чем законы вавилонского царя Хаммураби и труднее усвоить австралийское право, чем установления, введенные мифическим пророком краснокожих Гайаватой. Более примитивное вовсе не более простое, т.е. легче понимаемое современным мыслителем. Логика юриста-догматика бессильна уложить в свои графы—отделы изломы австралийской общественности, ибо они по своей первобытности слишком капризны, слишком „длогичны“. Систематик начинает свою классификаторскую работу с поисков основания деления. Но по какому признаку мы могли бы разделить население Австралии, бродящее по всему пространству этого материка? Тщетно надеяться найти в австралийском обществе какую-либо устойчивую ячейку, какую-

нибудь оформленную клеточку. Марксистскую теорию классовой борьбы надеялись уничтожить „теорией скрещивающихся социальных кругов“ Г. Зиммеля, по которой в современном обществе каждая личность одновременно входит в столь большое число различных общественных кругов, что, балансируя между ними, остается в нерешительности, спасительной для устойчивого равновесия современного капиталистического строя. В Австралии каждый туземец зараз является сочленом многих ячеек, между которыми гораздо более гармонии, чем между зиммелевскими кругами. Беда в том, что крайне мудрено указать важнейшую ячейку. Это не семья, ибо она очень расплывчата, вовсе не так определена, как индивидуальная семья наших дней. Это и не племя, объединение австралийцев говорящих на одном языке, обладающих общими преданиями и обычаями, сходящимися для обмена и совместных празднеств. Но эти внутриплеменные связи слишком слабы, слишком эпизодичны, чтобы в племени можно было видеть основное деление австралийского общества. Его приходится искать в подразделениях племени. Очень немногочисленное (редко 1000 человек мужчин, женщин и детей), австралийское племя делится целым рядом перегородок то горизонтальных, то вертикальных, и продольных, и поперечных и косых на много ячеек, при чем на каждую не редко приходится всего три-четыре человека. Это перегородаживание производится по разным „основаниям деления“. Среди этих ячеек особого внимания заслуживает бродячая группа людей, сообща владеющая единой „кормовой областью“. Она не велика: по подсчетам Кнабенганса в нее редко входит 100 человек, считая и мужчин, и женщин и детей. Такая ячейка удивительно приспособлена ко всей австралийской природной и хозяйственной обстановке. В ней осуществляется простейшее разделение труда—половое и возрастное,—она может существовать и при тех незначительных запасах пищи, которые можно добыть убогими хозяйственными приемами австралийцев. Сочленам ее необходимо обладать обширной областью: иногда 40 душ владеет пространством в 100 кв. верст. Бродя по этой области, члены такой ячейки отлично знают ее границы. Посторонняя ячейка может проникать в ее пределы лишь с разрешения владельцев. Так как столь малые ячейки не удовлетворяют всех своих потребностей, то они соединяются в племя. Главари ячеек составляют племенной совет, а один из них выбирается в племенные вожди. Племя, включающее уже не десятки, а сотни душ, способно на более крупные хозяйственные начинания: большую охоту с облавой или выжиганием степи, рыбную ловлю с запрудой или отравлением реки, поход в дальнюю область за материалом. Но как же назвать эту простейшую ячейку? Запутанность, неустойчивость и неопределенность терминологии австраловедов сильно мешали характеристике австралийской общественности. Простейшую ячейку ученые звали то ордою (но орда слишком велика и сложна для нее), то стаей (но она слишком далеко ушла от звериного скопления), то шотландским кланом, т.е. наимено-

ванием „рода“ (однако мы имеем здесь дело с дороцовым обществом). Вслед за Тахтаревым в 1-м и 2-м изданиях этой книги я звал ее тотемической группой. Однако они далеко не всегда совпадают: последняя может быть то уже, то шире ее. Вслед за Кнабенгансом, я нахожу наиболее подходящим для такой ячейки название „локальная группа“, но, конечно, не считаю ее, как этот ученый, „политическим единством“, или зародышевым государством. Но ведь „локальной“, т.е. местной организацией является и родовая и государственная. Какой же отличительный признак у австралийской „локальной группы“? Несомненно, что наиболее яркой чертой ее следует признать то вхождение в нее, как части, то полное совпадение с ней (последнее, вероятно, более древне) тотемической группы. Небольшие кучки людей в Австралии зовут себя людьми-ящерицами, кенгуру, сливовыми деревьями, дождем и пр. Они верят в свое происхождение от ящерицы, кенгуру, сливового дерева, дождя, вообще от того животного, растения или предмета, имя которого носят. Такой общий „предок“, друг и покровитель (тотем) крепкими, „родственными“ узами соединяет и человеческую и „нечеловеческую“ часть группы. Какие-нибудь люди-ящерицы страшатся пролить кровь всякой „ящерицы“, безразлично человека или животного. Мясо ящерицы они не смеют употреблять в повседневную пищу, ибо оно для них под таинственным запретом—табу. Портретно похожее или грубо-схематическое изображение своего предка люди каждой группы рисуют красками на своем теле. По этим древнейшим „гербам“ люди разных локальных групп, владеющих и обитающих в разных кормовых областях, познают свое „родство“ и вступают в дружелюбные отношения друг с другом. Замечательно, что тотемы австралийцев отличны от тех пратотемов, которые мадленские художники изобразили на стенах пещер ледяниковой Европы. Австралийцы верят в „частичные“ тотемы: „жир или хвост кенгуру“, „холодный дождь“, „толстый и высокий человек“. Вероятнее всего, что открытые Мэтьюсом подразделения некоторых австралийских племен на „крови“ (взлая кровь“ и „живая кровь“) и на „тени“ („тень от верхушки дерева“, „тень от основания дерева“, „тень от середины дерева“) являются тотем-группами с оригинальными, частичными тотемами: подобно тотем-группам, эти таинственные подразделения экзогамны. Австралийский тотемизм есть распадающийся пратотемизм. Подобно хозяйству, австралийская общественность есть нечто неустойчивое, меняющееся, с расплывающимися, деформирующими очертаниями. Среди ячеек, на которые распадается общество австралийцев, тотем-группа наиболее привлекает наше внимание. У ней такой примитивный облик, члены ее так странно отождествляют себя с тотем-животным, растением или неорганическим предметом. Хотя австралийское общество и не делится без остатка на тотем-группы, почему последняя не может считаться основной ячейкой или первоклеткой туземного общества, но наличие разных людей змей, людей травяного семечка или красной охры до того

поражают воображение, что охотно говоришь о „тотемическом обществе“ Австралии.

Доиндизидуальный групповой брак.

За этими яркими, экзотическими, легко подмечаемыми тотем—группами не следует упускать других подразделений австралийского племени, тесно связанных с брачными порядками туземцев. Здесь тоже многое чуждо современности. При первом взгляде и брачные и тесно с ними связанные родственные отношения австралийцев поражают крайней сложностью: это—без преувеличения—настоящая алгебра. Исследователи, в роде Грэнбьера и шедшего за ним патера Шмидта, не прочь были видеть в этой сложности одно из важных доказательств упадочности, деградации австралийцев, якобы опустившихся с более высокого культурного уровня своих предков. Другие ученые упрощали вопрос: так Малиновский (в 1913 г.) признал основной формой семьи в Австралии „индивидуальную“. Я не могу согласиться с подобной модернизацией, развивающей мысль Вестермарка об изначальности моногамии. Но приходится признать, что после Малиновского нельзя искать в Австралии ярких пережитков беспорядочных, безграничных половых сношений, которые называли то промискуитет, то гетеризм, то „стадный брак“. Этнография не дает фактов, которые могли бы подтвердить их существование в прошлом человечества. Факты, собранные Баховеном, Морганом и другими учеными, явно не имеют доказательной силы. Можно лишь выставить, как гипотезу (чистое предположение), не подкрепляемое никакими фактами положение, что стадный брак существовал у отдаленнейших предков человека—полу-людей, полу-животных, еще не перешедших от собирательства к охоте. В Австралии же мы не найдем не только „стадного“, но и „группового брака“ в том смысле, какой ему придавал Морган. Еще в 1908 г., до Малиновского, проф. А. Н. Максимов доказал это достаточно веско. Нельзя не признать, что индивидуальные брачные отношения (столь все же отличные от наших, что лучше бы называть их термином Моргана синдиасмия, или „парный брак“) стали заурядным явлением в большей части Австралии.

Тем не менее, нигде в других частях света не сохранилось столь странных брачных обычаев, как здесь. Австралийское племя делится не только на локальные и тотемические группы, но и на „брачные классы“. Мужчины и женщины каждого „брачного класса“ не могут вступать в брак между собой: всякий „брачный класс“ строго экзогамен. К сожалению, строгой терминологии для этих „брачных классов“ нет. Спенсер и Гиллен говорят о делении племени на две „экзогамные половины“ (многие менее удачно зовут их фратриями), которые могут расчленяться на два „класса“ (в племени их 4), а те, в свою очередь, могут подразделяться на „подклассы“ (в племени их 8). Гоуитт не употребляет термина „половина“ (или „фратрия“), а лишь два последние. Я предпочитаю доворить о „брачных груп-

пах" или "брачных разрядах", считая возможным оставить и термин "половина". Все исследователи согласны, что наиболее странные брачные порядки наблюдаются у двух соседних племен Центральной Австралии—диери и урабунна. *) Но мало кто обращал внимания на совершенно верное утверждение Гоунтта, что брачные установления урабунна древнее таковых диери. **) Как ни кратко описано это племя Спенсером и Гилленом, методологически правильным будет начинать именно с него. Оказывается, племя урабунна подразделяется на две экзогамных "половины", по которым размещаются все тотем-группы этого племени. Спенсер и Гиллен сообщают нам и легенду урабуина о происхождении деления их племени на такие две брачные "половины"—Matthurie и Kiragawa по транскрипции англичан. В отдаленнейшие времена прапредков появились две змеи—зеленая и бурая. Сначала "они сели" внутри ямы с водой, делая кожаную веревку. Затем отправились в свои скитания. Придя в одно место, они сделали веревку, поели травяных семечек и оставили mai-aurli—"детей духов" (правильнее, как увидим, "детские зародыши"), вышедших из их тела. Оглянувшись, змеи увидели дым позади одной реки, где вся страна была в огне. В пути бурая змея шла впереди зеленой. Бродя так, змеи сделали много источников (следует их переименование). У одного источника они опять сделали веревки и поели травяных семечек. Здесь из земли поднялись кусты, чтобы отметить место, где они бросили стебли. Путешествуя дальше, змеи устроили еще источник, а около него два каменных убежища, при чем в каждом отдельно усьелись. Двинувшись далее, они вновь вырыли источники. Когда они возвращались обратно по своим следам, зеленая змея сказала бурой: „Я—Kiragawa, а ты—Matthurie“. На всех местах своих стоянок змеи оставляли „детские зародыши“ (mai-aurli). Наконец, в одном месте зеленая змея увидела желтую и стала на нее охотиться. Та ушла вниз в землю, зеленая последовала в землю, по близости от нее, а поодаль, в другом месте, скрылась в землю и бурая. Три источника отметили место, где навсегда исчезли три змеи. Этот моновольный, однообразный рассказ, из которого я выбросил топографические названия, устанавливает тесную связь „брачных групп“ с тотемизмом. Но как же происходят браки у урабунна? Здесь мужчина из половины Matthurie должен жениться на женщине из половины Kiragawa, при чем их дети будут принадлежать к половине Kiragawa, т. е. родство считается по женской линии. Но не между всякими мужчиной и женщиной двух половин возможен брак. Мужчина из половины Matthurie из тотем-группы, скажем, динго может жениться только на женщине другой определенной тотем-группы—водяной курочке из половины Kiragawa. Так тотем-группы в племени урабунна совпадают с брачными классами, почему многие уче-

*) Урабунна, по Стрелову, их соседями арабанды, звались арабана, а сами они себя (и диери их) звали, по Зигерту, чгарабана.

**) Hewitt. Nativ Tribes of South-East Australia, 1904, p. 901.

ные отвергали существование у него последних. Но мужчина динго может получить в жены лишь женщину, принадлежащую к определенному разряду в тотем-группе водяной курочки. Члены этой последней группы могут находиться к нему в таких родственных отношениях: 1) „сестра отца“, 2) „дети брата“, 3) „дочери младшего брата по матери 4) дочь старшего брата по матери, или „вупа“ (нура). Мужчина динго может иметь брачные отношения только с женщиной водяной курочкой, являющейся в отношении его „нупа“. Что эти брачные отношения примитивнее отношений диери, показывает нам такая сравнительная таблица.

У диери отношение „ками“ вполне тождественно отношению „нупа“ у урабунна, но у диери лицам, находящимся в родстве „ками“ брак воспрещен. У диери брак дозволен лишь между „ноа“ (термин взаимный), так что „ноа“ диери соответствует „нупа“ урабунна. Мы видим, что у австралийцев в браки вступают лица, находящиеся в определенных „родственных“ отношениях друг к другу. Броун в 1913 г. первый подчеркнул это. По его мнению в Австралии было два главных вида брачных отношений. В первом случае мужчина женится на дочери своего брата по матери или на женщине равносильного родства. Во втором случае мужчина женится на дочери, дочери брата бабушки по матери этого мужчины или на равносильной родственнице. Второй вид распространеннее первого однако, более примитивное. Замечательно, что Броун опирался на исследование западно-австралийских племен, но в эти 2 вида брачных отношений он уложил брачные отношения всех австралийских племен (не совсем подошли лишь курнаи). Очень интересно замечание Бруна, что количество брачных подразделений племени (2, 4 или 8) не имеет большого значения. Что это так, можно подтвердить одним примером.

Соседи урабуна южные арада делятся на четыре „брачных класса“. Бывают случаи, что эти арада переходят в племя урабунна. Тогда урабунна старики четыре брачных класса этих людей разбивают по своим половинам так:

Половина (А) { Пурула (А ₁) (Matthurie) { Пальтара (А ₂)		Половина Б. { Пананка (Б ₁) (Kirarawa) { Камара (Б ₂)
---	--	--

Брак между мужчинами одного брачного класса строго

воспрещен. Мужчина, напр., пурула и в племени урабунна не смеет жениться на женщине пурула (A_1) далее система такова: 1) пурула мужчины женится на пананка женщине: их ребенок будет камара, или (в виде отвлеченной формулы) A_1 женится на B_1 , ребенок B_1 ; 2) пальтара мужчина женится на женщине камара, ребенок—пананка, или A_2 —женится на B_2 , ребенок B_1 . Так урабунна заставляют пришельцев следовать женской линии родства, ибо ребенок оказывается в половине матери, так двух-классная система урабунна отлично уживается с четырехклассной системой южных аранда и даже как бы переходит в нее. Не трудно было бы показать, как легко из 4-х классной системы южных аранда могла произойти восьмиклассная система северных аранда. Последняя лишь более сложная. При этом у восьмиклассных племен более старинная женская линия родства становится мужскою, сперва косвенною (напр., у аранда, где ребенок наследует не „класс“, а „половину“ отца), а затем (напр., у бинбинга) и прямого (ребенок принадлежит к классу отца).

Уже показанные черты делают очень любопытными брачные отношения австралийцев. Самое любопытное однако, что, по свидетельству Спенсера и Гиллена, „индивидуальный брак не существует ни по имени, ни в практике племени урабунна...“ „Каждая женщина считается женой—„нупой“—какого-нибудь определенного мужчины...“ „Слово „нупа“ без всякого исключения прилагается безразлично мужчинами одной группы (мое: точнее „брачного класса“) к женщинам другой и обратно и просто обозначает члена группы возможных жен и мужей...“ „В действительной жизни у каждого отдельного мужчины есть одна или, может быть, две из этих „нупа“, которые специально связаны с ним и живут в его лагере. В дополнение к ним, однако, каждый мужчина, помимо только-что указанного ограниченного числа, имеет несколько „нупа“, с которыми он состоит в отношениях „пираунгару“. К женщинам, которые состоят пираунгару данному мужчине (термин взаимный), он имеет доступ при известных условиях, так что они могут считаться как бы добавочными женами. В результате, у урабунна каждая женщина является специальной „нупа“ какого-нибудь отдельного мужчины, но в то же время он не имеет исключительного права на нее, так как она—пираунгару некоторым другим мужчинам, которые тоже имеют право доступа к ней. Здесь нет ничего подобного тому, чтобы мужчина имел исключительное право на женщину... Отношения „пираунгару“ между мужчинами и женщиной устанавливаются старшими братьями, но предварительно должны быть санкционированы старейшинами... „Женщина может быть „пираунгару“ нескольких мужчин и, как общее правило, мужчины и женщины, которые пираунгару друг другу, живут обыкновенно сгруппированными вместе*).

*) Spencer and Gillen. The Native Tribes of Central Australia, p. 62 ff. Цитирую в перев. проф. А. Н. Максимова. Групповый брак (Этнографич. обозрение, 1908, № 3, с. 22—23).

Конечно, отношения эти не могут быть названы групповым браком в том смысле, какой придавал ему Морган. Вполне прав и Риверс, когда он отказывается видеть в них пережиток исконого промискуитета. Им трудно далее подобрать подходящее название. Не редко брачные отношения австралийцев сравнивались с гавайскими, им и приписывали гавайскую семью „пуналуа“. Недавно Риверс, открывший генеалогический метод исследования брачных и семейных отношений, подтвердил старые сообщения, что на Гавайских островах была и даже посейчас есть эта странная форма брака. При изучении одного „родословного древа“ Риверс нашел, что когда брак одного мужчины и женщины оказывался бездетен, то вмешивался муж сестры-жены, в результате чего рождала ребенка. Законный супруг называл своего „товарища“ по браку—„пуналуа“. Оказывается, что на Гавайских островах не редко такими легальными возлюбленными становятся определенные родственники, именно братья мужа и сестры жены. Они все образуют группу, внутри которой все мужчины могут проявлять супружеские права в отношении всех женщин. Надо заметить, что на Гавайских островах эта семья пуналуа сохранилась в среде далеко не первобытной, а скорее варварской.

Туземцы больше ста лет тому назад обращены в христианство, и помимо законных возлюбленных—родственников—и муж и жена, случается заводят любовные связи совсем с посторонними лицами. *) Поэтому, конечно, лишь с очень малой точностью можно сравнить институт пираунгару австралийцев с институтом пуналуа гавайцев. Мне кажется, что называть австралийскую семью термином пуналуа будет также неточно, как и говорить о групповом браке на материке Австралии. Последний термин ярче и лучше подчеркивает примитивный и очень странный характер австралийских брачных отношений. С нашей точки зрения им не хватает достаточной индивидуальности. Поэтому наиболее подходящим мне представляется говорить не о групповом, а о доиндивидуальном браке австралийцев. При этом не надо забывать, что в самой Австралии в чистой форме он встречается лишь у одного племени урабунна. У диери мы натолкнемся на начавшееся разложение этой формы. Правда, у них есть брачные отношения „пирауру“, соответствующие „пираунгару“ у урабунна (как и отношения „ноа“ диери соответствуют отношениям „нуа“ урабунна). Но у диери появился и зародышевый индивидуальный брак („типпа—малку“). У северных же соседей урабунна племени арунта (или аранда) сохранились только „пережитки“ доиндивидуального брака, и даже родство стало считаться, как мы видели, по косвенной мужской линии, хотя и сохранились следы бывшего счета родства по линии-женской.

*) Rivers. History of Melanesian society 1914, v. 1, p. 385—387.

Классификационная система родства.

В итоге доиндивидуального брака объявилось своеобразное родство, необычайно сложное, которое вслед за Морганом надо называть классификационным, в отличие от нашего описательного. Разница между ними очень существенная. Описательная система точно определяет отношения к данному лицу каждого отдельного родственника. Она индивидуальна. Классификационная система устанавливает коллективные отношения целой группы лиц к данному лицу. Она доиндивидуальна. Я совершенно бессилён в кратких словах очертить австралийское родство. Даю лишь самую грубую схему его. Ребенок считается у некоторых племен происшедшим не от отца: им неизвестна тайна зарождения человека. Ребенок безразлично зовет отцом и главного и всех возможных мужей своей матери, и даже слово „мать“ в его устах означает не только его личную родительницу, но и всех возможных жен его отца. Дети одного поколения, возникшие плодом доиндивидуального брака, зовут друг-друга „братьями“ и „сестрами“, хотя бы они происходили от неизвестных отцов и разных матерей. Ни отдельного отца, ни собственного ребенка не знает австралийский язык. Мужчины и женщины, находящиеся в доиндивидуальном браке, зовут свой приплод своими „детьми“, а членов групповой семьи, от которой произошли сами, именуют своими „отцами“ и „матерями“. Для младшего поколения — „детей“ — эти старики и старухи будут „отцы отцов“ и „матери матерей“. Когда же ребенок превратится в зрелого юношу и станет мужем девушки, то все его „братья“ сделаются возможными мужьями для его жены и ее „сестер“. Отсюда видно, что возможный муж иногда то же, что „брат мужа“, а возможная жена тождественна с „сестрой жены“. Поэтому в доиндивидуальном браке отчасти можно видеть взаимное половое общение группы „братьев“ с группой „сестер“. Надо только твердо помнить, что названия „братья“ и „сестры“ говорят не столько о кровных личных узах, сколько о тотемической связи.

Полово-возрастные разряды.

Из под этих доиндивидуальных брачных и родственных отношений просвечивают еще более старинные общественные расчленения и австралийского племени и входящих в него тотем-групп. Это полово-возрастные разряды. Самый сильный контраст в среде взрослых наблюдается между мужчинами и женщинами. О равноправии полов здесь не может быть и речи. Женщины не допускаются на общественные советы, не смеют смотреть религиозные церемонии и святыни своей группы. Даже на празднествах, любясь танцами, мужчины захватывают первые ряды, предоставляя женщинам толпиться в задних. В семейной жизни муж — господин, а жена — полураба; муж занимает первое место у костра и бросает жене обеды добытой на охоте пищи. Но и в среде угнетателей женщины, мужчин, мы не найдем ни равенства, ни свободы, которые когда-то демократы и анархисты мечтали найти в обществе дикарей. Возрастные группы детей, холостых юношей, женатых муж-

чин-„отцов“ и „отцов отцов“, или стариков, резко разнятся друг от друга и отделены преградами, трудно переходимыми. С 10—12 лет мальчики начинают усваивать от своих „отцов“ охотничье искусство. Затем, постепенно выдерживая тяжкие искусы, даже настоящие пытки, мальчик посвящается в высшие возрастные разряды. Посвященный юноша еще полное ничто. Даже „отцы“ имеют очень малый вес. В общественном совете они сидят в задних рядах и молча смотрят в рот старикам. Старый возраст „отцов отцов“, обогативший их жизненным опытом, равнозначущ мудрости. Только старики—кладезь познаний и в области святынь, и в области преданий прошлого, только им принадлежит право истолкования обычаев и судебная расправа, только от них зависит упорядочение браков. Поэтому ученые вполне могли окрестить австралийское общество именем геронтократия, или „стариковластие“.

Распад
тотемич.
связей. При всем том надо остерегаться преувеличивать однородность и устойчивость австралийского общества; в ткань возрастно-половых связей вплелись уже редкие нити совсем иных отношений. Перед нами любопытное зрелище первых, даже не шагов, а только ползков индивидуализма; бунта особи против рода, или личности против общества. Отдельная человеческая особь (я не решаюсь сказать личность) уже пытается если не разорвать, то хоть ослабить пути тотемического строя: у австралийцев тоже „дорога открыта для талантов“. Люди, славящиеся особыми дарованиями, раньше срока проникают в круг стариков. „Великие учителя“, как зовут знатоков племенных преданий, могучие чародеи соперничают своим влиянием с ветеранами возраста. Не „старейший из стариков“ становится вождем племени. Сходка всех взрослых соплеменников, со стариками во главе, выбирает его. От вождя требуется мужество и удачливость на охоте и в бою, умение говорить и руководить в совете, а не одна старость. Конечно, подобные „высочки“ еще единичные исключения: рядовые люди остаются в полном порабощении у стариков. Только в брачных отношениях сила полового инстинкта опрокидывает установленные преграды. За брак мужчины и женщины из неподходящих брачных разрядов грозит смерть; смягченным наказанием служит отрезание ног мужчине и уродование женщины зажигалкой. Все же находятся смельчаки, рискующие противиться общему приговору. Вне законов, эти отверженные-изгой живут вдали от общего становища; под вечной угрозой смерти.

Зарождается в недрах доиндивидуального брака личный, индивидуальный. У арунта и других передовых племен один мужчина постоянно сожительствует с одной женщиной. Но и в их языке еще нет для личной жены особого нового слова, отличного от обозначения жены групповой. И у них временами „приличный“ муж обязан угощать женой других мужчин (гостей, приятеля, всех безразлично на празднествах). Австралийцам знакома и своеобразная романтика любви. По Спенсеру и Гил-

леву, изложу два случая. Воин похитил замужнюю женщину. Друзья мужа поймали влюбленных. Похититель кричит оскорбленному мужу: „Я беру твою жену Иди и бейся!“ Муж бросает в обидчика копья и бумеранги, которые тот ловко парировал их щитом, не пытаясь перейти в нападение. Сножом в руках, муж стремится порезать бедра и спину соперника. Тот продолжает пассивно обороняться, ловко уклоняясь от ударов, пока зрители мужчины не кончат поединка возгласами: „Довольно! Оставь его!“ Бойцов растащили. Женщины появляются на месте дуэли с беглянкой. Покинутый муж несколько раз ударяет изменницу в неопасные места, отбрасывает нож и кричит сопернику: „Получай ее совсем! Бросаю ее. Я бросаю ее“. Тогда разведенная жена делается собственностью смавившего ее мужчины.

Еще поэтичнее и трогательнее другой случай. Австралиец влюблен в женщину—вдову, живущую верстах в 50-ти от его становища. Всю ночь напролет он с парой друзей сидит в зарослях, распевая страстные любовные песни и призывы-заклинания. Днем влюбленный в одиночестве крутит на шнурке священную деревянную трещотку. Перед чарами любви расстояние оказывается бессильным. Желанная вдова является на жужжанье трещотки и становится женой обожателя. Описанные сцены, столь далекие от „группового брака“, ярко показательны. Оказывается, в полном соответствии с разнородностью форм хозяйства, австралийское общество не является цельным и гармоничным.

Долгическая душа. Разграниченность и неслаженность еще более чувствуются в духовном мире австралийцев. Если чужая душа всегда потемки, то австралийская особенно темна. Здесь так много „долгического“, не вмещаемого нашим вышколенным и натренированным мышлением, что характеристика вообще крайне затруднительна. Эта трудность увеличивается тем, что австралийский „дух“ находится на таком же переломе, как общество и хозяйство. Путем неуловимой интуиции приходится расщеплять неосознаваемый духовный мир, схватывать и выделять его стариннейшие элементы, вскрывать их невидимую связь. Такой метод отображается на манере изложения, делая его уверенным, смелым и стремительным. Я предупреждаю читателя, что содержание излагаемого далеко не претендует на непогрешимость, и прошу его контролировать достижения этой интуиции.

Внедрение анимизма. Как и всем народам земли, ученые приписывали австралийцам довольно развитые представления о душе и духах. У Спенсера и Гиллена мы прочтем, что великие чародеи получают от духов свою мощь, что в новорожденных младенцах вновь воплощаются души (spirits) умерших предков. Однако не мало в этих утверждениях следует отнести на долю анимистического миража, в действительность которого после Тэйлора поверили почти все исследователи дикарей. По крайней мере, Леонгарди, опираясь на Стрелова, а частью на Мэтьюса, убедительно показал, что арунта и урабунна (как и некоторые

другие) верили в новые воплощения не тотемического предка, а оставленных им „ratapa“, и и „детских зародышей“ (Kinderkeimen). Леонгарди таким словом правильно заменяет термин английских исследователей „души детей“ (spirit children)*). Но если представления о духах уже внедрились в умы австралийцев, они еще слишком неясны и бледны: примитивность австралийского анимизма недавно отметил и Георг Бушан в новом издании своего иллюстрированного народоведения. Видимо, они—новые гости на австралийском материке, ибо еще не успели стереть более старых доанимистических воззрений. Тотемические верования австралийцев тоже начали разрушаться. Кое-где пренебрегают брачными запретами, кое-где убивают и едят свой тотем. Революционного разрыва здесь нет: „смена вех“ идет постепенно. Арунта не едят только печени тотем-животного (пищевое полу-табу). В оправдание новшеств создаются легенды о временах беспорядочных половых сношений, о свободном поедании любой пищи. Этим легендам можно доверять так же мало, как сказаниям греков о блаженном золотом веке.

Не только белые ученые, но и сами австралийцы далеко не все понимают в старинных священнодействиях и очень многое истолковывают чересчур наивно и чересчур произвольно. Выделяя полустертые элементы древнейшей, доанимистической мысли, надо особенно остерегаться смешать эти новые истолкования с пережитками глубочайшей старины. Нам не приходится, однако, чрезмерно сетовать: в Австралии эта древнейшая ступень человеческой мысли сохранилась лучше, чем где-либо в другой стране. Анимизм здесь еще нечто наносное, поверхностное, не вошедшее в практику жизни, тогда как доанимистический подпласт необыкновенно еще могуч и жизнен.

б) **Мощь колдовства.** Во все изгибы австралийской жизни вплелось чародейство. Оно самое заурядное, самое обыкновенное явление. Болезнь или смерть никто не объясняет естественными причинами или гневом злых духов. У туземца страшная ломота в ноге, он хромает. Тщетно белый будет объяснять ему, что это острый сочленовый ревматизм. Туземец сам прекрасно знает, что какой-то недруг наложил острых камней в отпечаток-след его ноги. Хорошо, что недруг не налил яду: тогда он мог бы и умереть. Ведь камни или яд из следа могут проникнуть в тело. Самовнушение так сильно, что, случается, австралийцы умирали от ничтожной царапины, сделанной якобы заколдованным оружием. Самое жуткое, что такая „порча“ людей может производиться и на большом расстоянии. Для этого есть особый адский сваряд—костебой. На вид это невинная заостренная костяная палочка, но изготовленная с заклинаниями вроде таких: „пусть твое сердце разорвется“, или „пусть треснет твой спинной хребет и лопнут твои ребра“. Владелец костебоя направляет его острие в ту сторону, где живет ненавистный

*) Strehlow, Teil II, S-56.

ему человек. От костебоя тянется длинный шнурок из человечьих волос, к которому прикрепляется коготь птицы или камень. Тогда костебой, высосав кровь жертвы, вгонит в тело его этот коготь или камень, от чего человек испытает жестокие мучения. Лучшее средство против действия костебоя—залить его водой. Но может помочь и чародей или колдун. Свирыемыми взглядами, бормотаньями, страшными телодвижениями он наводит гипноз на больного. В заключение, опытные колдуны—среди них есть замечательные фокусники,—высасывают из тела болящего введенный туда предмет, бывший причиной болезни.

в) Тайна чуринг.

В этих чародейских приемах следует обратить внимание на тот любопытный факт, что разные камни, когти, палочки и пр., в глазах европейцев неодушевленные и мертвые, для австралийцев—настоящие живые существа. Недаром в их песнях и сказках так часто говорится о превращениях в камни людей или животных. Если животное уйдет

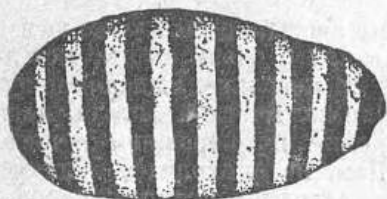

Рис. 23.

Австралийская чуринга (каменная).

в землю, там поднимается камень, отмечающий это место. От некоторых раковин, камешков, соломинок, кусочков дерева исходит живая, чародейская сила, называемая австралийцами арунгвильта. Всякий такой предмет, вместитель и распространитель таинственной чародейской силы, ученые называли „чуринга“ (из наречия арунта), хотя различные племена Австралии имеют для него разные названия (рис. 23 и 24). Под чурингой, в узком смысле, разумеется плоская дощечка или камень веретенообразной формы в $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ аршина длины, испещренные загадочными „нереальными“ рисунками. Всякое живое существо от рождения до смерти связано со своей чурингой. Местами даже зарождение ребенка объясняется вхождением в тело матери чуринги одного из предков. Где зачатие, объясняется вхождением душ, то и там верят, что душа роняет свою каменную чурингу. По рождении ребенка отец с родственниками мужчинами отправляется на место предполагаемого зачатия и разыскивает чурингу: это камень с отметинками, напоминающими тотемический знак ребенка. Если подходящий не найдут, то делают деревянную. При вере в души, чуринги являются совершенно излишним удвоением действующей причины: очевидно, они сохранились, как пережиток тех времен, когда еще не было веры в души, и одни лишь камни-чуринги были виновниками новых рождений, как и теперь еще повсеместно они причиняют, проникая в тело, болезни и даже смерть. При такой чудодейственности и глубокой древности чуринг, они—величайшая святыня для австралийцев. У каждого есть своя именная чуринга, причем женщины и непосвященные под страхом ослепления зажигалкой не смеют видеть даже собственной чуринги. В особых таинственных местах,

в пещерах с заделанными входами, известными лишь старикам, хранятся чуринги живых и умерших членов тетем-группы. Время от времени старики перебирают их, пересчитывают, натирают красной охрой, цветом жизни. Женщины и непосвященные под страхом смерти не могут видеть святой кладовой В окрестности святилища прекращаются ссоры драки, всякое кровопролитие; даже жизнь любого, случайно забежавшего животного ограждается строгим запретом-табу. Такое благоговение объясняют боязнью духов, которые, по представлению австралийцев, заключены в чурингах. Однако, представление о чуринге, как оболочке души, нельзя признать исконным и первичным. Вернее думать, что в старину австралийцы видели в чурингах живые камни-оборотни, вобравшие в себя силу и мощь умерших животного или человека и потому столь чудотворные. Чуринги как бы живой остаток или часть покойного. Такой именно смысл имеет одно широко распространенное у австралийцев употребление чуринги. Прodelав в ней круглое отверстие и привязав на волосяной шнурок, чурингу (деревянную) превращают в трещотку, которую называют „священным ревуном“ или „голосом праотца“. Так говорящая чуринга отождествляется прямо с предком, а не с его душой. Только позднее анимизм (душеверие), заставший расцвет почитания чуринг, истолковал их, как футляры душ, чтобы объяснить это почитание, уничтожить которое был бессилён.

г) Обще-
ственное
волшебство. Ещё бессильнее и незаметнее роль духов в общественных чародейских церемониях австралийцев. Здесь понятия доанимистического чародейства и тотемизма сохранились замечательно свежими.

г₁) Инти-
хиума. В Центральной Австралии за сезоном дождей происходит волшебный подём жизненной силы. Бесплодные пустыри разом покрываются многокрасочным ковром растений и начинают кипеть всякой тварью. К этому моменту австралийцы и подгоняют сложные разнообразные обряды для умножения своего тотема. Тотем-группа дождя, подбрасывая в воздух толченую известь, вызывает дождь. Люди тепла, собравшись вокруг огня, делают вид, будто дрожат от холода и тем создают теплую погоду. Одним словом, каждая тотем-группа размножает свой тотем так, как умеет: устраивают целые драматические представления, подражают животным, рисуют хитрые рисунки на земле. У племени арунта такая церемония зовется интихиума. Вот священнодействия тотем-группы кенгуру. Во время оно дикie собаки разорвали великого кенгуру, предка людей кенгуру, с'ели его, а хвост зарыли. На этом месте из земли поднялась каменная скала—„чуринга хвоста кенгуру“. Главарь группы в присутствии посвященных мужчин натирает эту чурингу плоским камнем. Затем священная скала—чуринга—воскрешается. Красной охрой и белым порошком гипса на поверхности утеса окрашиваются попеременно красные и белые полосы, каждая около фута шириной. Первые обозначают красно-

ватый мех, а вторые—белые кости кенгуру. Затем несколько мужчин несколькими каплями своей крови орошают чурингу-утес под пение остальных заговоров об умножении кенгуру. Теперь австралийцы объясняют, что кровь выгоняет из утеса души кенгуру, вселяющиеся в кенгуру-самок. Но это новейшее объяснение полужабытого обычая. Накрашенный алым цветом жизни и политый кровью утес-чуринга, воспрянув от своего недвижимого покоя, расплодил кенгуру по таинственной связи, существовавшей между всеми кенгуру, будь то люди, животные или чуринги-камни. Замечательно, что люди-кенгуру „работают“ не для себя: им есть кенгуру запрещено. Только вскоре после перемонии молодые охотники убивают несколько кенгуру и устраивают общую трапезу. Люди-кенгуру едят свой тотем, чтобы впитать в себя святость и свежие силы. В исключительных случаях они с'едают и человека-кенгуру. Людоедство среди австралийцев держится и доныне. Часто его причина не голод, а чародейство. С'едают и тех, кого ненавидят, и тех, кого горячо любят: вкушая мясо врага или „отца-отцов“ — старца, внедряют в себя мужество, мудрость или другое ценное качество жертвы. Иногда мясом полного, здорового ребенка кормят больного, чтобы его излечить. Так только крайне редко нарушается табу, оберегающее взаимно всех кенгуру. Любопытно, что во всей процедуре интимиумы нет никаких молитвенных обращений, никаких призывов к духам. По мнению Фрезера, она отличается от индустрии европейцев лишь ложным принципом, ее вдохновляющим. Воскрешение части кенгуру, т. е. чуринги хвоста, должно умножить других кенгуру, всю породу в целом. Для нас такое соображение нелепость. Но, как и в нашей трудовой Европе, австралиец не просит у небесных сил ежедневного пропитания, а привуждает природу его доставить, правда, не реальным трудом, а волшебством хитроумных операций, танцев и заклятий. Замечательна и широкая нравственная мысль, лежащая в основе этих чародейств. Люди-кенгуру заботятся о благосостоянии общем, хлопочут о дружественных тотем-группах своего племени. Конечно, они рассчитывают на вознаграждение своих усилий. Какиенибудь люди ящерицы размножат для них ящериц: здесь идет взаимный обмен волшебных услуг. Ведь всякая тотем группа имеет власть и влияние на плодovitость лишь своего тотема. Австралийский дикарь трудится не впустую: хозяйственные узы соединяют тотем-группы в племена.

Гораздо стариннее чародейские обряды посвящения
г₂) Бора. (инициации), сопровождающие продвижение человека по возрастнополовым ступенькам австралийской общественной лестницы. Прежде всего, эти обряды (назовем их австралийским словом бора) строго однополы. Разделение полов Австралии выражается существованием двух подразделений стоянки: есть мужская и есть женская часть лагеря. Это подразделение у оседлых народов обратилось в мужской дом и женский дом. Насколько первый хорошо известен из классической работы

(Шурца *), настолько второй почти совершенно неведом. По крокам во всех странах света можно собрать кое-какие указания на тайны этих женских клубов, столь ревниво хранившиеся от назойливости белых путешественников прекрасным полом. Но я коснусь лишь в нескольких строках австралийских мужских бора. Рост человека, новые функции организма, новые обязанности в тотем-группе, — все это требовало сообщения человеку новых, особенных волшебных сил. Старцу, клонившемуся к могиле, этих чародейских даров следовало получить особенно крупные порции. Отсюда очень сложные и затяжные общественные церемонии для посвящения мальчика, а затем юноши, мужа и старца во все новые и высшие степени. Вначале здесь частичные уродования, вроде выбивания зубов или обрезания. Далее движение все затрудняется. Стать вполне полноправным членом тотем-группы удается лишь после настоящей пытки, напр., поджаривания на костре. Былые аттестаты зрелости, дипломы и пр., требовавшиеся от наших юношей для перехода во взрослые, — невинные пережитки этих жестоких первобытных бора. Но, по тогдашним идеям, эти бора магически ускоряли рост и развитие человека и силой волшебства пополняли убывающие силы старцев. Они же пеленою чародейства освящали все возрастно-половые разряды австралийского общества: у каждого пола и возраста были своя раскраска тела, свои надрезы на теле, свои священные ладони, свои познания и свои тайны, вплоть до особого „тайного языка“, открытого Стреловым у аранда.

г.) Погребение. Если в бора мы не заметим следов душеверия — анимизма, то и в похоронных обрядах оно сделало очень слабые успехи. Формы погребения, правда, очень разнообразны у различных племен: трупы погребают в земле, выставляют на деревьях, сжигают, разбивают члены трупа и вещи покойника, иногда частично поедают, хоронят как, азильцы, т.-е. с окраской охрой. Во всех этих обрядах прорывается ужас перед смертью и покойником, который для первобытного сознания оставался живым трупом, всегда могущим повредить и досадить своим обидчикам. Вот племя диери. Они крепко связывают пальцы ног мертвеца, чтобы он не мог ходить. Место кругом могилы подметают и осматривают, нет ли следов, не бродит ли он. Его бы тогда погребли в другом месте. Однако члены тотем-группы соблюдают траур по усопшим: лица у туловища покрываются белым гипсом, ближайшая родня иногда по несколько недель пребывает в молчании.

д) „Дологическая“ парциальная мысль. Так, под легким чехлом анимизма открывается мощный пласт магии колдовства. Но это колдовство сильно видоизмененное. Тогда как у мадленского охотника главное значение имело колдовство по сходству, уподобляющее или симильное („подобное вызывает подобное“), теперь на первый план выдвигается совсем

*) Schurtz Altersklassen und Männerbünde, Berlin 1902.

другая форма колдовства. Она основана на допущении, что один предмет или действие могут замещаться предметом или действием, составляющим часть его. Такое колдовство (магию) мы называли парциальным или частичным. В самом деле, основной закон его причинности и вся его волшебная сила в употреблении „части вместо целого“ (*pars pro toto*). Еще в наши дни это—известный поэтический прием и известная логическая ошибка. В восклицании вроде „сколько лет, сколько зим“, где мы, вместо целых годов, говорим лишь о сезонах, т.-е. частях года, такая замена, конечно, не имеет последствий. Но следы парциального колдовства мы находим во всех религиях. Оно живет в жертвоприношениях, когда божествам, вместо целого, дарятся части—десятина урожая, последний сноп, первые плоды, первенцы человека или животного, обрезание вместо полной человеческой жертвы. Так, на ниве оставляется последний сноп несжатым для спасения в нем духа нивы: без этого жатва была бы духохульством. Когда при встрече весны разукрашивают дерево, когда для оплодотворения земли закапывают в землю беременную корову, когда страдающего бога умерщвляют за грехи человечества, мы везде имеем дело с заменой части целым, множества—единицей.

Необходимо, однако, ясно себе представить, что резкой пропасти между симильным и парциальным колдовством нет, что между ними существуют неуловимые переходы. Очень часто трудно бывает уловить, имеешь ли дело с подменой целого его частью или одного предмета другим, на него похожим. Украшенное деревцо—часть воскресающей от зимнего оцепенения природы, но своими лентами и украшениями оно отдаленно напоминает и девицу Весну-Красну. В парциальном колдовстве можно наметить еще более детальные подразделения—схематическое и символическое. В первом колдовстве часть, заместительница целого, очень похожа, очень напоминает это целое, она—упрощение—схема его; в последнем часть-заместительница более условна и нереальна, она чистый знак, символ целого. Схематическое колдовство и есть соединительное звено между симильным и парциальным. Для современного склада мышления парциальная мысль совершенно нелепа и непонятна. Почему принесение в жертву перворожденного козленка („козел отпущения“) столь же действительно, как и заклание козлиного семейства, стада или даже человека? На подобный вопрос наша логика с ее основным положением—целое не равно своей части—может лишь ответить указанием на полную нелогичность такого рассуждения. Перед нами „дологическое“ мышление. Однако парциальное колдовство большой шаг вперед по сравнению с симильным.

Старое сильное мироощущение разрушается. Человеческая мысль стала изощреннее. Она углубляется в раскрытие внутренней „симпатии“, сродства между целым и его частью, вместо прежнего поверхностного улавливания внешних сходств. Здесь первые

робкие попытки анализа, расчленения сложного на составные элементы. Единая живая ткань природы под тяжестью этого аналитического внимания рвется на „живые“, еще движущиеся куски, в живом хаосе которых парциальная мысль ищет прихотливые соотношения и страшные закономерности, идя чуждыми и темными для нас извилинами. Итоги своих разысканий она и применяет на практике в парциальном чародействе.

На почве Австралии мы встречаемся с расцветом парциального колдовства. Оно, вероятно, порождает самобытное техническое изобретение австралийца—бумеранг, эту схему птицы. Им объясняется и вливание яда в человеческий след, и волхования над скалой—хвостом кенгуру (интихиума). Парциальная мысль делает понятной и веру в чудодейственную мощь чуринг, этих частиц, сохранивших в себе великую силу предков—или людей, или тотем-предметов, и распыление общества на „тотем-группы“, брачные разряды, локальные группы, на плохо известные „тени“ и „крови“, классификационную систему родства и пр. и пр.

е) Искусство **исканий.** Самое яркое и осязательное воплощение парциальной мысли нашло в австралийском искусстве. Оно уже не может быть названо натуралистическим. Изображения животных на скаловых гравюрах то стилизованы, то чаще всего набросаны лишь схематически, то перемежаются частичными чертежами рук или ступней, то чередуются с какими-то таинственными узорами. На чурингах искусство еще символичнее. Исчезают и жесткие остоны реальных предметов, их очертания расплываются в замысловатые линии, разнообразные прямые, кривые, змеевидные, перекрещивающиеся, пунктирные, концентрические круги и пр. Смысл этих узоров ускользает от чужаков и даже в недрах тотем-группы вполне понятен лишь старикам. Искусство, становясь символическим, скрывает тайны чуринг от глаз непосвященных, своим условным языком делая доступными их лишь кучке стариков. Вот перед нами (рис. 24) на одной стороне чуринги три больших концентрических кружка, около—какие-то точки, скрещивания. От стариков можно выпытать, что кружки означают три больших каменных дерева (нарисованные в разрезе), скрещивания—их корни, а многочисленные точки—следы лягушечьих лапок. Настоящие загадки-ребусы для непосвященных являют и орнаменты австра-

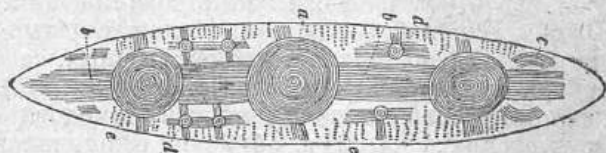

Рис. 24.

Деревянная чуринга австралийцев.

лийцев (рис. 25). На левом воспроизведены узоры на коже ящерицы, на правом—распростертые крылья летучей мыши. Такие

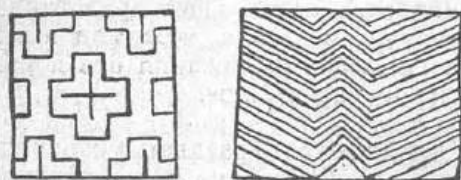

Рис. 25.

Австралийский орнамент: слева — ящерица, справа — летучая мышь.

сжатые частичные чертежи-схемы изображают для австралийского глаза целых животных. Так австралийское искусство, уйдя от натурализма, еще не приютилось в чистом символизме: оно колеблется на ступени схематизма. Его колебание — показатель дисгармонии, неустойчивого равновесия австралийской культурной

группы, распадающейся на наших глазах. Было бы слишком смело видеть в этом распадении движение назад, „упадок“: появление начатков земледелия, полированных камней, зачатков анимизма скорее говорят обратное. „Ищущее“ австралийское искусство отображает в себе эту переходную ступень: в нем нераздельно переплелись агония умирающих и муки рождения вновь возникающих жизненных форм.

Конвергенция австралийской и азийской культур.

Австралийская культура в своем распадении сохраняет те единства и цельность, которые присущи всегда культурной группе или сочетанию сходных культурных комплексов.

Сравнение австралийской группы с азийской, поэтому, может быть вполне продуктивно. Не надо забывать, что азиаты — антиподы австралийцев. Ни один археолог не рискнет говорить о возможности заимствования или перенесения: между Южной Европой и Австралией лежат целые материки и океаны, где не найдено никаких промежуточных, совпадающих с той или другой культурой, звеньев. Остается лишь допустить конвергенцию, или совпадение элементов самодовлеющих, независимых друг от друга культур, объясняя ее одинаковостью или большой сходностью условий жизни. Но при характеристике австралийской культурной группы я усиленно подчеркивал сопряженность и сочлененность хозяйственных, общественных и духовных сторон в австралийской культуре, органическая спаянность которых не гибнет даже в ее „гибели“. Поэтому, мы в праве здесь предполагать не частичные, а одну общую конвергенцию азийской и австралийской культур. Я предоставляю читателю самостоятельно проделывать подробное сличение, хотя бы на моем лишь материале. Здесь же считаю достаточно убедительным указать на большое сходство лишь некоторых вещественных отображений обоих сравниваемых циклов, каковы близость каменных орудий, свойственных охотнику и собирателю, одинаковая наточенная техника, сходство схематичных или символических памятников искусства и почти полное тождество азийских раскрашенных галек с австралийскими священными чурингами. Последнее тождество бросилось

в глаза этнографам (Кук *), а за ними и археологам. Большинство последних, хотя и не без колебаний, соглашались видеть в азийской пещере своего рода святилище, чурингохранилище. Но мы можем и должны извлечь больше из сравнительного метода,—орудия крайне могучего при правильном пользовании им. При совпадении отдельных звеньев материальной культуры должны совпасть соответствующие им звенья „нечестственных элементов“ хозяйственной, общественной и духовной граней культуры. Поэтому, мы в праве перенести в азийский культурный комплекс тотемическую организацию общества с ее разлагающимися групповыми браком и родством, поло-возрастными разрядами и стариковластием. Мы можем приписать азияцам и своеобразный „дологический“ духовный мир австралийцев с тотемизмом, парциальным колдовством и культом чуринг-предков, предшествовавшим почитанию душ. Но надо помнить, что в этих перенесениях надо соблюдать большую осторожность. Перекинуть из европеизирующейся Австралии в азийскую Европу можно лишь древнейший пласт. Мы, конечно, не должны отождествлять австралийские и азийские культуры. Современный сравнительный метод, указывая сходства, не забывает о различиях. Австралиец—житель преимущественно степи, азиат—главным образом леса. Первый изобрел бумеранг, второй его не имеет, как неприменимый в лесу, но он, может быть, изобрел лук. Австралийская культурная группа, с другой стороны, выступает перед нами, как огромный сводный набор элементов, образовавшихся в разные эпохи, варьирующийся по местностям, азийский же комплекс вскрывается в один момент, в одну эпоху. Поэтому австралийская культурная группа много шире азийского комплекса и не только целиком покрывает, но и выходит за пределы его. Так, австралиец приручил уже собаку, чего, быть может, не сделал еще азиат, по крайней мере, французский. Поэтому мы увидим, что австралийская культура напечет нам не только более развитый восточный вариант азийской культуры (Маглемозе), но и кухонные остатки. Но эта большая осложненность австралийской культуры, при внимательном расслоении ее, для нас не опасна. Она позволяет нам, перенося в азийскую фазу нечестственные элементы, лишь строго соответствующие сходным материальным, в то же время видеть в новых явлениях австралийской культуры—полированных орудиях, начатках одомашнивания растений и животных, зародышах анимизма—вехи или тенденции того пути, по которому предстояло развиваться азийской культуре.

3. Люди из Маглемозе.

(Азияцы Восточной Европы).

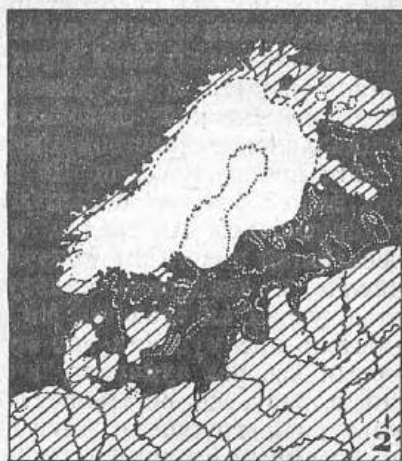
Отступление ледников в Прибалтике. Медленное отступление ледников на вершины гор имело место и в прибалтийских странах. Но одновременно с ним здесь происходили чередовавшиеся опуска-

*) Cook A. Les galets peints du Mas d'As (L'Anthropologie, 1903, t. 14, p. 655—660)

ния и поднятия суши. Ученые геологи, изучая прибалтийские отложения, рисуют нам картины еще сказочнее и еще увлекательнее, чем в Альпах. Не только таяли ледники, но и твердая почва исчезала под волнами, а зыбкое морское дно становилось сушей. Уверенной рукой люди науки сумели однако зарисовать эти великие перемены. Им удалось составить особые „геологические карты“, где изображены отдельные моменты последовательных изменений в очертаниях ледников, моря и суши. Взглянем на эти карты (рис. 26)

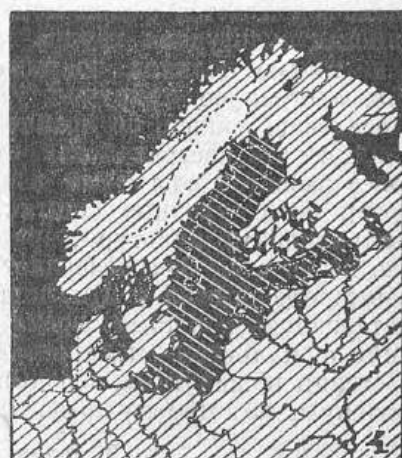
а. Последнее оледенение.

б. Йольдиево море.

в. Нйольдиево море.

г. Анцилово озеро.

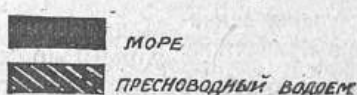
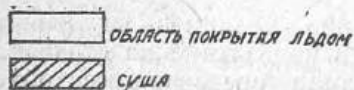

Рис. 26. Геологические карты Прибалтики (по де Гееру).

Первая покажет нам „балтийское оледенение“, одновременное с последним, по Пенку четвертым, оледенением в Альпах. Почти весь Скандинавский полуостров закрыт белым саваном ледников, загромаздивших и западную часть Балтийского моря. Ледники глубоко врезались и в северную Германию: их южную границу ученые определяют по „концевым моренам“—грядам камней и ледниковой грязи, и сейчас еще остающихся на полях. Запад Дании свободен от льда, Финляндия же скрыта под водой (рис. 26, а). Перед нами вторая и третья карты (рис. 26, б, в). Наступает послеледниковый период. Теплеет. Веер ледников свертывается: Германия, Балтийское море, наконец, юг Швеции очищаются ото льда. Почва опускается до такой степени, что Белое море соединяется с Балтийским. Скандинавский полуостров, отрезанный от европейского материка, превращается в огромный остров. Ладожское озеро сливается с морем: на месте Выборга плещутся морские волны. Ученые определили не только размеры и очертания, но даже и температуру этого давно исчезнувшего моря. „Руко-

Рис. 27. Прибалтийские ископаемые моллюски.

водящей формой“ его является северная иольдия (рис. 27 а). Это—крохотный двустворчатый моллюск, т.е. мягкотелый, живущий лишь в морской соленой воде. Его раковины находят иногда на высоте 50 саженей над нынешним уровнем Балтийского моря: так значительно поднялась суша с тех отдаленных времен. В живом виде иольдия и сейчас живет в холодных морях, где температура дня $+1^{\circ}$ по Цельсию. В Балтике ей слишком жарко теперь, она предпочитает жить в Северном Ледовитом океане, напр., у сибирских его берегов. Пребывание этого моллюска в пучине „Иольдиева моря“ показывает, насколько еще суров был климат. Ископаемая растительность его побережий (карликовые ивы, низкорослая береза и пр.) тоже напоминают виды тундры. Никаких следов человека в Прибалтике от этой „эпохи иольдии“ не сохранилось.

Возьмем четвертую карту (рис. 26 г, на стр. 132). Происходящее значительное поднятие почвы замыкает западный и восточный концы ледовитого Иольдиева моря. Балтийское море отделяется от Белого и даже Северного морей и превращается в великое озеро со множеством островов. Масса озер и речных

потоков, остатки ушедших ледников, изливаясь в Балтику, опресняют его воды. По находкам ископаемых моллюсков видно, как морские виды постепенно вытесняются пресноводными. Рукотворной формой становится мягкотелый „анцилус“, живущий только в пресной воде. Еще больше смягчается климат. Четвертая карта показывает, что ледники узкой лентой тянутся лишь по самым высоким горным хребтам средней и северной Швеции.

Торфяные болота лучше всего отражают своими отчетливо отделяющимися слоями это постепенное смягчение балтийского климата. Их подпочва—пласт глины и песку, прорезанный блуждающими валунами; здесь находят остатки полярной растительности. На этом фундаменте слоями отложились торфяниковые пласты. Уже в нижних слоях их, вместо полярных растений, находят остатки березы и осины. Тундра сменилась лесом. Затем идет более мощный слой с остатками преимущественно сосны. Таким образом, в странах, окружающих Анцилово море, вырастают высокие сосновые леса с подлесками из берез, осины, позднее орешника, вяза, малины, ивы, разных кустарников... Вслед за лесной растительностью появляется и лесной животный мир умеренного пояса. Особенного внимания заслуживают остатки глухаря. Эта птица оказалась и пропала с почвы Дании вместе с сосной, молодыми побегами которой она питалась. Поэтому раковина анцилуса, веточка сосны и косточка глухаря характерны для „эпохи анцилуса“ в прибалтийских странах. Но для нас особенно интересно, что в эту эпоху в Прибалтике появляется и человек.

Стоянка в
Маглемозе и
приручение
собаки.

Датчанин Сараув в 1900 г., исследовав торфяник Маглемозе („Большое болото“) на датском острове Зеландии (в проливе Большое Бельт, соединяющем Балтийское море с Северным), нашел многочисленные следы человеческой стоянки. Торфяник был еще тогда пресным озером. Лишь впоследствии мхи затянули его поверхность. Остатки человека найдены не на берегу и не на острове, а прямо в воде, 150 саженей от прежнего берега. Сараув поэтому предположил дальше, что озерные люди строили свои жилища на плоту, плававшем по озеру и останавливавшимся на мелких местах. На одной из таких остановок и накопилась куча отбросов и орудий людей. По грудам древесных углей и по засохшим веткам восстанавливается лес, окружавший озеро. Это—сосновый бор с примесью березы, осины, орешника.

Дуб еще не проник на датскую почву. До 30 видов диких зверей и птиц наполняли поляну и чащу этого леса. Особенно многочисленны были первобытные быки, лоси, олени, козули и кабаны. Реже встречались бобры, зайцы, белки, дикие кошки, рыси, бурые медведи, куницы и барсуки. Инвентарь человеческих орудий сравнительно беден, но он говорит нам и о хозяйственном быте, и о происхождении его владельцев. Всего найдено 20.000 предметов. Большинство орудий каменные, почти исклю-

чительно кремневые: целых 881 кремневых и 17 из других камней и 15.000 обломков. Из рога и костей нашли до 300 орудий целых и больше 3.600 обломков. По этим находкам видно, что озерные люди раздвигают свою хозяйственную деятельность между озером и лесом. Коллекция костяных крючков, костяные ножи для чистки рыбьей чешуи обличают в них рыболовов. Остатки их стола, кремневые топоры, иногда с роговыми рукоятками, роговые кинжалы, секиры из лосиного рога с отверстием для рукоятки—показывают в них звероловов. Об охоте говорят и найденные в торфе Маглемозе кости домашней собаки. Никаких следов глиняной посуды, никакого намека на земледелие. Нет крупных усовершенствований и в технике орудий. Мельчайшие кремни правильной геометрической формы, паразитально похожие на тарденуазские микролиты азийцев, вероятно, служили наконечниками стрел. Мы уже видели, что макролиты ведут свое происхождение от мадленских.

Появление микролитов. Особенно важным следует признать находку в Маглемозе крупных каменных орудий (макролитов). Такими являются режущий (tranchet) и мотыкообразный (pic) топоры (ср. рис. 33 *).

Макролиты не годились при рубке сосен на дрова или на бревна для плотов, на которых, видимо, двигались по воде люди с Большого болота. Приходилось брать большие куски камня и обивкой придавать им довольно правильную геометрическую форму, напр., треугольника или трапеции (такие макролиты мы встречаем и в более поздних культурных комплексах). Следует заметить, что режущий топор является очень острым орудием, напоминающим треугольник или трапецию. Судя по одной находке, узкий конец его всаживался, входя, как клин, в короткое колено деревянной, коленообразно-изогнутой рукоятки. Длинное лезвие, как и у нынешнего металлического топора, шло параллельно длинной части деревянной рукоятки. Топор около своего длинного лезвия иногда пришлифовывался, так что оказывался гладким и как бы остро-наточенным. Подобный топор-резак, хотя и не отшлифованный, но острый и крепко сидящий в пазу рукоятки, был бы удобен для рубки деревьев, и, вероятно, явился для этой цели. Гораздо загадочнее назначение мотыкообразных макролитов. Это—грубо тесанные, сильно удлинённые, узкие кремни с закругленными концами и почти параллельными боковыми краями. Французские ученые видят в них большей частью наконечник палки для копания земли („мотыку“), Обермайер—вытянуто-овальный топор, другие считают его за наконечник палки для пробивания льда при зимней рыбной ловле. Археологи подметили, что эти макролиты очень напоминают шелльские

*) У немецких археологов резак называется Scheidenspalter, а мотыкообразный топор Grabsbeil. Людям Маглемозе была известна сколотая техника: найдены ядрища (нуклеусы) и отбойники.

ручные ударники. Они выделялись приемами, главным образом, тесанной техники. Особенно грубо отбивались мотыкообразные топоры, иногда по форме удивительно сближавшиеся с шельскими. Таковы неопределенные во времени (благодаря отсутствию стратиграфии, т. е. определенной последовательности слоев) многочисленные русские находки, отмеченные П. П. Ефименко^{*}). Такое возвращение к ударнику (*coup de poing*) отдаленнейшей шельской эпохи (см. табл. 1), отделенной целой палеолитической эпохой от начального неолита, было непонятно. В нем видели признак падения европейской культуры, наступившего с исчезновением ледников. Но правильное и понятнее будет видеть в них знамение надвигавшегося леса. Когда в Европе тундру сменила степь, ранние азильцы пользовались макролитами. Леса позволили развиваться деревообделыванию, почему человек и начал обтесывать грубые большие топоры, копируя обтесывание деревянного кола. Так совпадение (конвергенция) шельской и азильской культур объясняется лесистым характером их областей. Надо отметить, что в Маглемозе мы замечаем и новый технический прием: макролиты иногда „наточены“, пришлифованы у лезвия.

Значение Если смысл макролитов Маглемозе и плохо еще
Маглемозе. уловим, то вполне доказано, что они вполне напоминают соответственные „мотыки“ и „резаки“ более поздних комплексов — культур кухонных остатков и даже кампинийской. Но эти технические новинки не мешают сохранять населению Большого болота связи с исчезнувшими ступенями культуры. Их роговые гарпуны, особенно с продольными выемками, вырезанными для вставки кусочков кремня, ведут свое происхождение, как это доказано Рейнке и Коссина, от мадленцев. Еще отчетливее эта связь с прошлым в искусстве Маглемозе. Вот перед нами топор из лосиного рога с отверстием для

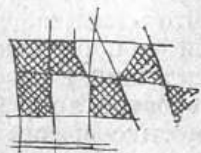

Рис. 28.
Орнамент Маглемозе.

рукоятки и косо срезанным лезвием. Он украшен любопытными изображениями. Это — изображение 2 х козуль, довольно реальное, хотя и несколько схематичное. Но в этот мадленский реализм врываются характерные для неолита геометрические узоры: зигзагообразные полосы, ряды углов, клинообразные треугольники, косые четырехугольники, напоминающие по расположению шахматную доску (рис. 28). Эти геометрические мотивы удаляют Маглемозе от мадленского культурного цикла. Особенно в этом отношении любопытен найденный близ Берлина стержень из рога благородного оленя длиной в 44 и шириной в 5 сант. Он имеет почти круглое

^{*}) Русский антропологич. журн. 1916, № 1—2, с. 66—83 (статья П. П. Ефименко).

отверстие близ одного из концов, его поверхность совершенно сглажена и покрыта врезанными на глубину 1 мм. узорами, выполненными черной пастой. Эти узоры образуют извилистые линии—не то геометрический орнамент, не то стебель и узкий лист растения. Может, перед нами изображение священного тотем-растения, может, символика с непонятным смыслом. Этот стержень по форме очень напоминает трещотку (жезл начальника) мадленцев, хотя звериный стиль последних и перешел в какой-то полуреальный, полусимволический узор.

Приведенные данные вполне позволяют нам определить место и значение людей Маглемеze в развитии первобытной культуры. Жезл начальника, пережитки натуралистического искусства, гарпуны связывают их с мадленцами. Без большой натяжки в этих охотниках и рыболовах можно видеть отдаленных потомков охотников за северным оленем. Но едва ли можно считать культуру Маглемеze упадочной по сравнению с мадленской. Макролиты, прирученная собака говорят скорее об усложнении, чем вырождении. Археологи не только могли бы в Швеции, России, северной Германии указать ряд сходных с Маглемеze культурных циклов особенно Кальбе. Они в состоянии указать и ответвления от культуры Маглемеze, еще более развитые и усложненные. Таковы культурные слои Кунда (Эстляндия) и Висте (Норвегия), где рядом с костяными гарпунами появляются топоры и мотыжки с вачатками полировки, а в Висте и глиняная посуда без орнамента. Я уже упоминал, что макролиты переходят и в датские кухонные остатки в во французские жилые ямы Кампьяньи. Это полное совпадение в макролитах позволяет нам заключить, что и у людей Маглемеze, и у азийцев шло параллельное преобразование мадленской культуры в одном и том же направлении. Судя по востоку, и на западе это направление шло в сторону скорее усложнения, чем разложения культуры. Мелис*) нашел близ Нейштадта (Бавария) раскрашенные гальки, напоминающие азийские; к сожалению, время их не удалось установить. В грубом смысле слова, азийцев и маглемозцев можно назвать современниками.

Несколько трудно решить, какая из этих культур древнее и какая новее. На востоке связь с палеолитом, особенно в искусстве выражена яснее и ярче. Недаром Сарауву, открывшему Маглемеze, археология больше всего обязана заполнением того зияния, которое раньше предполагалось ею между эпохами старого и нового камня. Однако собака и макролиты разворачивают новую страницу в первобытной культуре, как будто еще неизвестную азийцам. Они ведут нас к новым, высшим фазам культуры, проследить которые опять удобнее всего на востоке Европы **).

*) Globus 1906, s 1/0.

**) Аналогия с австралийцами вполне возможна и для людей Маглемеze.

4. Культура кухонных остатков.

Эпоха литорины. Века сменялись веками... Юго-западная окраина Анцилова моря стала понижаться, и оно смешало свои воды с Северным морем. Соленая вода и новое морское население нахлынули в нынешнее Балтийское море. Морской моллюск „прибрежница-литорина“ (рис. 24 в), стал руководящей формой этого обновленного моря, дав ему и свое имя. Литориново море было соленее и теплее нынешнего Балтийского. Это видно из того, что на отмелях Дании в изобилии водились устрицы. Их личинкам необходимо 3% содержания соли и +16° Цельсия на морской поверхности. Теперь они покинули Балтийское море, ставшее для них недостаточно соленым и слишком холодным. Возможно, что теплое морское течение (Гольфстром), омывающее северные берега Скандинавии, приносило в те времена гораздо больше тепла. Сухопутная растительность „эпохи литорины“ отражает не менее наглядно это смягчение климата. В торфяниках Дании и южной Швеции на смену слоя со следами сосны идет слой с остатками дуба, к которому присоединяются остролистые клены, ясени, плющ, крупнолистная липа и пр. В настоящее время дуб покинул Данию и сменился дивными буковыми лесами. Слова „теплый климат“, конечно, не должны вводить нас в заблуждение. Дуб не вечно зеленое растение, следовательно, зимы со снегом и льдом не миновали Дании, хотя и не были очень холодны. Морской влажный климат, с умеренными зимой и летом, царил на датских прибрежьях незамерзающего, благодаря солености, Литоринова моря.

Открытие К этой „эпохе литорины“ и дуба принадлежит и новая куч раковин ступень северной культуры. Еще близ середины 19 века датские ученые Стеенstrup и Ворсо обратили внимание на узкие длинные гряды мусора, встречавшиеся на балтийском берегу Дании. До них эти гряды считались естественными отложениями моря. Им первым удалось доказать, что такие кучи раковин, рыбьих костей, пепла и сора были остатками человеческих стоянок: в их недрах они раскопали оббитые кремневые орудия. Эти ученые решили, что перед ними — отбросы пищи и обломки орудий древнейшего населения Дании. Поэтому они и называли эти мусорные ямы по-датски „г'еккенмединги“, т.е., по русски „кухонные остатки“. Дело этих ученых продолжал целый ряд датских тружеников науки. Особенно были плодотворны поиски целой комиссии датских ученых, производившиеся с 1893 г. в целых 8 пунктах. Одна куча в 150 кв. саж. доставила им больше 86.000 предметов и 20.300 костей животных. В 1900 г. Мадсен и Софус Мюллер со своими сотрудниками

опубликовали огромный отчет о своих находках. Датские изыскания прославились по всей Европе. Самое название „кухонные остатки“ вошло в обиход общеевропейской науки, хотя в самой Дании распространилось другое название — скальдинги, т.е. „кучи раковин“. Суть дела, конечно, не в именовании, а в тех ценных и содержательных выводах, которые эти опытные ученые сумели построить на таком неказистом материале, как кучи мусора, свалки нечистот, грубо говоря, помойные ямы первобытных людей. Ученые не побрезговали этим, казалось, бросовым материалом, и мы сейчас увидим, как они читают эту книгу ископаемых нечистот.

О чем говорят пищевые отбросы. Прежде всего, установили местоположение кухонных остатков. Теперь их находят довольно далеко, даже больше версты, от морского берега. Но прежде они лежали у самого морского побережья Дании. Больше всего в этих нагромождениях попадает раковин морских моллюсков. Бесчисленные устрицы, снова устрицы, морские сердечки, опять устрицы, снова сердечки, реже другие моллюски. Но среди них особенно важно отметить присутствие прибрежныцы литорины. Ясно, что такую массу ракушек не могли носить издалека. Геологи указывают, что поднятие почвы Северной Дании продолжается и сейчас; этим и объясняется нахождение кухонных остатков вдали от моря. Прибрежные жители собирали этих моллюсков во время отлива, когда уходящее море покидало их на прибрежном песке. Это было, вероятно, женское и детское дело: женщина с детьми была извечная собирательница. Но среди неисчислимых количеств раковин неутомимые ученые заметили множество остатков рыб: тут камбалы, треска, сельди, угри и пр... Остались и кости тюленей, которых убивали, вероятно, не только для мяса, но и ради кожи и сала. Известно, что сельди и треска водятся лишь в открытом море. Значит, для морского промысла требовалась лодка. Всеобщее время не сохранило нам ни малейшего куса челна, но какие-то суда имелись у тогдашних рыболовов. Уже у людей из Маглемозе, по мнению Сараува, были плоты. Гораздо меньше в „кучах раковин“ костей млекопитающих, причем 90% среди них приходится на долю оленей, козюль и кабанов (диких свиней). Гораздо реже попадают в кучах кости первобытного быка, рыси, медведя, лисицы, волка, бобра, дикой кошки и речной выдры. Лоси попадают на самом дне куч и встречаются крайне редко: они покидали уже Данию. Успешнее, чем на четвероногих, шла охота на птиц всех видов—болотную, береговую и плавающую—диких уток, лебедей-кликунов, чаек, гусей и пр. Глухарь-тетерев столь же редок, как и лось. Судя по углям, содержащимся в кучах, сосна тоже встречается крайне редко и тоже в самых нижних слоях мусорных куч. Ученые определили, что большинство углей были дубовыми, но встречались и березовые,

ильмовые, реже ольховые, орешниковые и пр. Очень важно, что не найдено буковых углей: это дерево еще не попало на датскую почву. Находки раковин устрицы и литорины и дубовых углей для ученых вовсе не были пустяшной мелочью: ими была доказана принадлежность кухонных остатков к временам Литоринового моря. Но глубокую древность их доказывают и те каменные орудия, какие здесь отыскивали.

Шлифовка камня еще неизвестна. Руководящими формами служат те же макролиты „резак“ (рис. 29) и „мотыка“, какие мы видели у охотников Маглемозе. Макролиты почти совсем исчезли. Остатком их можно считать разве орудие, найденное в торфянике (на острове Фионип). Маленькое кремневое лезвие было прикреплено липовым лыком к короткой деревянной рукоятке, всего 4 сантим. длиной (рис. 30). Рукоятка была не параллельна, а перпендикулярна к лезвию.

Трудно сказать, было ли это орудие стрелой или маленьким долотом, вроде того, какие австралийцы употребляют для долбления деревянных корыт. Сохранение макролитов понятно. Одна рубка деревьев на дрова достаточно объясняет потребность в этих острых и тяжелых орудиях. Угли говорят нам о рубке даже таких твердых пород, как дубяк.

Однако, отсутствие шлифованных топоров и долот говорит о слабом развитии деревообделки. Можно предположить, что люди раковинных куч выезжали на морской промысел на хрупких, бесследно истлевших челноках из звериных кож или древесной коры, а не на солидных выдолбленных из дубового ствола ододеревках, лучше противящихся разрушающему времени. Если среди каменных орудий почти исчезли микролиты, то костяные сохранились со времен Маглемозе во всей полноте, за исключением гарпунов из оленьего рога. Множество шил, крючков, игл из тонких костей, роговые, с просверленными отверстиями, кирки и молотки и еще много подобных орудий были извлечены из мусорных куч. Едва ли можно говорить здесь о большом прогрессе в их выделке. Из новых орудий следует отметить костяной гребень с 2 сломанными и несколькими уцелевшими зубцами (рис. 31). Это было именно орудие, а не украшение пышной прически. На нем расчесывали шерсть или сухожилия животных: человеческие волосы не могли протереть на его зубьях

Рис. 29.

Макролиты: топоры-резаки.

столь глубоких борозд, какие подметил проницательный взор археолога. В подкрепление этого положения можно указать, что

Рис. 30. Микролит: долото.

у австралийцев мы встречаем плетеные волосяные шнурки. Возможно, что шнурки из шерсти (в качестве лесок для удочек или веревок для сетей) изготавливались и людьми ку-

хонных остатков. Никакой части ткацкого станка в кухонных остатках не найдено, почему ни шерстяной, ни льняной какой одежды, надо думать, не было. Не отыскано и никаких костей домашних животных, кроме собачьих. Мы уже знаем, что собака была приручена охотниками из Маглемозе. Не обнаружено никаких следов земледелия. Бесследно исчезло искусство.

Рис. 31. Костяной гребень.

Жилища живых и мертвых. Этой неказистости инвентаря, орудий и утвари людей кухонных остатков соответствуют жалкие жилища живых и мертвых. Прямо среди куч раковин там и сям отрывали обожженные и покрытые пеплом камни, служившие очагами. Иногда среди раковинных куч, вокруг подобного очага, открывали площадку круглой формы. Полагают, что такие площадки с очагами служили основаниями, на которых стояли круглые шалаши. Конечно, никаких остатков шалашей не сохранилось: так они были убоги и ничтожны. Избы или землянки были еще совсем неизвестны. На эти жалкие жилища живых походили и последние убежища мертвых. В верхних слоях датских раковинных куч находили скорченные людские костяки без всяких сопровождающих даров. Одним казалось, что покойники хоронили в позе людей, сидящих на корточках перед огнем. Другие думали, что скелеты—позднейшего происхождения и не принадлежали людям кухонных остатков. Только находки подобных погребений в Португалии, Японии, Флориде (Сев. Америка) разъяснили смысл такого трупоположения. В кухонных остатках Кабесо д'Арюдо (Португалия), по объяснению Нидерле, кости сперва были очищены от мяса, а затем сложены правильными кучками. В этих погребениях чувствуется великий ужас перед мертвыми и стремление поломкой или связыванием (скорченный костяк) их скелета помешать им вернуться, чтобы вредить живым. Эти погребения недалеко ушли от азийских: не хватает только в них красной охры для полного отождествления. В Кабесо откопан и настоящий азийский культурный слой с треугольным микролитом и собакой. В согласии со всем инвентарем датских куч раковин эти жилища мертвых наводят на мысль, что люди кухонных остатков с трудом сохраняли в своих жалких шалашах среди груд отбросов обломки культуры, доставшиеся им от их предков, азийцев Запада и Востока Европы. Тем неожиданней среди этого наследия времен

Анцилово озеро и людей Маглемозе покажется нам находка в датских скоплениях раковин множества глиняных черепков.

Черепки глиняной посуды, найденные в кухонных остатках, состояли из неочищенной грубой глины, смешанной с зернами гранита и обломками раковин. Эта примесь, вероятно, делалась для избежания растрескивания посуды от жара и высыхания. Посуда сделана прямо от руки, без гончарного круга. Обожжена она на открытом воздухе, и остатков горшечной печи—ямы нигде не найдено. Обжигание выполнено очень плохо: в местах разлома видно, что горшечная масса окрашена в красноватый цвет в слоях, близких к внешним стенкам, и в сероватый—внутри. Глина, значит, не достаточно хорошо прокалилась. Форму этих сосудов восстановить трудно, так как целых экземпляров ни одного не сохранилось. По черепкам ученые все же намечают два основных вида посуды (рис. 32). Это или небольшие овальные, округленные снизу чашки с бородавчатыми просверленными ушками, в отверстие которых можно было продеть шнурок, или большие горшки без ручек с заостренным или плоским дном. Узором-орнаментом служат, единственно, идущие по верхнему краю сосудов надрезы или вдавливания, сделанные пальцами еще на сырой глине. Никаких других узоров на этой посуде не обнаружено. Столь распространенные в развитой неолит богатые узоры-орнаменты еще совсем неизвестны людям Литоринового моря: крайняя грубость выделки, отсутствие всякого украшения, примесь местных раковин,—все убеждает нас в местном происхождении найденных черепков. Человек кухонных остатков был изобретателем первой глиняной посуды. Такой вывод не покажется смелым, если мы попытаемся восстановить путь, приведший человека к глиняной посуде.

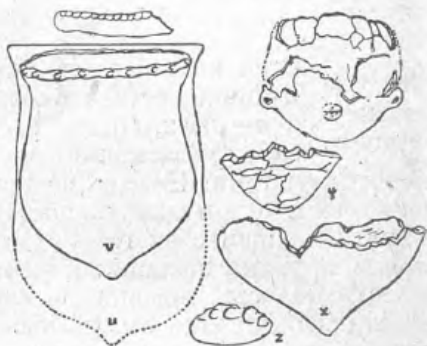

Рис. 32. Обломки глиняной посуды кухонных остатков.

Изобретение глиняной посуды. Известно, что человечество прожило огромный догончарный период, когда его сосудами были меха из кож животных, пузыри, раковины, скорлупа, выдолбленные или выжженные куски дерева. В донеолитические эпохи сосудами служили иногда и человеческие черепа, как показывают некоторые находки. Австралийцы же и теперь еще пользуются такими страшными чашами, залепляя в них отверстия и приделывая к ним ручку из древесной коры. Гораздо употреби-

тельное более невинная посуда. В Африке это - скорлупа страусовых яиц, пустая тыква, щит черепахи, кожа кокосового ореха. Плоды с кожистой шелухой навели человека на мысль оплетать сосуды для удобства переноски. Появилась и чисто-плетеная посуда, в Африке часто совершенно непроницаемая для жидкости. Еще древние греки, как рассказывается в 9-й песне Одиссеи, пили кислое молоко, поданное „в плетеных корзинах“. Но где плетение не достигало такого совершенства, там приходилось обмазывать такие плетеные сосуды смолой или жирной глиной. Еще до огнеупорной посуды люди умели варить пищу и кипятить воду: они бросали в сосуды раскаленные камни. Так как эти камни могли прожечь сосуд, то его стали покрывать глиной изнутри. Если случайно такой сосуд из тыквы или из плетенья попадал на огонь, то его органическая оболочка сгорала, внутренний же слой глины, напротив, делался еще непроницаемей и тверже. Заметив это, стали делать сосуды прямо из одной глины, тестообразная масса которой очень пластична, очень удобна для лепки и придания сосудам разнообразнейших форм. Изобретение и приготовление посуды ученые приписывают женщине: до сих пор еще у всех первобытных народов изготовление и обжигание глиняной посуды сосредоточивается целиком в женских руках.

Огне-земельцы. Изобретение глиняной посуды, таким образом, оказывается весьма легким и простым. Этот культурный плюс не покрывает крупных минусов людей кухонных остатков: бесследного исчезновения искусства, убогости жилищ среди отвратительных свалок нечистот и пр. В итоге внимательных изысканий у археологов складывалось впечатление о чем-то жалком, застывшем, остановившемся в своем развитии. Но ученые очень осторожны в своих приговорах. Для уяснения смысла культуры кухонных остатков они привлекли этнографический материал. За пределами Европы, на побережьях Америки, Австралии, Азии, встречались скопления раковин, вполне похожие на датские. На берегах же Огненной Земли, большого острова у южной оконечности Южной Америки, уцелели жалкие племена людей, еще в 19-м веке не знавших земледелия, питавшихся рыбой и моллюсками и обходившихся орудиями из камня и кости.

Великий естествоиспытатель Чарльз Дарвин художественно изобразил нам это племя, изложив свои личные впечатления. „Туземцы, питающиеся, главным образом, моллюсками“, пишет этот очевидец, „вынуждены постоянно менять местожительство; но через известные промежутки времени они возвращаются на старые места, о чем и свидетельствуют груды старых раковин, нередко весом в несколько тонн. Эти кучи раковин можно различать издали, благодаря ярко-зеленой окраске растений, неизменно растущих на них“... „Шалаш огнеземельца величиной и размерами напоминает копьё сена. Он состоит всего из нескольких сломанных веток, воткнутых в землю и кое-как прикрытых

с одной стороны травой и тростником. Такой шалаш легко построить в час, да и живут в нем всего несколько дней". Далее Дарвин изображает нам шестерку огнеземельцев, попавшихся ему в челноке. "Я никогда не видал ничего более отвратительного и жалкого". На материке туземцы одеваются в тюленьи шкуры или прикрывают себя хотя небольшим лоскутом шкуры выдры. Но в челноке сидели совсем голые люди. "Эти жалкие создания были малы, как будто задержаны в росте; их безобразные лица были вымазаны белой краской, кожа у них была грязная и жирная, волосы спутаны, голоса неприятны, телодвижения чересчур резки и лишены достоинства. Глядя на них, с трудом верилось, что это такие же люди, как мы, и обитатели одного с нами мира. Ночью пять-шесть таких человеческих существ, нагих, едва защищенных от ветра и дождя, обычных в этом бурном климате, спят вместе на сырой земле, сбившись в кучу, как животные. В часы отлива они встают и собирают раковины на утесах; женщины зимой и летом то выряют за морскими животными, то терпеливо сидят в челноках, ловя на волосаную удочку мелкую рыбу. Если случится убить тюленя или найти плавающий труп гниющего кита, то уже праздник; приправой к этой жалкой пище служат некоторые безвкусные сорта ягод и грибы".

Ложно-сравнительный метод.

Уже этих отрывков достаточно, чтобы судить о мастерстве картины, нарисованной гениальным натуралистом. Ее художественность в связи с обаянием великого имени производила неизгладимое впечатление. Ум не учитывал, что в каждом штрихе этой картины чувствуется гордый своей культурой европеец 19-го века. Упускалось из виду, что жалкие огнеземельцы однако отважно выплывали в открытое море... Уже одно это говорит об очень сложном прошлом их культуры. В виду сходства отдельных сторон жизни характеристику Дарвина с огнеземельцев целиком перенесли на ископаемых датчан. Между тем уже Лёббок правильно указывал, что культура огнеземельцев, не знаящих еще глиняной посуды, ниже культуры европейских раковинных куч. Низшая культура огнеземельцев должна была перенести с себя впечатление застоя на ископаемую культуру кухонных остатков, тем более, что раскопки археологов уже подготовили для этого соответствующее настроение. В итоге ученые вынесли суровый, но, казалось, бесспорно справедливый приговор людям кухонных остатков. Их существование было легким и беззаботным: отдели с моллюсками были скатертью-самобранкой, раскинутой для них природой, доставлявшей без всяких трудов с их стороны готовый стол. Но в этой легкости существования скрывалась большая опасность. Люди раковинных куч как бы застыли в своем развитии. Несмотря на появление глиняной посуды, вся неказистая обстановка их жизни слишком непохожа на отпавшие центры нового подъема культуры. Люди кухонных отбросов оказались выброшенными рукой развращающего покоя и сытости в мусорный ящик

истории, оставшись навсегда грозным предостережением для народа, класса, отдельного человека, об опасности зарывания в землю своих талантов, о губительности сонного покоя и расслабляющего безделья.

Начало оседлости. Нельзя отказать такой оценке в весьма полезной правдоучительности. Но можно ли к ней присоединиться? Ведь культура огнеземельцев и ниже, и сложнее кухонных остатков: они переселились на остров с материка, имея длинное, хотя загадочное, прошлое. Наконец, так ли косвы и неподвижны люди Литоринового моря? Разве у них нет двух новых, в сравнении с азийскими временами, явлений? Разве глиняные черепки и, наконец, самые „раковинные кучи“ не новость? Нам возразят, что изобретение глиняной посуды не требует сложной работы мысли. Но нас должно интересовать не большая или меньшая легкость того или иного изобретения, а появление его на данной культурной степени. Азийцы и мадленцы не имели глиняной посуды, потому что не испытывали в ней нужды. Для этих бродячих охотников хрупкая и тяжелая утварь только стеснила бы их передвижение. Жена охотника, сделавшая это изобретение, только взвалила бы лишнюю обузу на свои собственные плечи: не было вьючных животных для перевозки, их заменяла женщина. Появление глиняных черепков говорит о переходе к оседлой жизни владельцев раковинных куч. Этот вывод однако столь важен, что требует более надежного обоснования. Важным доказательством сравнительной оседлости служат прежде всего самые кучи раковин. Ведь высота их колеблется от 1 до 3 метров, длина тянется на 100—300 метров, а ширина достигает 6—60 метров. Люди, видимо, долго оставались на одном месте и, даже покидая его для тех или иных предприятий, вновь тянулись к нему: иначе из остатков их трапез и ремесла не образовались бы такие скопления раковин. Состав этих куч объясняет нам и причины такой усидчивости их владельцев. Понятно, что устричные отмели крепили человека к морскому побережью, привлекая его регулярно доставляемой пищей. Собираание этой пищи было женским и детским делом: мужчина едва ли снисходил до моллюсков, хотя, конечно, их ел. Что же он делал? Едва ли он мог быть усердным охотником. Звероловство требовало большой подвижности, частых смен стоянок, далеких преследований дичи. Оно не могло развиваться в стоянках с холмами раковин и глиняных черепков, говорящих о пригвожденности человека к побережью. Целый ряд указаний отмечает ослабление охотничьей деятельности мужчины. Археологи отметили незначительное количество костей зверей в сравнении с рыбьими, не говоря уже о раковинах моллюсков. Быть может, недостаток в оленьем роге вызвал исчезновение гарпунов, выделявшихся людьми Маглемозе. Отсутствие изображений зверей тоже может считаться отражением факта упадка охоты. Но самым интересным свидетельством охлаждения охотничьего рвения является печальная участь

собак. Из верных спутников человека на охоте они превратились в убойное животное. Собацьи кости расколоты вдоль для высасывания костного мозга, обуглены и обгрызаны человеческими зубами. Эти собаки, державшиеся на убой, предтечи будущих стад домашнего скота. За недостатком мяса диких зверей тогдашние едоки моллюсков лакомились собачьим мясом. Недостаточные порознь, в совокупности эти факты достаточно убедительны. Мужчина превращался из охотника в рыболова. Вместо блужданий по твердой суше, он стал передвигаться по воде и не только речной, но и морской. Сперва лишь тихая заводь заливов-фиордов манила его на опасную рыбную ловлю. В погоне за стоящими рыб он устремился в открытое море. Найденные в раковинных кучах кости селедков, водящихся лишь вдали от берегов,—единственные памятники неукротимой отваги безвестных рыбаков Литоринового моря. Охотничий пыл, энергия, любовь к опасностям не исчезли у них. Они остались, как и предки их, такими же вечными бродягами: только возврат для них с зыбкой поверхности вод остался один—куча отбросов на морском берегу. Отсюда оседлость этих непоседливых и подвижных людей, памятью которой остались и жалкие кучи раковин, и полезная глиняная посуда, изобретенная их женами, нашедшими пристанище от бесконечных охотничьих скитаний у счастливой отмели, с ежедневно выкидываемой прибоем свежеей пищей.

**Значение
рыбаков
кухонных
остатков.** Если охотничий дух мужчины не угас, то что заставило его перенести свою хозяйственную деятельность с твердой земли на колеблющуюся, ненадежную воду? Причины здесь были не чисто местные, датские. Кучи раковин, отображающие это превращение охотника в рыболова, рассеяны и в приречных стоянках России, и на речных и морских побережьях Англии, Франции, Германии, Сицилии, Португалии, Испании и пр. Я здесь не могу перечислять их. Для меня важно лишь подчеркнуть, что первое появление их было приблизительно одновременно. Нижние слои раковинных куч Дании с остатками лося, сосны и глухаря ведут нас ко временам Анцилового озера; прирученная собака, резак, мотыка роднят их тоже со стоянкой в Маглемозе. Но особенно важно, что и в противоположном конце Европы непосредственно за азийской культурой, современной Маглемозе, следует ступень над азийским слоем с плоскими гарпунами лежит „аризский“, как его назвал Пьетт, слой с грудами раковин „лесной улитки“ (*helix nemoralis*). Здесь встречаются черепки глиняной посуды, скребки и резцы из речных галек, края которых слегка отшлифованы трением, вероятно, вод речки Аризы. Ни полированных топоров, ни собаки здесь нет. „Лесная улитка“, попадающаяся часто еще в азийском слое, чрезвычайно многочисленная в аризском, затем исчезает. В настоящее время ее не находят в окрестностях Мас д'Азийской пещеры. Она множилась, когда климат

был гораздо влажнее. Это указание является для нас чрезвычайно важным. Оказывается, что и в азийском слое пещеры Оффнет, в Баварии, опять попадает эта самая улитка, любительница влаги. То же самое в астурийских слоях Испании. Если мы вспомним, что в Прибалтике в эпоху Литоринового моря сосна, любящая сухую, песчаную почву, была вытеснена дубом и другими представителями чернолесья, то мы приходим к предположению, что в Европе в конце послеледниковой эпохи, вслед за степью и сухим лесом, наступило время сырых лесов. Более открытое, чем нынешнее Балтийское, Литориновое море, возможные изменения в очертаниях береговой линии юга и северо-запада Европы.— вот что могло сделать климат Европы менее континентальным. Обильные осадки благоприятствовали образованию торфяных болот. Дремучие леса покрыли европейскую почву. Топи и болота были столь непроходимы, лесная чаща так дика и часта, что люди оказались прижатыми к берегам моря, рек или озер. Вероятно, уцелели и степные плешины в этой лесной косме, конечно, были и сравнительно сухие места. Население их могло свободно бродить в погоне за стадами животных. Но во многих углах Европы надвигавшаяся лесная чаща сократила охотничью деятельность людей. Истребив дичь вблизи сухих берегов, они вынуждены были стать рыболовами соленой или пресной воды. Не олень и моллюски, уподоблявшиеся даровой небесной манне, сделали столь жалкой и убогой культуру кухонных остатков. Вина здесь в тяжелых условиях борьбы за существование. „Отрезанные друг от друга лесами и болотами, сообщества кухонных остатков своими жалкими орудиями были не в силах произвести продуктов больше, чем это было безусловно необходимо для сохранения сообщества. Это отсутствие „прибавочного продукта“, как выражаются экономисты, объясняет отсутствие в их быте малейших элементов комфорта, удобства и хотя бы самого примитивного искусства. Но великая заслуга этих тружеников моря или реки заключается в том, что они впервые в истории человечества сумели произвести достаточно продуктов для оседлого сообщества. Глиняные черепки и кучи раковин, при всей их убогости и ничтожности, остаются великими памятниками первых начатков оседлой жизни. Без оседлости не появилось бы ни земледелия, ни скотоводства. Следовательно, без культуры кухонных остатков не появилась бы и современная культура. Она во все не боковая, не давшая потомства, ветвь на родословном древе человеческой культуры, а часть основного ствола его, развившегося в культурные достижения наших дней.

5. Итоги протонеолита.

Можно считать, что кухонные остатки заканчивают первый большой отдел неолитической эпохи, начавшийся в азийских культурных слоях. Вслед за многими археологами, напр., Сарау-

вом^{*)}, я называю его протонеолитом, т.е. „первым новым камнем“, или началом неолитической эпохи. В классификации проф. Городцова ему соответствуют ранняя и средняя поры той же эпохи. В раннюю пору (техника макролитов) поместилась бы азийская культура (поглощающая тарденуазскую последней классификации Мортилье), в среднюю (техника макролитов) вошла бы культура кухонных остатков, тогда как культура Маглемозе составила бы переходную ступень от одной поры к другой. Таким образом, мой протонеолит коренным образом не противоречит таблице проф. Городцова, как и последняя, как мне представляется, в свою очередь не опровергает правильности моей схемы. Для археолога важно иметь заготовленные графы для разнесения по ним находимых вещественных памятников. Историк культуры вовсе не нуждается в непрерывно изменяющиеся культурные комплексы в чисто археологические клетки ранней и средней поры. Он расчленяет жизненный поток, лишь замечая в изученной части его относительную завершенность и цельность. Тогда делается остановка, из сплошного исторического процесса выделяется определенный отрезок, которому дается известное название. Слово магическое кольцо, охватывает оно вырванные из прошлого культурные комплексы, так как со всякими названиями в нашем уме соединяется (ассоциируется) ряд обобщений относительно этих комплексов. Мне кажется, введение в историю первобытной культуры названия протонеолит будет бесполезно, так как оно обладает большой обобщающей силой^{**)}.

Последняя. Для палеонтологов и геологов протонеолит совпадение дает со второй половиной последнеледниковой эпохи, эпоха промежуточной между концом ледниковой (плейстоцена) и современной (иначе голоценом). Правда, моллюски были тех же видов, что и ныне, но они странствовали, сменяя в определенных районах друг друга: в нынешнем Балтийском море не найдешь живых моллюсков иольии, анцилуса, литорины и одновременной с последней устрицы, а в округе пещеры Мас д'Азиль теперь не встретишь лесной улитки (*helix nemoralis*). Правда, последние мамонты, сибирские носороги, пещерные медведи—вымерли, а полярная фауна с северным оленем во главе навсегда покинула умеренные европейские страны. Но не прекратились скитания животных и растений, еще не закрепившихся в неподвижных поясах-зонах. Так, в Дании лиственные поро-

*) „L'Anthropologie“. 1913 г. 64. Сараув заключает протонеолит не кухонными остатками, а кампинийской культурой (Франция).

**) Теперь я считаю возможным выделить протонеолит в особую „прото-неолитическую эпоху, или эпоху наточенных орудий“, стоящую между палеолитической и неолитической. Кампинийскую культуру включаю в протонеолит. В этом третьем издании, во избежание разнобоя со статьей и таблицей проф. В. А. Городцова, я оставляю протонеолит в неолитической эпохе, а кампинийской культурой возглавляю позднюю пору последней.

ды (дуб) вытеснили хвойные (сосну), а благородный олень сменил дося. Переселение в недрах органического мира были последствиями неустойчивого равновесия неорганической, мертвой природы. Море яростно штурмовало сушу. В разных углах Европы—в Прикаспийской области, в приокеанической Португалии и особенно в Прибалтике (см. выше рис. 26)—найлены следы изменения очертаний линии, отделяющей морские волны от твердой суши. Так, в раковинной куче Кабецо д'Аррюда, расположенной теперь в 25 километрах от океана, найдены океанические раковины (между прочим, устрицы). Картальяк вполне правильно видит в этом доказательство того, что океан тогда гораздо дальше проникал в глубь Португалии: таких гор раковин нельзя было наносить за десятки верст от прибрежных отмелей. Значительным колебаниям подвергалось и количество осадков. Великий ледяной покров неохотно отступал в свое внешнее нагорное убежище. На протонеолит падают два наступления ледников, определенно доказанные для Приальпийской области. Это—Гжницкое и Даунское наступления, когда линия вечного снега в городах спускалась соответственно на 600 и на 300 метров ниже, чем теперь. Европа в последниковую эпоху еще не обрела устойчивого, неподвижного облика. По разрозненным следам можно в общих чертах набросать грубую схему его изменений. Это придется сделать сперва порознь для Западной и Восточной Европы. Проф. В. А. Городцов *) очень остроумно выдвинул последовательность слоев в пещере Мас д'Азиль, как своеобразный климатомер последниковой эпохи. Мы уже видели, что здесь культурные слои чередуются с пустыми (см. выше стр. 96). Последние произошли от затопления пещеры горной речкой Аризой, подъем воды которой, по его мнению, вызывался частичными наступлениями ледников в Пиринейских горах. Пустой слой № 3, разделяющий два мадленских слоя, он относит к Бюльскому, а пустой слой № 5, разделяющий мадленский (№ 4) и собственно азильский (№ 6) слои, приписывает Гжницкому наступлению ледника. По его мнению, Даунское наступление было слишком слабо, чтобы затопить пещеру. Но наблюдение проф. Городцова можно продолжить. В верхнем ярусе азильского слоя (№ 6) начинает часто встречаться лесная улитка (*helix nemoralis*), чрезвычайно многочисленная в 7-м аризском слое с его раковинными кучами, но пропадающая уже в 8-м слое развитого неолита и не встречающаяся в окрестностях пещеры и теперь. Ученые подметили, что она любит сырость, и что ее появление знаменует увлажнение климата. Замечательно, что подобное увлажнение имело место и в других пунктах. Лесную улитку в изобилии находят в позднеазильских культурных слоях пещер Оффнет в Баварии и Валле (Испания) в соответ-

*) В своей печатающейся в Госизлате „Первобытной археологии“. За возможность ознакомиться с ней в рукописи приношу проф. В. А. Городцову глубокую благодарность.

ствующих аризмскому „астурийских“ слоях пещер Астурии (Испания же) Невольно рост влажности, отмечаемый этой улиткой, хочется объяснить Даунским возвратом ледника. Тогда азийская культура совпадает с промежутком времени между Гжницким и Даунским, а культура кухонных остатков, в ее ранних формах, будет одновременна с Даунским наступлением ледника. После этого линия вечных снегов устанавливается окончательно на современном уровне, и начинается современная геологическая эпоха.

В Восточной Европе происходит подобный же процесс, изученный более детально и надежно. Как мы видели (см. рис. 26) в Прибалтике последовательно существовали три бассейна: Иольдиево море, Анцилово озеро и Литориново море. Климат на берегах озера, покрытых хвойными лесами (сосна), отличался сухостью и холодом: теплые воды Северного моря не могли проникнуть в замкнутое озеро. Напротив, Литориново море, соединенное широкими проливами с Северным, доставило Прибалтике климатический оптимум, почему берега его покрылись листовым лесом (дуб). Климат стал более теплым и влажным. Только с поднятием почвы, когда проливы приняли современный вид, и образовалось нынешнее Балтийское море, климат стал более холодным и сухим: бук появился на берегах Дании, а устрица покинула Балтийский бассейн, ставший слишком холодным и малосоленным. Проф. В. А. Городцов на основании своих раскопок в поемной долине реки Оки устанавливает для Средней России такую последовательность природных изменений. Борковская дюна (близ Рязани) позволила ему определить последовательность почвенных слоев, прекрасно различавшихся и цветом почв, и характером вещественных остатков человека. Считая сверху вниз, Городцов под современным растительным покровом (2—3 вершка) насчитал следующие 4 слоя: 1) темноуглистый слой (5—16 вершков), относящийся верхним ярусом к металлической эпохе; 2) пепелисто-темный культурный слой (2—4 вершка) с глиняной узорчатой посудой и орудиями позднего неолита; 3) слой красновато-неслоистых песков (20—28 вершков), в котором найдены рядом с углями, без посуды и других остатков, макролиты, лежавшие на самом дне этого слоя, на глубине 20 и 28 вершков; в этом же слое, вершках в 8 от его поверхности, найдено 2 макролита, именно мотыкообразных топора *); и 4) слой желтовато-бледных песков ядра дюны с нежно-воздушной слоистостью, в одном месте прикрытый тонкой темноватой прослойкой растительной почвы, указывающей на зарастание подвижной дюны и сохранившей в себе несколько угольков, следов давно потухшего человеческого костра. Проф.

*) Как указывает и проф. Городцов, русскому археологу П. П. Ефименко лишь в 1917 году удалось доказать существование в России макролитов, аналогичных западно-европейским топорам-резакам и мотыкам.

Городцову удалось доказать, что подвижные песчаные ядра приокских дюн выступили из речных вод, обмелевших благодаря сучому и холодному климату, в самом начале послеледниковой эпохи. Они образовались до отложения прибрежного наноса аллювия, вся толща которого соответствует по времени образования растительным покровам песчаного дюнного ядра. Следовательно, на берегах доисторической Оки люди макролитов появились одновременно с первым растительным чехлом; долина Оки из степи лишь переходила в лесостепь. Значительно позднее появились люди с макролитами, орудиями лесных обитателей: дюны уже успокоились под связавшим их лесным покровом. 2-ой культурный слой показывает, что лес был так густ, что люди, обладавшие уже полированными орудиями, должны были его выжигать, откуда и пепелисто-темный цвет этого слоя. Нам необходимо теперь произвести спивание приокских и прибалтийских культурных слоев, иначе говоря, выполнить стратиграфическую коннексию. Тогда песчаным приокским дюнам будет соответствовать конец Иольдиева моря или начало Анциллово озера, когда царил холодный и сухой климат. Человек макролитов, появившийся при переходе степи в лес, не имеет современника в Прибалтике. Возможно, что младшим его современником был обитатель сосновых лесов, человек из Маглемозе, так как человек макролитов обитал, вероятно, и в лесу, победившем степь. Приокского человека макролитов, следуя типологическому методу, следует считать современником людей Маглемозе или кухонных остатков. Так как покрытие лесом берегов Оки следует связать с ростом тепла и влаги, то всего вероятнее отнести его ко временам именно древнейших кухонных остатков, совпавших с Литориновым теплым морем, когда лиственный лес добрался до средней прибрежной Швеции. Вполне естественно допустить, что лес двигался не только к северу, но и к югу, во внутренние области России. Эта победа леса над степью знаменовала явное увлажнение климата. Любопытно, что в раннюю пору степь проникала очень далеко к северу: в Вологодской губернии найдены слои чернозема. В среднюю пору неолита черноземные степи стали отступать к югу, куда следом за ними надвинулись леса. В Вологодской губернии, в средней России, Прикарпатьи, вероятно, и в других предгорьях России степной чернозем испытывает перерождение под влиянием лесной растительности, получая ореховатое строение, вместо однородного и сплошного. Наконец, идя типологическим путем, приокского человека полированных орудий следует отнести ко временам Балтийского моря, на берегах которого установился климат, более сухой и холодный, чем во времена литоринового оптимума: в частности, дуб в Дании оказался вытеснен букom. Замечательно, что выжигание приокских дюн, в огромных размерах практиковавшееся приокскими людьми полированных орудий, не могло иметь места во влажном лесу. Современные примеры легко подтверждают нам это. Австралийцы выжигают сухую траву, Свен-Геддин в Цент-

ральной Азии жег высохший тростник, в Южной Америке выжигание леса практикуется лишь к югу от Амазонки в области сухих тропических лесов, но неприменимо в зоне сырого тропического леса, покрывающего берега этой многоводнейшей на земле реки. Лес в долине Оки, соответствующий 2-му культурному слою, мог быть выжжен лишь при условии, что он был сравнительно сухой, и топи и болота в нем были сравнительно редки. Эта мысль о сыром приокском лесу времен макролитов покажется еще правдоподобней, если произвести коннексию восточной и западной европейской последовательности слоев. Огромнейшее ледовитое Иольдиево море не осталось без влияния на Бюльское и Гжницкое попятное возвращение ледника. Вслед за Гжницким возвратом мы на Западе находим азийскую культуру, а на Востоке культуру Маглемозе и Анцилово озеро. Даунский возврат льда совпадает в Западной Европе с концом азийской и с аризской культурой раковинных куч лесной улитки. Одновременно в Восточной Европе образуется открытое и теплое Литориново море; в Дании возникает культура кухонных остатков, и дуб вытесняет сосну. Наконец, наступает современная геологический период, и с ним приходит развитый неолит: пропадает лесная улитка из Мас д'Азиль; дуб уступает место буку в Дании.

В послеледниковую эпоху Европа испытала взаимное перемещение границ степи и леса. Можно сказать, что она прошла через три последовательные фазы: степи, леса сухого и леса влажного; представление о последнем, и то очень слабое, может дать область Пинских болот в белорусском Полесье. Конечно, эти три фазы надо понимать с известным ограничением. Не вся Европа сплошь обращалась то в голую степь, то в непролазный влажный лес. В каждую из этих фаз можно говорить лишь о наступании (трансгрессии) одной из этих растительных зон, о расширении ее за счет других. При этом не следует забывать, что только современным ученым заметны линии разреза между этими фазами: для населения Европы протонеолита все эти великие колебания оставались совершенно незаметны, потому что совершались не столетиями, а целыми тысячелетиями.

Колебания природных условий позволяют сделать попытку определения абсолютной хронологии послеледниковой эпохи. Наиболее точные часы для определения ее времени, казалось, удалось найти скандинавскому ученому де Гееру (de Geer). Его метод наблюдения „годовых колец“ в почвенных отложениях напоминает вычисление возраста дерева по кольцам его древесины. При отступании на вершины Скандинавских гор последний (4-й?) ледник таял, отступая на север и своими водами отлагал ил в небольших озерах. В летнее время этого ила отлагалось больше, ибо таяние шло сильнее, зимою меньше, но за то с большим содержанием перегноя отмерших осенью растений. В итоге, осадки озер, образованные при отступлении льда оказались сложными, состоящими из двухполосных ленточек, соот-

ветствующих каждая одному году. Изучив свыше 7.000 таких прослоек и произведя коннексию, т. е. связь их между собою, де Геер насчитал, что последледниковая эпоха длилась около 7.000 лет. Его коллега Сернанден определил ее в 8.000 лет. На современную эпоху геологи дают 5.000 лет. Тогда оказывается, что Шонен в Швеции был очищен ото льда за 12.000 (по де Гееру) или 13.000 (по Сернандеру) лет до нашего момента. Ученые считают концом последнего оледенения очищение Гельсберга (50°40' сев. широты в Саксонии). Тогда на движение ледника от Саксонии до состояния покоя („стационарное положение“) в Южной Швеции геологи кладут еще 4.000 лет (это— „позднее оледенение“, или время таяния последнего ледника). Итак, с конца последнего оледенения („позднее оледенение“ + последледниковая эпоха + современная эпоха) до современного момента протекло 16.000 или 17.000 лет*). Английский геолог Соллас (Sollas), идя от де Геера, определяет конец Бюльского возврата ледников за 15.000 лет до Р. Хр. К сожалению, и процесс образования годовых колец мог отобразиться в почве не так полно, как предполагает это школа де Геера. Много колец могло исчезнуть, почему его „геохронология“ может оказаться чересчур короткой. Академик Ферсман указывает, что Кейльгак и Верт (1920 г.) относят образование Анцилово озеро за 11.000 лет, а начало европейского неолита (полированные орудия) за 7.000 лет до настоящего момента**). Обермайер относит образование Анцилово озеро за 10.000 лет, Литоринового моря за 8.000 лет до Р. Хр., начало современной геологической эпохи за 6.000 лет до Р. Хр.***). На этих цифрах, может, и следует остановиться, помня их крайне грубую приближенность и полную вероятность ошибки в несколько тысячелетий. Таким образом, протонеолит с его неустойчивой, колеблющейся природной обстановкой падает на промежуток времени между 10 и 6 тысячами лет до Р. Хр.

Словно в полном соответствии с переходным, неустойчивым характером последледниковой эпохи, культура протонеолита называется промежуточной между конечной поздней порой палеолита и собственно неолита. Этот промежуточный и связующий характер протонеолита хорошо выявился особенно благодаря открытиям Сараува в Маглемозе, Брейля и Обермайера в Валле и благодаря старым приокским находкам Городцова, значение которых уяснилось для него самого лишь с установлением П. П. Ефименко (1917 г.) тесного сходства между русскими и западно-европейскими макролитами. Конечно, не только для

* Новейшие данные об абсолютной хронологии позднего оледенения и последледниковой эпохи см. в приложенном к Archiv für Anthropologie 1920, Bd. 18 (N. F.), Heft 1/2, Korrespondenz-Blatt 1919 № 5/8, S. 49—50 (Riharz), 1920 № 1/4, S. 7—10 (E. Werth), 1920 № 5/10, S. 19—22 (Niklasson). Работа де Геера в немецком переводе: S. de Geer. Geochronologie der letzten 12.000 Jahre (Golog Rundschau 1912, III, S. 457 ff. Новые данные и детали см. проф. В. Доктуровский Болота и торфяники, развитие и строение их. Москва, 1922, стр. 157—207, глава. 3, где использована новейшая шведская литература.

** Ферсман. „Время“. Петрогр 1922, с.с. 29—30 и 49—50.

*** Обермайер, с. 554.

русской, но и для блестящей французской археологии такой контакт может дать плодотворные результаты. Международный подход к научной проблеме, конечно, окажется более могучим двигателем, ускоряющим ее разрешение, чем национальные разрозненные попытки. Но эта достаточно ясная идея не должна нас отвлекать от подведения итогов культурных достижений протонеолита.

В преддверии хозяйственного переворота. В обработке орудий труда тесная связь с концом палеолита не была порвана. Боровская дюна в России и, вероятно, соответствующая ей открытая тарденуазская стоянка во Франции говорят о появлении микролитов в самом начале протонеолита еще в „степной“ Европе. С. Рейнах, как мы видели, указывает на распространенность мелких каменных орудий именно в безлесных областях. Мы знаем, что микролиты были уже у мадленцев, правда, только простых форм. В протонеолит появляются геометрические микролиты, но рядом с ними, а иногда отдельно от них, находили и микролиты старой простой формы. Надо к этому добавить, что те и другие микролиты получились отжиманием, только края геометрических подвергались тонкой ретуши, придававшей им правильную треугольную, полукруглую (см. рис. 16), ромбо или трапециевидную форму. Весьма вероятно, что эти геометрические микролиты применялись в качестве наконечников стрел, при чем луки со стрелами, особенно с тупыми полукруглыми наконечниками, по мнению проф. Городцова, служили не только для охоты, но и для рыболовства^{*)}. Новость по сравнению с мадленской культурой представляют появляющиеся позднее микролитов крупные макролиты в их двух характернейших видах: топоров-мотык и топоров-резakov. Для изготовления их применяется тесаная техника. Хотя мотыки (рис) удивительно напоминают шельские ручные ударники, но мы имеем дело с конвергенцией, появлением одинаковых форм при одинаковой природной обстановке. Крупные орудия, по Рейнаху, связаны с лесной зоной. Режущие топоры заостряются, натачиваются. В этом натачивании лезвий можно видеть первый шаг к полировке. В протонеолит явилась особая наточенная техника. Прообразами микролитов были геометрические микролиты: для мотыки—удлиненный треугольный микролит, а для резака—трапециевидный. Костяная и роговая техника испытала больше потрясений, благодаря исчезновению слоновой кости и рога северного оленя. После некоторого кризиса она однако приспособилась к новому материалу — рогу благородного оленя. Утрачивая некоторые формы, костяная техника находила новые, напр., костяные крючки для удочек, очеvь

^{*)} Австралийцы бьют рыбу дротиками с зубчатыми наконечниками (Hoernes I, 487, рис. 179). Андаманцы, стоящие выше австралийцев, „стреляют“ рыбу из луков (Hoernes I, 487, рис. 180 на с. 488).

сходные с современными металлическими, крупные роговые мотыки с просверленным отверстием для насадки на рукоятку. Такая роговая мотыка могла стать земледельческим орудием будущего, для каковой цели вполне годился и грубый овально-удлиненный кремневый топор-мотыка (рис). Среди прочей скудной утвари можно выделить гребень для расчесывания шерсти. Он является и первым шагом к будущему ткацкому ремеслу и памятником развития плетенья из шерсти. Крупнейшим же изобретением второй половины протонеолита является глиняная посуда, гордость культуры кухонных остатков. Ученые указывают на возможность для людей отныне постоянной варки горячей жидкой пищи. Жесткие и твердые зерна растений, нездоровые сырые плоды и корни в вареном виде стали удобоваримее, питательнее и вкуснее. Счастливые обладатели раковинных куч лакомились не только устрицами, но и супом. Не только женщина с детьми, но и разборчивый мужчина свыкался с облагороженной, культивированной варкой растительной пищи, которая могла теперь успешнее соперничать с мясной. Глиняный горшок должен был примирить человечество с победой вегетарианского стола над мясным, наступившей с торжеством земледелия над охотой в ближайшую пору неолита. Необходимо отметить существование у людей протонеолита водных средств сообщения: каких-то плотов в Маглемозе, каких-то лодок у датских рыбаков раковинных куч. Эти предполагаемые, но еще не найденные и потому неизвестные нам суда подготовили возможность водных сообщений между отдельными медвежьими углами заросшей лесной чащей Европы. Орудия труда отображали изменения хозяйственной жизни. Эти изменения, на современную мерку крайне незначительные, не могут быть описаны сколько нибудь подробно, и, с моей точки зрения, было бы слишком смело покрывать их современными экономическими терминами. Степь, сменившая в конце ледниковой эпохи тундру, была, вероятно, в высшей степени благоприятна для охотничьей деятельности мужчины. Но культуры этого времени слишком срослись с мадленской, чтобы их можно было выделить. Лес, заступивший место степи, затруднил передвижение человека и укоротил его охотничьи районы. Человек вступил в симбиоз с собакой, чтобы с помощью ее чутья и неутомимости увеличить продуктивность своего труда. В Маглемозе найдена первая домашняя собака. Хотя предок этого животного (не то волк, не то шакал) скорее самоприручился, чем был приручен, и оказался необыкновенно приспособлен к бродячей жизни своего господина человека, все же этот первый, и потому самый трудный, опыт приручения животного был проделан в протонеолит. Дальнейшие более легкие опыты развитого неолита явились как бы его продолжением. Вытеснение сухих лесов влажными воспрепятствовало развитию и этой усовершенствованной охоты. Первенство переходило к рыболовству. Мужчина все чаще и чаще устремлялся на простор вод и все реже и реже проникал в непролазную чащу

леса. Если охота мужчин переживала к концу протонеолита кризис, то собирательство женщины и детей, наоборот, разрослось до более крупных размеров. В культуре кухонных остатков особенное развитие получила одна ветвь его—сбор моллюсков. Разумеется, поиски растений не прекратились: мотыкообразные инструменты, может, даже указывают на усиление их. Глиняная посуда тоже говорит о распространенности и важном значении растительной пищи. Никакого другого разделения труда, кроме поло—возрастного, незаметно. Исчезновение искусства, примитивность жилищ, частичные погребения без сопутствующих даров говорят об отсутствии „прибавочного продукта“. Не следует однако делать из этого вывод о хозяйственной разрухе: впервые в своей истории человек поры кухонных остатков оказался прикрепленным к раковинной отмели, впервые смог существовать в оседлом состоянии. Хозяйственное развитие протонеолита было медленным восхождением к новым высшим формам хозяйства—земледелию и скотоводству. Хотя ему не удалось дойти до „настоящих“ домашних растений и животных, но им было немало сделано для их достижения.

Тотемическое общество и доиндивидуальный (групповой) брак.

Еще хуже хозяйственной поддается восстановлению общественная жизнь людей протонеолита. Нашим главным источником становится живой протонеолит—австралийская культура. Однако, данные австралийской этнографии должны строго проверяться и сопоставляться с ископаемым археологическим материалом. Охота, рыболовство и собирательство в протонеолитической Европе так же, как и в Австралии, связывались с тотемической организацией общества. По Европе некогда бродили, перемещаясь в пределах своих кормовых областей, странные тотемические группы людей-быков, оленей, собак, овса, пшеницы, огня и пр. и пр. Здесь же существовали половозрастные разряды общества, соответствующие поло-возрастному разделению труда. Во главе тотем-группы стояли ее старики. Существовал на нашем материке и доиндивидуальный (групповой) брак... Здесь я предчувствую, многие из читателей возмутятся наложением такого пятна на европейского предка. Вопрос о первобытном браке слишком тесно связан с современным женским вопросом. Охранить святость нынешнего индивидуального брака многие думали указанием на его извечность. Археолог Обермайер приписывает его людям первокамней-эолитов и непрочь перенести его еще глубже, если бы что-нибудь было до эолитов, этих древнейших памятников человеческого бытия. Гельсингфорский, а затем лондонский проф. Вестермарк доказывает изначальность единоженства (моногамии) и „одинокый быт“ человека. За границей, особенно в Англии, эти теории господствуют, как помогающие бороться с ростом половой безнравственности и коммунизма. Но замечательно, что ученым давно уже известен документ, доказывающий наличие подобия группового брака именно

предков англичан, столь гордящихся незыблемостью своего домашнего очага и семейных устоев. О нем говорит такой надежный свидетель, как Юлий Цезарь. Великий римский полководец за полсотни лет до Р. Хр. встретил на Оловянном острове внутреннее племена, не знавшие земледелия, жившие мясом и молоком, покрытые шкурами и раскрашивающие тело голубой краской. Жены у них в общем владении у 10 или 12 мужчин, особенно (maxime) у братьев с братьями и родителей с детьми*). В этом описании нельзя не узнать именно группового брака. Правда, общность жен у родителей с детьми ему противоречит. Австралийский материал позволяет нам вполне разобраться в описании римского вождя. Сам Цезарь определенно указывает, что общих жен имеют группы мужчин (десятки и дюжины) и не родственники друг к другу. Термин „братья“, которым, вероятно, назывались участники такого группового брака, и спутал Цезаря. Он вызвал в его уме мысль о римской семье с ее родственными отношениями. Отсюда и прибавка о женах, общих у родителей с детьми: нарушения семейной морали в Риме показались Цезарю обычным явлением у жалких дикарей Британии.

Замечательно, что у галлов и германцев, людей железной культуры, ни Цезарь, ни другие авторы не указывают ничего подобного. Напротив, всем известны восхваления Тацитом чистоты германских семейных отношений. Британцы во времена Цезаря представляли из себя живой анахронизм, обломки бронзовой культуры в железной эпохе: у них появились только железные кольца, служившие, вероятно, наряду с медными слитками, деньгами; они сражались на старомодных колесницах, а не верхом на лошадях. Очень важно, что Цезарь приписывает доиндивидуальный (групповой) брак не земледельцам юго-востока Англии, а диким внутренним племенам, не то охотникам, не то скотоводам, но определенно подвижным, не ведавшим земледелия **). На изолированном Оловянном острове, нынешнем восточном острове океанов, около времени Р. Хр. сохранился живой обломок группового брака, который в наибольшей сохранности еще 20 лет назад существовал у племени урабуяна в Австралии и за десять тысячелетий—у европейцев протонеолита. Так как доиндивидуальный брак неразрывно связан с классификационным родством, последнее с половозрастными разрядами и т. д., то мы опять приходим к мысли о тотемической организации общества протонеолита, исходя из пережитков его в позднейшей, металлической культуре. Но этот позднейший третьесточник гораздо ненадежнее австралийского второсточника, в свою очередь, менее надежного, чем археологический первоисточник, извлекаемый из протонеолитических культурных слоев ископаемой Европы.

*) Uxores habent deni duodenque inter se communes, et maxime fratres cum fratribus parentesque cum liberis (Caesar. De bello gallico, V, 4).

**) Я не анализирую здесь менее отчетливые сообщения об остатках группового брака, сделанные античными писателями Herodian III, 14; Dio-Cassius 76, 12 [каледонцы в Шотландии]; Xenophon. De republ. Laced., I, 8; Polybius XIII, 6 (спартавцы в Греции).

Восстановление общественного строя протонеолита не обладает такой достоверностью, как таковое материального быта. Рост оседлости в культурной группе кухонных остатков вел к разложению бродячего тотемического общества. В Центральной Бразилии Штейнен наблюдал индейское племя бороро, живущее скорее оседло, чем бродяче: у них есть поселки-деревни, выделяется грубая глиняная посуда. Женщины бороро—собираательницы, тогда как мужчины скорее рыболовы, чем звероловы. Речной берег крепко привязывает их к себе. Общество бороро делится на два больших разряда: на холостую молодежь (до 40 лет!), живущую в общем, мужском доме, и на семейных мужчин, имеющих пристанище в маленьких семейных хижинах. Молодежь или силой похищает, или открыто приводит в мужской дом девушек, дочерей женатых соплеменников. Здесь группа молодых людей вступает с ними в брак. Возможные дети зовут „отцами“ всех мужей своей матери. Пожилые и сильные мужчины владеют одной-двумя женами, которыми не делятся с прочими членами группы. Родство ведется по женской линии. Покровителем девушки считается не отец ее, а дядя по матери. Так, у бороро рядом с доиндивидуальным (групповым) браком появляется индивидуальный. Это еще не настоящая моногамия (единобрачие), а по выражению Моргака „парный брак“ или синдиасмия. Он непрочен и фактически является чередующимся многоженством. Но все же при таком парном браке является мысль об отцовстве. Зарождается обычай кувады: по рождении ребенка отец и мать два дня ничего не едят, а на третий день лишь пьют теплую воду: иначе и отец и дитя заболели бы. Так с оседлостью в недрах групповых брачных отношений завязываются индивидуальные.

Фрагменты
духовной
жизни.

Довольно смутно выявляется и духовный мир протонеолита. В лабиринте их дологического мышления наш главный путеводитель—австралийская чуринга, столь изумительно похожая на азийскую раскрашенную гальку. Она рассказывает нам о судьбах магленских колдовства и пратотемизма. В Европе, подобно Австралии, имелись священные пещеры, скрывавшие чуринги, живые частицы предков. Сложные и полные тайны чародейские церемонии совершались и на европейской почве. Чуринга же говорит нам о победе парциального колдовства („часть замещает целое“) над симильным („подобное замещает подобное“). Эта победа парциальной мысли выразилась в перерождении искусства. Как и в Австралии, в Европе люди протонеолита перешли от магленского натурализма к схематизму (Маглемозе) и даже символизму (Мас д'Азиль). Правда, красные узоры азийских камней кажутся символичными только нам: вероятно, для азийцев они были лишь сильно упрощенными схематическими изображениями предметов реального мира. Так заставляют думать австралийцы, в самых таинственных чертежах которых, по крайней мере, „старики“ открывают совершенно реальный смысл. Схематичность же

искусства протонеолита, доходящая до полной непонятности, — факт, твердо установленный. Видимо, отсутствие прибавочного продукта не позволяло тратить столько времени и труда на производство искусства, сколько тратил пещерный художник мадленец. Отсюда — беглая, поспешная манера рисовальщика, схватывающего частичные, характерные стороны предмета. Отсюда недоговоренность этих рисунков, понятность их лишь в узком кругу стариков. Можно думать, что на это схематическое искусство оказало сильное влияние плетение, первые вещественные следы которого (гребень) мы встречаем в культуре кухонных остатков. По крайней мере, в Австралии такую связь схематического искусства и плетения установили как будто возможно. В Северном Куинсленде туземцы забавляются особой игрой — „плетенками“. Между пальцами двух рук они сплетают разнообразные узоры, изображающие людей или животных: таковы изображения *) птицы казуара, двух рыб и многие другие. Можно предположить существование таких плетений и у людей протонеолита, и тогда придется признать большое значение их в выработке форм нового схематизированного искусства. Здесь следует попутно указать, что ископаемые люди не только на вечном материале, каковы кости и камень, оставляли следы своего искусства. Они, несомненно, должны были гравировать на дереве, могли плести из шнурков, чертили просто на земле (как австралийцы при своих магических обрядах), делали чучела из трав (как те же австралийцы), но время погубило подобные тленные материалы. Поэтому в кухонных остатках могли быть кое-какие, правда, жалкие произведения искусства, не дошедшие до нас. Как и общественный строй, духовный мир людей раковинных куч остается для нас темным. Можно только предполагать у них дальнейший рост парциальной мысли и параллельно разложение тотемизма. Если видеть в прирученной собаке святое тотемическое животное, то поедание этой собаки, унаследованной от людей Маглемозе, может говорить об упадке тотемических верований у рыбаков раковинных куч. Но это нарушение пищевого запрета слишком слабое указание, чтобы отважиться сделать из него твердый вывод **).

В итоге, к концу протонеолита население Европы распалось на два слоя. Одни остались охотниками и передвигались в своих кормовых областях, в степях и сухих лесах Европы. Другие стали рыбаками и собирателями моллюсков в тех местах, где увлажнение леса притиснуло их к берегам моря или реки. В обстановке полуседлости последние образовали те элементы культуры, которые позднее при просыхании леса дали им возможность произвести великий хозяйственный переворот, перейти к земледелию и скотоводству.

*) Народы мира. СПб., 1916 (изд. Сойкина), с. 130.

**) Живучесть пережитков тотемизма показана Thomas. Animal superstitions and Totemism (Folk-Lore 1900, t. XI, 227 ff.) и Paneritius Marie. Europäische Totemismus (Antropos 1917/18, Bd XII/XIII, J. 339ff.).

II. Пора полированных орудий

I. Культура землянок.

1а, Кампинийская яма.

Что в ней
нашли?

Во Франции, в области Нижней Сены, на холме Кампиньи ученые раскопали округленную яму с наибольшим поперечником в 4,3 метра. На ее дне

заполненном желтой глиной, найдены остатки очага, пепел, угли дуба и вяза, множество кремневых осколков неопределенной формы и грубые сверла, скребки, пластинки с выемками, известные еще с палеолитической эпохи. Наиболее интересны были „макролиты“, наточенные топоры-резаки и топоры-мотыки (рис. 33), похожие на уже знакомые нам под теми же названиями орудия из Маглемозе и кухонных остатков (см. рис. 29). Редкие кости животных принадлежали оленю, лошади и быку. Был найден кусок песчаника — несомненная зернотерка, применявшаяся для размалывания зерен. На одном из глиняных черепков найден отпечаток ячменного зерна. Открыта масса обломков глиняной посуды; некоторые из хорошей глины с довольно сложным орнаментом. Верх ямы был прикрыт тонким слоем растительного перегноя с полированными топорами; ниже этого слоя, внутри ямы, ни одного полированного топора найдено не было. Перед нами переходная „кампинийская“ культура.

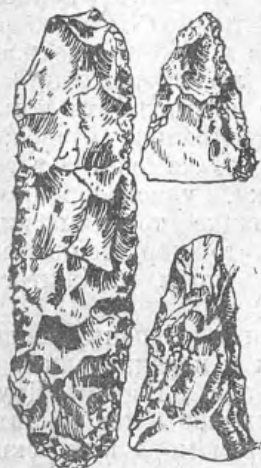

Рис. 33.
Кампинийские макролиты:
слева — мотыка, справа —
резаки.

Вокруг этой находки завязался горячий ученый спор о черепках. Сальмон увидел в ней кампинийскую культуру, начинавшую неолит. Другие археологи считали ее отсталой местной культурой самого конца неолита. В значительной мере спор шел из-за черепков. Косые треугольники („волчьи зубы“), шашечные клетки и зигзаги кампинийской посуды были

весьма сходны с посудой южно-французского городища Шассей, относимой не только к концу неолита, но даже к началу бронзы. Самыми крупными знатоками неолитической керамики, или гончарного искусства, являются немецкие археологи. Большинство их делит по узору-орнаменту всю керамику на две основных группы: ленточную и шнуровую, причем первую считают древнее второй. В ленточной же керамике древнейшей разновидностью считается „угловато-ленточная“, образцом которой и можно считать посуду Шассей. Центр производства угловато-ленточной керамики находился якобы в юго-западной Германии, в области Рейна. Ученые объясняют и происхождение угловато-ленточного орнамента. Для подвязывания глиняного сосуда по бокам его приделывались ушки. Чтобы они не обломились от тяжести сосуда, их окручивали горизонтально расположенными шнурами. Эти шнуры могли соскользнуть с сосуда, почему скреплялись друг с другом шнурком, пропущенным между впадинами и бугорками сосуда и наискосок связывающим горизонтальные шнуры. Думают, что из усложнения подобной обвязки сосуда и зародилась угловато-ленточная керамика. Таким образом, она могла произойти и независимо в нескольких пунктах. Во всяком случае Кель, Шумахер (к ним присоединился и Гернес), Гейерли считают ленточную посуду древнее шнуровой. Но не все немецкие археологи единогласны: Рейнке и Шлиц держатся обратного мнения, будто старее шнуровая керамика. Эти разногласия убеждают нас, как рискованно по орнаменту определять возраст кампинийской культуры *).

Земледелие появилось? Еще больше недоумений вызывают кости быка и лошади, найденные в кампинийской яме. Домашним или диким животным следует их приписать? Решение вопроса принадлежит зоологам. Но нам необходимо знать их способы различения домашних пород от диких. Зоолог указывает нам такие приметы дикости: или 1) отсутствие грудной полости и редкость позвонков (туша разнимается на части на местах охоты), или 2) присутствие очень старых экземпляров, или 3) приблизительное равенство числа самцов и самок, или 4) анатомическое сходство с современными дикими животными. Наоборот, кости приписываются животным домашним, если 1) все части скелета имеются налицо, или 2) старые экземпляры очень редки, или 3) самки заметно преобладают, или 4) есть анатомическое сходство с современными домашними животными. Среди этих примет полную убедительность имеет лишь последняя: сходство в строении костей. На основании же первых трех делать выводы слишком опасно. Так, археолог Брейль в мадлен-

*] См. Internat. Arch. f. Ethnographie, Suppl. zu Bd. 23, (1915), S. 48: в Голландии в могильном холме найдены рядом шнуровая и ленточная керамика. Интересно, что Навиль считает невозможным восстанавливать развитие культуры (в частности египетской) по изменению керамики. L'histoire ne peut pas se reconstituer avec des tessons seulement (Revue archéologique 1916, p. 164—5).

ских слоях находил целые скелеты сев. оленя, но не рискнул об'явить его домашним животным мадленского человека, как ни была соблазнительна аналогия с современными полярными оленеводами. Но если так, то нам приходится с горечью сознаться, что самое начало скотоводства бесследно скрывается во мгле времен, и свет научной мысли не в силах его обнаружить. Ведь анатомические отличия могут явиться только плодом многолетнего одомашнивания. У кампинийских быка и лошади таких отличий не найдено. Нам скажут что они еще не успели образоваться. Но тогда трудно предположить, чтобы приручение животных началось с таких крупных форм. Можно подумать, что кампинийцы были свиноводами или овцеводами, но трудно видеть в них лошадиников и быководов. Домашнего скота они, видимо, еще не имели.

Гораздо легче решить вопрос о знании кампинийцами земледелия. К натуралисту здесь опять присоединяется археолог. Земледелие существует, если имеются или 1) остатки растений (зерна, плодовые косточки, солома и пр.) и ныне возделываемых человеком, или 2) остатки земледельческих орудий. Первое—ботаническое—доказательство не достаточно полно: нынешние сорные травы и злаки могли возделываться неразборчивыми в пище дикарями и лишь позднее замениться более пригодными и ныне возделываемыми растениями. На очень редких, правда, мадленских гравюрах ученые встречали изображение злаков, но чересчур отважно было бы признать мадленцев земледельцами. Ботаническое доказательство пополняется археологическим. Но и понятие „земледельческого орудия“ недостаточно определено. Чем был мотыкообразный топор, встречавшийся уже нам у людей Маглемозе и кухонных остатков: топором, палкой для пробивания льда при рыбной ловле или мотыкой для разрыхления земли? Если перед нами мотыка, то для посадки растений или для

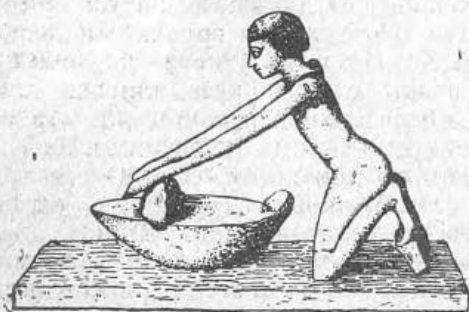

Рис. 34.

Египтянка с зернотеркой (статуэтка конца Древнего Царства).

вырывания диких корней употребляли ее? Ответа нет. Гораздо убедительнее говорит о наличии земледелия зернотерка, орудие для перетирания зерен в муку. Египетская статуэтка (рис. 34) эпохи Древнего Царства (около 2600 лет до Р. Хр.) ясно показывает, как женщина работала на подобной зернотерке. Трудно допустить, чтобы такое специальное орудие понадобилось собирателям дикорастущих растений. Ведь женщинам и детям пришлось бы сортировать свой слу-

чайный и пестрый сбор диких растений и дожидаться, когда накопится достаточно зерна одного сорта для перемалывания его на ручной мельнице. Обилие глиняных черепков говорит о прочной оседлости. Для людей, даже особенно склонных к сомнению, вопрос решает сочетание и ботанических, и технических примет. В отношении кампинийского земледелия мы как раз и располагаем таким совокупным и потому неоспоримым доказательством: перед нами мотыкообразный топор, оттиск ячменного зерна и зернотерка (плюс глиняная посуда, знак оседлости).

Кампиньи, как
финал прото-
неолита.

Едва ли ячменное поле могло играть крупную роль в хозяйстве кампинийцев. Кости быка, лошади и оленя указывают на лесостепь, богатую и степными, и лесными животными. Силы мужчин тратились на охоту. Перед нами первые шаги женского земледелия. В Вормском могильнике конца неолита находят скелеты женщин с зернотерками, ставшими в эпоху земледелия таким же специально женским орудием, каким во времена собирательства была землекопалка. Не даром в кампинийской яме нет еще полированных топоров. Мы лишь в преддверии неолита. Замечательно, что стоянки кампинийского типа найдены и в северной Франции, и в Италии, и в Германии, и в Прибалтике, и в Бельгии. В начале мировой войны Франше сообщил о находке кампинийских орудий на острове Крите *). В конце ее на палестинском фронте Иосиф Байер откопал „аскалонскую“ культуру, вполне ей соответствующую. Правда, сильно увлекаясь, Байер следы этой аскалонской культуры (он без достаточно веских мотивов замещает этим названием кампинийскую) находит и в Азии, и в Африке, и в Австралии **). Всюду характерной чертой кампинийских стоянок являются макролиты: топоры-резаки или топоры-мотыки. Следы земледелия исключительно редки. Они найдены в кухонных остатках Дании: зерна в черепках глиняной посуды. В большинстве же случаев следов земледелия и скотоводства не встречается. Симбиозное хозяйство началось гораздо раньше, чем следы его стали заметны для ученых. Макролиты крепко связывают кампинийскую яму с прото-неолитом. Ее можно считать и его финалом, и интродукцией в пору полированных орудий. Расчленение неолитической эпохи, как и всякая периодизация, конечно, искусственно. В действительности переход одного в другую произошел незаметно. В раковинных кучах Португалии кампинийские орудия найдены перемешанными с полированными ***). В далеком Индо-Китае, в одной пещере Тонкина, найдены макролиты без шлифовки, наточенные (с полировкой у лезвия) и полированные целиком орудия. Глиняная посуда без украшений очень редка. Замеча-

*) *Revue Anthropologique* 1914, № 7—8.

**) I. Bayer. *Der Kulturverlauf im Steinzeitalter* (*Zeitschrift für Ethnologie* 1919, Bd. 51, Heft 2/3 S 163—179.)

***). J. de Morgan. *Les premières civilisations*. Paris, 1909, p. 147 чет. 3.

тельна находка зернотерки. Костей животных чрезвычайно мало. Человек питался растительной пищей. Можно думать, что земледелие уже было известно. Обилие раковин речных и озерных моллюсков указывает на собирательство их и на связь с культурой кухонных остатков. Однако раковинных куч раковины здесь не образуют.

В пещере Тонкина перед нами культура, промежуточная между культурами датских кухонных остатков и французской кампинийской ямы *). У нас в России можно проследить, как возникла и новая форма жилья человека — кампинийская яма. Проф. Антонович открыл близ Киева до 40 неолитических пещер, искусственно вырытых в спусках днепровских берегов и скатах оврагов. В них среди скоплений раковин найдены немногие кости диких животных, жалкие черепки глиняной посуды без орнамента, кое-где кости собаки, но не обнаружено признаков земледелия и скотоводства. Трудно сказать, каким образом приднепровские люди кухонных остатков научились рыть искусственные пещеры. Возможно, их предки жили в настоящих, еще возможнее подражание стригам, роющим ходы в крутых нагорных берегах русских рек. Другим ученым Вильчинским на спуске береговой горы (в окрестностях Киева) обнаружены две круглые колодеобразные вертикальные ямы с остатками длинных лесниц. На половине своей глубины эти ямы соединены искусственной горизонтальной пещерой в рост человека. В ямах опять груды речных раковин и грубейших черепков без всякого орнамента**). Эти приднепровские находки достаточно ясно показывают, что жилые ямы ведут свое происхождение от искусственных пещер и следуют за ступенью кухонных остатков. Кампинийская яма с ее макролитами — закат протонеолита и заря поры полированных орудий.

16. Симбиозное хозяйство.

Землянки. В конце 19 го и в 20-м веке археологи обратили особое внимание на скромные подземные убежища неолитических людей. В разных местах Европы стали открывать „культурные ямы“, „очаги“, „основания хижин“, как их по разному называют. Они относятся и к более ранним, и к более поздним фазам поры полированных орудий, и по содержанию сильно разнятся друг от друга. С поверхности земли ученым, раскапывающим их, эти ямы кажутся пепельно-серыми или темными пятнами круглой, овальной или четырехугольной формы. Их заполняет черная земля, состоящая из пепла очагов и разложившихся органических веществ. В ней встречаются черепки посуды, кости жи-

*) Mansuy, M. Gisement préhistorique de la caverne de Pho-Binh-Gia (Tonkin) (L'Anthropologie, 1909, t. 20 p. 531—43). Зернотерка изображена на стр. 537, рис. 11 и 12.

**) В. А. Городцов Первобытная археология. Москва, 1908, с. 317.

вотных, остатки орудий и домашней утвари. За недостатком места я не могу войти в подробную классификацию этих находок. Для меня достаточно лишь указать, что с течением времени подземные жилища совершенствуются. Они теряют свою связь и сходство с пещерой и начинают более походить на жилье в нашем смысле слова. Тот шалаш, который, вероятно, прикрывал очаги людей кухонных остатков, образовал над ямой конусообразное (над кругловидной) или двухскатное (над прямоугольной ямой) покрытие. Так появляется землянка, совмещающая в себе два прежних вида человеческого жилья: искусственную пещеру и шалаш. На дне ее очаг, в крыше — отверстие для выхода дыма, служащее окном. Землянки испытывают дальнейшие улучшения. Пол мостится, а кругом стен делаются земляные сиденья. Стены ямы подпираются кольями, выдающимися над землей. Промежутки кольев соединяются плетнями, густо обмазываемыми изнутри и снаружи глиной. На дне культурных ям находили куски обожженной глины с отпечатками такого плетня. Римские писатели и изваяния на победных колоннах (напр., арка Траяна) сходно изображают нам устройство германских хижин: землянка пережила века камня. Хотя она кишела насекомыми, отличалась сыростью и зловонием, была полна вечной копоти и едкого дыма, она хорошо оберегала человека от зимней стужи. В этих убогих и незаметных подземных обиталищах неведомо-где и когда начался великий хозяйственный переворот, приведший человечество от паразитного к симбиозному хозяйству, т.е. зародились и медленно развились начатки земледелия и скотоводства.

Одомашнение растений и животных наиболее стройно и блестяще объясняет тотемическая теория, впервые предложенная англичанами Фрэзером и Девонсом. В приложении к неолитической Европе здесь можно дать такой вариант, конечно, весьма схематичный. Каждая из множества тотемических групп, на которые распялились европейцы протонеолита, не вкушала своего тотемического животного или растения. Люди-кабаны воздерживались от свинины, люди-ячмени отказывались от ячменя. Всякий тотем считался патроном-покровителем своей группы: его телом причащались в великие минуты, его присутствие спасало от самых страшных бед. Не трудно было поймать молодого кабана или пересадить поближе к становищу несколько экземпляров ячменя. Но вечные блуждания каждой тотем-группы мешали ей связать себя таким священным бременем. Только тотем-группы, спасавшиеся от надвигающихся болот на побережьях, став полuosедлыми пожирателями раковин и рыб, могли позволить себе роскошь обзаведения громоздким инвентарем — глиняной посудой и „живым“ тотемом. Так, люди-кабаны поместили в загородку кабана, а люди-ячмени насадили небольшое ячменное поле. Великий запрет — табу — оберегал святой тотем от алчности человека, который не только не пожирал, но всяческими чародейскими

церемониями стремился охранить и приумножить священную породу. От наблюдения животных и растений на свободе, люди перешли к колдовским опытам над ними близ своих стоянок. Плоды этих опытов оказались неодинаковы в отношении растений и животных.

Немецкий ученый Ган первый доказал, что человек не может извлечь большой хозяйственной пользы от племенного животного. Узники наших зоологических садов так редко дают приплод, что о разрешении от бремени какой-нибудь львицы печатают в газетах. Но без потомства животные не могут дать и молока. Дикие самки вообще выделяют молоко лишь в количестве, еле достаточном для прокормления их детенышей. Человеку пришлось очень долго доить скот, чтобы развить в нем молочность. Смотреть на свое стадо, как на непортящийся запас животного мяса, первые приручители никак не могли. У нынешних отсталых народностей всюду потребление мяса сильно ограничивается. Даже возделыватели риса—индусы—не едят говядины: корова для них „табу“. Островитяне Тихого океана питают нежную любовь к свиньям; женщины нередко кормят поросят грудью; но свинину ест лишь знать и лишь по праздникам: здесь полу-табу. Африканские негры, владельцы больших стад быков, не убивают своих животных и едят только отбитых у других племен. В Евразии повсеместно евреи не едят свинины, а индо-европейцы питают отвращение к собачине и конине. Такая распространенность мясных запретов очень хорошо подтверждает приручение животных из тотемических побуждений. Австралия и Северная Америка до белых совсем не знали молочных и убойных домашних животных*). Правда, австралийцам, кроме прирученной ими собаки, некого было и приручать: нельзя же доить или запрягать генгуру-двуутробку. Но и северо-американские индейцы, охотники на диких быков—бизонов, стали не бизоноводами, а земледельцами: кроме собаки, у них не было домашних, т.е. хозяйственно-полезных, животных. Скотоводство в Америке появилось позднее земледелия: только с вторжением белых индейцы научились ветром носиться в степи на ввезенных из Европы конях. Таким образом, вне Евразии приходится говорить не о настоящем „скотоводстве“, или разведении животных для хозяйственных целей, а разве о „животноводстве“, условясь понимать под ним приручение без хозяйственных целей, потому имевшее очень незначительные размеры. Надо думать, что и в неолитической Европе животное приручалось на первых порах скорее с чародейской, чем с хозяйственной целью.

Такой же путь прошло и земледелие. Оно началось, вероятно, пересаживанием поближе к жилью тотем-растения. Часть его семян или плодов тратилась на святые трапезы, а часть, огражденная смертоносным табу, сберегалась для великих свя-

*) В Южной Америке только в Перу, золотом царстве инков, имелись стада лам, употреблявшиеся и для перевозки, и на убой, и ради шерсти.

ценнодействий умножения тотемической породы. В этих таинственных церемониях женщине, вероятно, приходилось погружать в недра земли семена, черенки или клубни священного растения. Быть может, она копировала мужчину, создателя живого огня на зажигалке. Как тот вращением острой палочки в углублении деревянной дощечки и подбрасыванием сухих опилок рождает огонь, так женщина, своей землекопалкой протыкая землю и бросая в нее святое семя, рождала новое святое растение. Как тот умел добывать огонь, растирая один кусок дерева другим, так и женщина проводила таинственные борозды на поверхности почвы. Для этой цели удобнее землекопалки оказалась ее разновидность—мотыка, или виловатый сук дерева. Такая деревянная мотыка употреблялась шведами даже в исторические времена. К столь упрощенному „мотычному“ земледелию, как его назвал Ган, незаметно и постепенно могла перейти именно женщина, эта извечная собирательница растений. Ей не требовалось еще ни плуга, ни упряжного животного, ни удобрения. Для ее земледельческо-чародейских операций нужна была лишь относительная оседлость, созданная рыболовством и увлажнением леса. В 1919 г. Ида Ган высказала новую мысль, что предками наших важнейших культурных растений были горькие или ядовитые. Правда, ей удалось собрать лишь далеко неполный материал, но важен первый почин. Она указывает на родство сельдерея и моркови с ядовитой травой горец или горца. Японцы едят ячмень, предварительно сварив его с известью. Необделанное просо горько и даже в форме пшена все же горчит. Горох плохо переваривается нашим желудком. Злаки, особенно ячмень и рожь, слишком тверды и жестки, чтобы их можно было есть в сыром виде. Только побывав на женской кухне, эти растения могли стать пищей человека. С высыханием леса уменьшилось количество вод, а следовательно, моллюсков и рыбы. Странные поля несъедобных растений стали тогда множиться на опушках редящих сухих лесов.

Зародыши симбиозного хозяйства скрыты в столь глубокой подпочве, что археология пока бессильна их обнаружить. Ею не найдена еще ископаемая деревянная первомотыка. Кости же древнейших домашних животных и мотыкообразные кремневые топоры—слишком тусклые и ненадежные показатели животного и растениеводства. Множеству людских поколений пришлось сортировать семена и выбирать производителей, чтобы создать новые породы улучшенных „культурных“ животных и растений. Это был еще вовсе не тот планомерный, „искусственный отбор“ образцовых сельских хозяев, который великий Дарвин чудесно превратил в бессознательный „естественный отбор“, творящий новые разновидности, потом виды в органическом мире, а затем почти неуловимым скачком мысли объявил и сознательный отбор частным видом стихийного, „естественного“. Люди неолита лишь ощупью, часто заблуждаясь и возвращаясь на стезю заблуждений, сокращали вредные и бесполезные элементы своего растительного и животного сообщества, оставляя лишь хозяйственно-

полезные породы. Разложение и забвение тотемизма облегчало людям, хотя и с великим трудом, разгружаться от многих священных обуз.

Переход к настоящему скотоводству совершался особенно медленно. В египетский халколит („меднокаменная“ пора бронзовой эпохи) бык еще имел скорее священное, чем хозяйственное значение. На пластинке Ахи-Менеса, этого создателя великого княжения египетского, мы видим быка, предтечу священного быка Аписа, в загородке-храме, а перед ним человеческая фигура совершает возлияние (рис. 35). Менес, по Э. Мейеру, великокняжил с 3315 года*), а по новейшим предположениям Борхардта, с 4186 или даже с 5646 года до Р. Хр. **). Чистых

Рис. 35.

Священный бык (с пластинки из слоновой кости Ахи-Менеса).

скотоводов в неолите археологи совсем не знают. Кости домашних животных в разных землянках, поселках, больших кладбищах, свайных постройках сопровождаются остатками земледелия. Все названные виды жилищ говорят о сравнительно оседлых людях, а не о кочующих пастухах. Словно булава в стоге сена, подвижные шатры скотоводов с их утварью и костями бесследно исчезли в недрах степей. Если они и были, то разве в самом конце неолита. Крупным стадам домашних животных должны были предшествовать маленькие опыты, требовавшие оседлости. Большое скотоводство, верней всего, ответвление и плод земледелия. Мужчина своим превращением в пастуха косвенно обязан женщине, этой первой „крестьянке“. Но, в свою очередь, женское мотычное земледелие сделалось крупным хозяйственным фактом лишь с приложением к нему изобретательности и физической силы мужчины.

Русским археологам удалось подметить, что дюнные стоянки в долине Оки иногда на десятки верст покрыты слоями пепла. Эта пепелисто-темная пелена, прикрывающая дюны, достигает двух и более аршин толщины. В. А. Городцов указывает, что она образовалась от многократно повторявшихся выжиганий приречного леса. Иногда находили при раскопках и

*) Fimmen, D. Die Kretisch-Mikenische Kultur. Leipzig, 1921. S. 151.

**) Borchardt, L. Die Annalen und die zeitliche Festlegung des Alten Reiches der ägyptischen Geschichte. Berlin, 1917.

обугленные пни деревьев. Так, на небольшой площади дюны Борок, близ села Дубрович (Рязанской губ.), было насчитано более 200 одновременно обожженных пней, причем в среднем на одну квадратную сажень приходилось от двух до трех крупных деревьев. Выжигания многократно повторялись: иначе пепелистый слой не был бы столь мощен, и деревья не сгорели бы до самого основания пней. Их виновником был человек, так как много его орудий найдено в пепелистом слое. По словам проф. В. А. Городцова, эти лесные палы явились настоящим „лучом новой, более культурной жизни“. В пепелистом слое появляется довольно хорошая глиняная посуда и, вместо макролитов, разнообразные полированные орудия. Хорошо известно, что лесные палы имели место и в историческое время и по трем главным побуждениям: для истребления „гноса“, т. е. вредной мошкары, для хищнической охоты или для лесного земледелия. Так как никаких остатков земледелия в пепелистом слое не найдено, то проф. Городцов приписывает насельникам русских неолитических дюн первое или второе побуждение. Для археолога земледелие начинается лишь с появлением его материальных остатков. В России древнейшие следы сразу и земледелия, и скотоводства встречаются впервые только в области трипольской культуры типа А (терминология открывшего ее В. В. Хвойко), характеризующейся цветными раскрашенными сосудами и относящейся к самому концу неолитической эпохи. Но эта развитая культура предполагает существование менее сложных более зачаточных формах симбиозного хозяйства. К сожалению, русским археологам до сих пор такие зачатки обнаружить не удалось. Я не буду гадать, насколько вероятно существование земледелия на русских приречных пожарищах с полированными орудиями. Для меня лишь важно, что на востоке Европы уже в неолитическую эпоху лесная таща уничтожалась „огненным оружием“. Вполне допустимо, что оно применялось и в Западной Европе, первоначально, конечно, не в целях земледелия. Лишь с течением времени женщина стала делать посевы на пожарищах. Постепенно заметили высокую урожайность насаждений на „огнищах“, как на русском севере зовут такие выжженные места. Обилие осадков в Европе делало ее крайне благоприятной для земледелия. Недостаток же тепла вознаграждался замечательным удобрением—золою, получающейся при выжигании леса. Яркую картину земледелия на подобной пали дает Лепехин, наблюдавший ее в 60-х годах 18-го века на северо-востоке Европейской России у зырян. „Озими их,—пишет наш академик,—стояли среди огромных лесов, в которых они пространные вырубают места и, сжегши лес, на пепле сеют хлеб. Сих мест они не пахут, но выжегши лес, прямо сеют и, заборонив, совершают посев. Как для облегчения работы, так и для защиты посеянному хлебу, оставляют на пашне своей несколько дерев не вырубив, которые, чтобы не вытягивали питательного из земли сока, расстоянием от корня

аршина на два сдирают с них кору вокруг^{*)}). Замечательно, что африканские негры тоже оставляют на пашне несрубленные деревья с ободранной корой. „Подсечение“—вырубание деревьев, корчевание пней и выжигание места порубки требовали напряженного и упорного труда. Экономисты, изучая эволюцию форм хозяйства, слишком мало останавливались на таком подсечном или лесном земледелии. Оно встречалось совсем недавно в нашей Сибири и в английской Индии. Оно было известно и первобытным народностям. Не только у негров (железная эпоха), но и у индейцев Северной Америки (меднокаменная пора бронзовой), и у папуасов Новой Гвинеи (новокаменная эпоха), и у бакайри Центральной Бразилии (новокаменная же эпоха) мы встречаемся с огненным земледелием. Его не было лишь в Австралии, хотя выжигание кустарника и сухой травы для целей охоты производится и австралийцами. Наличие подсечного земледелия у живых неолитических дикарей делает вполне вероятным существование его и в ископаемой неолитической Европе. Это земледелие является плодом и мужского, и женского труда. Лишь многим мужским рукам было под силу „подсечь“ лес, выкорчевать пни и выжечь вырубленный участок. Затем трудолюбие женщин довершало остальное—от взрыхления мотыкой плодородного пепельного ковра до уборки урожая. С истощением плодородия почвы мужчины производили новую порубку и выжигание, а женщины переносили свои работы на новое „огнище“. Без тесного сотрудничества мужчин и женщин это подсечное земледелие не могло бы существовать.

Теория
заимство-
вания
с Востока.

Набросанная схема происхождения симбиозного хозяйства приложима, с небольшими поправками, везде и всюду, где оно развивалось самостоятельно из местных туземных условий. Но в отношении Европы многие ученые считают ее неприемлемой. По их мнению, европейские дикари якобы получили культивированные домашние породы из внеевропейских восточных очагов культуры. Такая теория заимствования основывается на изысканиях натуралистов, представителей точных естественных наук, почему и до сих пор не потеряла кредита в широкой публике. В определении анатомических особенностей и взаимоотношения различных пород животных и растений, конечно, зоологи и ботаники не подлежат нашей критике. Но они вынуждены выходить из рамок своей специальности и вторгаться в область доисторической археологии, и вот здесь-то мы имеем право и даже обязанность разобраться в их приемах. В самом деле, как можно определить место одомашнивания известной животной или растительной породы (напр., свиньи или пшеницы)? Натуралисты определяют предварительно дикий вид, наиболее близкий к до-

^{*)} М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры. М. 1915, ч. I, стр. 49.

машней породе (напр., кабан или дикорастущая пшеница). Все места с этой дикой формой оказываются возможными прародинами данного дикого животного или растения. Далее, с помощью археологии или истории, устанавливаются места одомашнения данной дикой формы. Самый древний из этих пунктов становится прародиной культурной формы (свиньи или пшеницы). Обитатели же этого пункта признаются распространителями ее путем обмена или переселения по другим районам. Итак, путь натуралиста распадается на три этапа, определяющие: 1) ближайших диких родичей домашней породы, 2) прародину дикой формы и 3) прародину домашней формы. Ясно, что только на первом этапе натуралисты являются полными хозяевами, а в двух последних они почти всецело зависят от данных историков и археологов, крайне отрывочных и лишенных временной перспективы. У нас не может быть уверенности, что все пункты с дикими формами нам известны. Как раз в культурной Европе исчезновение их уже в незапамятные времена наиболее вероятно. Судя по отвлеченной формулировке, такой метод, хотя и не весьма плодотворный, не мог привести к большим ошибкам. Однако на практике его применение создало не мало недоумений.

Европейцы неолита уже возделывали почти все и ныне культивируемые злаки: им были уже известны ячмень, просо, пшеница, а по новым данным ботаника Нейвейлера, рожь и овес. Очень редкая еще рожь была неизвестна в Средиземноморье. Овес лишь в исторические времена попал в Армению и Малую Азию. Ничто не мешает считать местом их первого возделывания Европу. В дикой форме овес распространен во всем Старом Свете. Просо сравнительно поздно стало возделываться в Египте. Европейцы неолита, вероятно, первые его одомашнили. В диком виде оно встречается в Центральной Азии. Натуралисты предполагают, что прародиной проса и овса следует считать Центральную Азию, исходя из предположения, что современные дикие формы должны указывать исходные пункты культурных. Но разве не столь же правдоподобно противоположное утверждение о превращении культурных сортов в позднейшие одичалые? В густо населенной современной Европе дикие растения, предки культурных, конечно, должны были исчезнуть. Но разве они не могли уцелеть в Азии? Однако это не доказательство древнейшего одомашнения этих растений именно там, где они найдены теперь. В европейском неолите раскопки обнаружили не менее трех сортов пшеницы. Один из них (обыкновенная пшеница) встречается и в древнейшем Египте. В диком виде пшеница встречается и в Междуречье, и в Индии, и в Крыму. Прародина пшеницы неопределенна; древнейшим местом одомашнения был, вероятно, Египет (3000—4000 до Р. Хр.). Но можно ли допустить ввоз первых пшеничных зерен в Европу с Востока, из Египта или другого центра? На этот вопрос нельзя дать ответа. Ячмень, едва ли не древнейшее растение европей-

ского неолита, очень распространен с древнейших времен на Востоке: вавилоняне пили ячменное пиво, а для египтян ячменный хлеб был такой же основной пищей низших классов, как ржаной для русских при царизме. Ботаники считают, что ячмень попал в Европу из Азии или Африки. Но уполномочивают ли на такое утверждение факты? Ведь они позволяют лишь соединить одной ячменной линией места произростания ячменя, но ничего не говорят о направлении его распространения. Нам необходимо доказать, что дофараоновская меднокаменная пора в Египте была древнее кампинийских жилых ям и связанных с ними кухонных остатков. Но наша, хотя и очень убогая, хронология этих отделенных времен доказывает как раз обратное. Итак, восточную родословную наших злаков доказать при нынешнем состоянии наших знаний еще невозможно *).

Нельзя сколько-нибудь надежно установить восточное происхождение и наших домашних животных. Люди неолита знали шесть домашних пород: собаку, козу, свинью, овцу, быка и лошадь. Появившись они сразу, еще мыслимо говорить о ввозе их с Востока. Но нам известно, что приручение собаки отделено от приручения лошади почти всем неолитом. Бедь собака следовала за человеком, когда, вместо Балтийского, было еще Анцилово море. Неужели охотник из Маглемозе находился в сношениях с Индией, где некоторые натуралисты нашли собаку, очень похожую на европейскую? Не даром более осторожные зоологи вполне правильно отказываются от решения этого „собачьего“ вопроса. Напротив, домашняя лошадь появляется в Западной Европе, может, в самом конце неолита, вернее же — в меднокаменную пору бронзовой эпохи. Найдено две породы. Одну, тяжелую и неуклюжую, считают прирученной на месте, в Европе: ее предок жил еще в ледниковый период, спасаясь от палеолитических охотников. Другая лошадиная порода, стройная и легкая, появляется с первой медью. Она очень напоминает небольшую лошадь Пржевальского, найденную им в диком состоянии в Центральной Азии. В Междуречье о лошади нет ни слова в законах царя Хаммураби (около 2000 лет до Р. Хр.), в Египте лошадь еще более поздний гость. Где же доказательства восточного происхождения нашей лошади? Перейдем к родословной других наших животных. Торфяниковая свинья неолита близко родственна (скрещиваясь, дает потомство) с дикими кабанями, водящимися донныне в Европе **). Но вот в Индии напласть „полосатая свинья“, тоже близко родственная нашим: заговорили о соучастии в образовании неолитической домашней свиньи и этой азиатской формы. Частые в неолите козы тесно связываются с безоаровым козлом, живущим на Крите и в Армении в диком виде. Редкие в неолите овцы имеют диких

*) Much. Vorgeschichtliche Nähr-und Nutzpflanzen Europas (Mitteilungen der Anthropolog. Gesellschaft. in Wien. 1908, Bd 38, S. 195-228)

**) L'Anthropologie XX (1909) p. 581—3 (происхождение свиньи от местных диких форм в Швеции).

сородичей в разных местах Азии. Но из этого опасно делать надежные заключения. Разве европейские горные козлы, известные в Европе с ледниковой эпохи, не могли стать предками для приручения европейских форм, а культурные формы, попав на Восток, разве не могли одичать? Для домашних овец ближайшую родственную дику породу установить труднее. Ученые колеблются между аркаром и муфлоном. Кости аркара (*ovis argaloides*) обнаружены в ориньякском культурном слое на Верхнем Дунае *). Но возможно, что между аркаром и торфяной овцой свайных построек существовали переходные промежуточные формы, не найденные до сих пор. Со скудостью археологического материала приходится считаться. Некоторые зоологи, созная всю трудность правильного решения этих недоумений, сами ищут опоры в „данных доисторической археологии“ **). К сожалению, последняя обладает слишком шаткой относительной хронологией, чтобы на ней можно было обосновать определение прародины тех или других домашних животных или растений.

Что дают раскопки в Анау? Только в 20-м веке теории восточного заимствования посчастливилось отыскать как будто неизбежную археологическую базу. Американская экспедиция, снаряженная научным институтом Карнеджи и возглавляемая проф. Помпелли, сделала шумевшие открытия в Анау (в 11 верстах к востоку от Асхабада). В этом глухом углу, на границе между Туркестаном и Ираном, были открыты развалины города Анау (железная эпоха) и два искусственные холма. Для нас здесь важен только Северный холм, как наиболее древний. Культурный слой достигает здесь мощи целых 18 метров. При этом следует иметь в виду, что почва вокруг Анау испытывала то опускание, то подъем. Этим объясняется странный на первый взгляд факт. Северный холм некогда имел естественное основание, на 2 метра возвышавшееся над прежней равниной, а теперь он высится на 12 метров, причем не только его естественное основание, но и 6 метров культурного слоя скрылись под нынешней почвенной поверхностью. Помпелли разделил культурное содержание Северного холма на два слоя, отнеся нижний (мощностью в 13,5 метра) к неолиту, а верхний (толщиной в 4,5 метра) к медно-каменной поре (халколиту). В первом (нижнем) слое, кроме каменных орудий (напр., многочисленных кремневых ножей), найдены остатки раскрашенной керамики, изготовленной без гончарного круга, от руки, и размалеванной довольно грубо. Замечательно, что посуда из Анау очень схожа с керамикой Муссиана и Суз (Персия) и трипольской (Восточная Европа). Замечательны следы земледелия (ячмень и пшеница) и скотоводства (особенно важны кости домашних быка, свиньи и овцы).

*) Osborn, p. 369.

**) Ю. Филиппенко. Происхождение домашних животных. Петроград, 1916 (в разных местах).

Интересны погребения (преимущественно детей) под полом жилищ, на ложе из обожженной глины. Эти погребения переходят и во второй верхний слой. Здесь мы попадаем в преддверие бронзовой эпохи: медные орудия, свинцовые бусы, керамика менее грубая, но сработанная ручным способом. Помпелли увидел в области Анау прародину земледелия и скотоводства. Проф. Дюрст, исследовав кости домашних животных Анау, нашел, что они происходят от местных диких форм, удивительно напоминают домашние породы свайных построек и... переведены из Анау в Европу. Фантастическая, чисто „американская“ абсолютная хронология была создана Помпелли для оправдания такого утверждения. С удивительной „точностью“ была описана последовательность культурных слоев, начиная с 9-го тысячелетия до Р. Хр. В самом нижнем наложении найдены только кости диких животных. Среди них небольшая дикая лошадь, вероятно, очень близкая к лошади Пржевальского, волк, дикая овца (аркар), похожая на европейского муфлона, и дикий бык (*bos nomadicus*), близкий к европейскому туру (*bos primigenius*). Затем за 8000—7500 лет до Р. Хр. от этого дикого тура произошел домашний длиннорогий бык (*bos megaceros*), известный и ранее по раскопкам в Вавилонии и Египте. Крайне любопытно, что в свайных постройках Европы длиннорогий бык стал известен к концу неолита и приручен на месте из дикого тура. Древнейшие остатки домашних свиней (от индийской полосатой свиньи) и овец (от аркара) отнесены Помпелли соответственно приблизительно к 7650 г. (?) и к 6250 г. (??). Около 6000 г., вместо длиннорогих, появляются короткорогие быки (*bos brachyceros*), по Дюрсту, близкие к дикому быку (*bos taurus brachyceros* Rütimeyer), встречающемуся и в Европе. Важно отметить, что одновременно с короткорогими быками в Анау проникают и чужеземные животные: верблюд, собака (близка к европейской из бронзовой эпохи) и коза, а равно и первые металлы: медь и свинец. Верблюд и свинец ведут нас на юг, в древнее Междуречье, славное свинцовой бронзой. Замечательно, что короткорогий бык известен был в дофараоновском Египте. В древнейших слоях свайных построек тоже встречается короткорогий бык, называемый торфяниковым. Так как и торфяниковые коза и свинья свайных построек очень близки к соответствующим формам Анау, то кажется легким делом решить, как эти формы попали в Европу. Так, следуя в общем Дюрсту и Помпелли, наш ученый Ю. Филипченко заявляет, что они были приручены в Центральной Азии из местных диких форм и „людскою волною“ переведены оттуда на Запад в начале европейского неолита.

По хронологии Помпелли оно так и выходит, но эта хронология совершенно произвольна. Культура Анау, судя особенно по раскрашенной керамике, схожа с сузианской и трипольской, начало которых относят за 4000—3000 лет до Р. Хр., но никак не за 8000 лет. Странной кажется и последовательность приручений в Анау: длиннорогий бык, свинья, затем овца и короткорогий

бык. Между тем для европейских свайных построек твердо установлено, что маленький короткорогий бык приручен раньше огромного первобытного быка, или тура с длинными рогами. Последовательности культурных слоев в Анау вообще следует считать искусственной и надуманной. Губерт Шмидт даже отказался признать основное разделение Помпелли на неолитический и меднокаменный слои, считая всю культуру Северного холма относящейся к началу бронзовой эпохи. Если это мнение и крайность, то во всяком случае необходимо признать, что культурные слои не могли в Анау сохраниться в строгой последовательности, потому что опускание и подъем почвы, здесь происходившие, легко могли эти слои перемешать. Таким образом, культура Анау далеко не является столь древней, какой, естественно, хотелось изобразить открывшим ее американцам.

Живучесть теории заимствования объясняется ее тесной связью с гипотезой об азиатском происхождении индоевропейцев. Правда, уже с середины 19-го века вслед за Латамом ученые более склонны искать индоевропейскую прародину в пределах Европы. Но недавно старая гипотеза вновь возродилась. Ученые обратили внимание на стихийный процесс высыхания Центральной Азии. Полоса степей от пустыни Гоби до Каспийского моря ранее орошалась гораздо обильнее. Затем влаги перестало хватать для нужд земледелия. Часть населения от земледелия перешла к скотоводству. Подвижные племена кочевников легко толкались кризисами своего хозяйства (засуха, падеж скота и пр.) на великие переселения, на штурм плодородных земледельческих стран. Но эти климатические перемены не могли иметь места во времена европейского неолита. Мы видели, что насельники Анау занимались и земледелием, и скотоводством. Северный холм был покинут с поднятием почвы всего на 0,5 метра. Искусственное же орошение, явный показатель высыхания страны, появляется только в слое городища Анау, т.е. в железную эпоху. Так как самое раннее железо появилось за 1800—1500 лет до Р. Хр., то перемена Туркестанского климата не могла еще быть заметной и ощутительной для людей меднокаменной поры, а потому не могла сдвинуть их с насиженных мест и направить на далекий Запад. Но тогда является мысль о переселении в обратном направлении. Разве индоевропейцы не могли из Европы хлынуть на Восток? Тогда в противоположном смысле решался бы и вопрос о прародине земледелия и скотоводства. Индоевропейцы не ввозили, а вывозили бы из Европы семена и домашних животных. С прародиной индоевропейцев меняется и прародина культивируемых пород растений и животных. Дикие формы Кавказа, Малой Азии и Центральной Азии тогда окажутся одичавшими потомками домашних европейских форм. Такое выгибание вопроса в противоположном направлении является крайностью. Это значит восточный мираж сменить на западный. Ведь на Востоке, в Египте и Вавилонии, задолго до появления индоевропейцев, симбиозное

хозяйство уже было в полном расцвете. Но и в Европе оно зародилось вполне самостоятельно.

В защиту полагает общество чрезвычайно эластичное, ищущее нового и, свободно рвущее со старым. Но область хозяйства как раз наиболее устойчива, неизменна и консервативна. Легко допустить заимствование диаром бзделушки или украшения, но трудно допустить переход его к новой хозяйственной системе путем подражания и заимствования у отдаленных соседей. Человечество каменной эпохи было слишком косно и неподвижно. Ведь всем известны картофельные бунты в Европе 18-го века. Крестьяне бурно отказывались принимать благоденствия тогдашних културтрегеров и экономистов, вводивших в деревню картофель. Фон ден-Штейнен дает нам картинку, выхваченную прямо из быта живых людей камня. В области индейцев бороро (Центральная Бразилия) белые устроили военную колонию и вздумали приучить вольных охотников и рыболовов к земледелию. „Бороро должны копать и сажать!—воскликает наш путешественник.—На деле офицеры благодарили свою судьбу, когда им удавалось спасти от бороро насаждения, сделанные солдатами... Вынуждены были поставить караул, чтобы предупредить опустошение“. Мужчины срубали плодовые деревья, чтобы не карабкаться на них для собирания плодов. В ночные набеги не столько унесен, сколько истоптан и поломан был сахарный тростник. Совершенно оказалось разграблено маниоковое насаждение. Женщины с землекопалками, словно в лес, отправлялись на маниоковые поля и прилежно выкапывали корни, едва укрепившиеся в почве. Охотничье племя не признавало планомерности и целесообразности посадки растения и не имело терпения ждать, пока плоды созреют. Обращать бороро и земледельцев значило, по выражению Штейнена, „делать козлов садовниками“. Правда, бразильские солдаты не могли быть образцовыми педагогами. Но где же могли найтись лучшие для неолитической Европы? Зачатки симбиозного хозяйства должны были выработаться здесь самостоятельно, а к ним уже могли привиться чужеземные элементы. Первоначально лишь страшный запрет—табу—мог спасти от уничтожения первые посевы и первых домашних животных. Но это табу охраняло святой тотем, а не случайно привезенное зерно или молодое животное. Замечательно, что у тех же бороро, оказавшихся совершенно неспособными к возделыванию питательных растений, имелось самостоятельное, хотя и несколько странное, животноводство. Почти в каждой хижине держались ручные красные попугаи—арара. Их никогда не ели, никогда не убивали, горько оплакивали скончавшуюся своей смертью птицу и только выдирали у этих арара перья, делая из них великолепные диадемы для своей прически. Почему же бороро так берегут арара? Эта птица имеет священное значение в их глазах. Бороро говорят с гордостью: „Мы—красные арара“; они верят,

что после смерти превращаются в ара́ра; они убеждены, что само солнце есть комок перьев ара́ра *). Ара́ра является тотемической птицей бороро. Правда, тотемизм начал разрушаться. Диких ара́ра убивают (но не едят) ради их оперения, ручных выщипывают с той же целью, значит извлекают из них некоторую пользу. Но все же тотемический характер птицы совершенно ясен, и только им объясняется возможность ее приручения необузданными и нерасчетливыми бороро. Таким образом, моногенизм, ведущий происхождение симбиозного хозяйства из одного центра, откуда оно распространяется неведомыми путями во все стороны, гораздо менее соответствует фактам, чем полигенизм, признающий возникновение зачатков земледелия и скотоводства в нескольких центрах. Для нас, конечно, покрыты мраком неизвестности детали развития этих зачатков. В Европе и в конце неолита скотоводство, видимо, было развито слабо. Но приручение животных развивалось параллельно с разведением растений. Оседлость, созданная переходом к рыболовству и собирательству раковин, была необходимым условием для зарождения того и другого. Земледелие, видимо, развивалось гораздо энергичнее скотоводства. Обилие лесов стесняло передвижения скотоводов. Климат, правда, стал гораздо суше. Вместо влажного леса протонеолита, началась эпоха сухих лесов. Но эта сухость была не препятствием, а благоприятным фактором для расцвета земледелия. Европа, обильная осадками в своей средней полосе еще и теперь, не могла страдать от засух в неолитическую эпоху. В Дании за дубовыми лесами последовали буковые, в пещере Маз д'Азиль (Франция) исчезла лесная улитка, любительница сырости. Видимо, в Европе стало суше, а площадь топей и болот сократилась. Тогда из прибрежных стоянок на завоевание лесной чащи медленно двинулись неведомые лесопроходцы. Выжиганием просохшей, но густой еще чащи они очищали себе путь. На огнищах после лесных палов и получались те урожаи, которые сделали современем земледелие главным источником существования человека. Но европейское подсечное земледелие имело свой оригинальный характер, весьма отличный от вавилонской или египетской садовой культуры с ее искусственным орошением. Это были две самобытные ветви на стволе древнейшего женского мотычного первоземледелия. Одна была порождена лесом (Европа), а другая—степью (Ближний Восток); обе развивались независимо друг от друга. В этом своеобразии европейского земледелия можно видеть новое и последнее доказательство самобытного его происхождения. Симбиозное хозяйство сложилось не в одном центре, а образовалось во многих неизвестных нам пунктах, крайне медленно развиваясь и распространяясь по самым медвежьим углам Старого Света.

Новые формы хозяйства сопровождались и тесно связывались с переменами и в других областях культуры.

*) К. v. den Steinen, Unter den Naturvölkern Zentral-Brasilien. 1897, S. 307, 398, 399.

Полиро-
ванные
орудия.

В связи с хозяйственным перерождением, надо думать, находилось техническое. Последнее выразилось в появлении полированных, иначе шлифованных, каменных орудий—для археолога характернейший показатель неолита. Уже мадленский охотник на северного оленя умел полировать костяные орудия вроде игол и шил. В развитой неолит человек стал шлифовать и камень. Сперва он пользовался речными гальками, отполированными водой. Затем, подсыпая мокрый жесткий песок, путем трения стал достигать сглаживания поверхности своих орудий. Для такого „строгания“ и выравнивания каменного орудия стали употребляться особые шлифовальные камни. Некоторые из них были переносные, небольшие. Другие достигали большой величины. Так, один французский шлифовальный камень представлял целую глыбу песчаника, верхняя поверхность которой имела площадь $2,2 \times 0,9$ кв. метров. Она покрыта закругленными бороздами и шрамами, вытертыми шлифовавшими камнями (рис. 36). Новое изобретение применялось прежде всего к каменным топорам. Древнейшей основной формой был треугольный удлиненный топор с заостренной спинкой. Он встречается в древнейших могильниках Скандинавии, следующих, по Монтелиусу, за ступенью кухонных остатков, рядом с неполированными топорами такой же формы. Во Франции, близ Гравилля найдены экземпляры подготовленного (рис. 37) и отшли-

Рис. 36.

Шлифовальный камень.

Рис. 37.

Подготовленный к полировке топор.

фованного (рис. 38) топора, весьма сходные со скандинавскими. Кремневые топоры сперва оббивались обивкой, после чего выбирались куски подходящей формы. Другиетвердые породы: песчаник, диорит, гранит, порфир и проч. тоже служили материалом. В каждой области употреблялась местная порода. Формы полированных топоров, благодаря разнообразию материала и местных особенностей, стали крайне многочисленны и с трудом поддаются делению на классы. В гораздо меньшем количестве найдены производные от топоров полированные орудия: тесла и долота. Что касается ножей, скребков, шил, наконечников

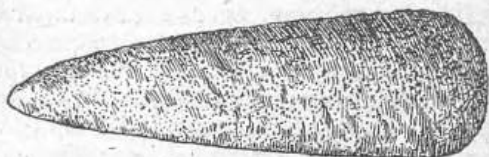

Рис. 38.

Полированный топор.

копий, то их вовсе не полировали. Полировка была работой слишком тяжелой и медленной, чтобы неолитический европеец мог увлечься ею ради желания иметь красивое и гладкое оружие или оружие. Она производилась для натачивания лезвия и уменьшения сопротивления боковых граней топора. Человек стремился облегчить себе борьбу с лесом, почему и не жалел времени и усилий для изготовления острого топора, а затем и тесал с долотами, необходимых для работ над деревом. Так шлифование топоров обнаруживает довольно явственно связь с подсечным земледелием.

Деревни. Если каменные орудия умеют рассказать о происшедшем техническом перевороте, то и для обнаружения сдвига в общественной жизни у нас имеется косвенный показатель: это жилище человека. Оказывается, кроме одиночных ям и землянок, в разных местах неолитической Европы, в плодородных речных долинах, мы находим деревни. Иногда перед нами деревни-однодворки. Так, в Вилль-Жюив (у Парижа) встречаются составные землянки, совмещающие в себе две „комнаты“: жилую (без углей) и кухню (очаг и зола). Появляются деревни и во много домов. Такова замечательная, чисто неолитическая деревня Гроссгартах на реке Неккаре (Германия). Ее прямоугольные хижинки были построены из деревянных бревен, обмазанных изнутри и снаружи глиной, смешанной с соломой. План каждой хижины очень сложен и нигде не повторяется в неолите. Вместо единственной круглой комнаты, характерной для землянки, в Гроссгартахе имеется и спальня с приподнятой почвой и перегородкой, и кухня (судя по очагу) с мусорной ямой. Некоторые хижинки оказались еще сложнее: к жилым покоям здесь примыкала хозяйственная пристройка емкостью 9—6 метров, служившая стойлом для скота. Внутри одной хижины глиняная настенная штукатурка разрисована красными и белыми геометрическими узорами по желтоватому фону. Единственным остатком искусства является глиняная голова рогатого животного (без сомнения, козла), отломанная от посуды. Глиняные черепки указывают на сложную керамику. Ее „плетеные“ узоры в виде связанных линий и сетей являются осложнением рессенского (округ Мерзебург). По Кёлю, последний является „новейшей угловато-ленточной керамикой“, в свою очередь развившейся из древней, к которой, вероятно, относились кампинийские черепки. Мало-надежное соотношение, пока оно покоится на спорных сличениях горшечных форм и узоров, становится гораздо определеннее при сравнении следов хозяйства. В Кампиньи мы находим на дне ямы лишь ячмень. В поселках Германии, помимо земледелия, мы сталкиваемся с довольно развитым скотоводством. Правда, в рессенских землянках около половины костей принадлежит диким зверям (кабан, тур-бык, благородный олень), а домашний скот, преимущественно рогатый, едва отличается от диких пород. В Гроссгартахе на кости диких животных падает лишь 10%, до-

машинные породы являются продуктами долгого отбора, а овцы со свиньями столь же часты, как и рогатый скот (горного животного—козы—нет).

Так постепенно симбиозное хозяйство с домашними растениями и животными вытесняет охоту. Люди, неразлучные со своими амбарами и хлевами, становятся вполне оседлыми и, производя достаточные запасы пищи, в состоянии селиться не одиночными ямами или землянками, а целыми деревнями. Ветхая тотемическая организация бродячих тотем групп и племен неминуемо должна разложиться в этих условиях и уступить место иному строю. Но какому именно, это бессильна сказать доисторическая археология.

2. Бакайри.

(Южные америнды).

В Центральной Бразилии. Остается прибегнуть к уже знакомому нам приему: разрешить задачу изучением не истлевших, а живых дикарей. По следам замечательного немецкого этнолога Карла фон-ден Штейнена нам придется (конечно, мысленно) перенестись в Центральную Бразилию, в глухой горюшко Куябу, всего в 15° к югу от экватора. Неудивительно, что здесь средняя годовая температура + 25°, хотя колебания между высшей и низшей температурой и составляет 27°. Две дождливых зимы (без снега и льда), да два сухих лета (одно очень короткое) заменяют наши времена года. Отсюда Штейнен двинулся к югу, в область источников реки Шингу (по Максу Шмидту—Хингу), впадающей в царицу рек Амазонку. Нужен язык Бальмонта и краски Гогена, чтобы хотя слабо изобразить всю дикость, величественность и ослепляющую пестроту сухого тропического леса, вплотную подступающего к водам реки Кулизеху, притока Шингу. Я лишь замечу, что он несколько реже, менее перевит вьющимися и ползучими лианами и гораздо суше „влажных“ тропических лесов Амазонки. В сухое время года большинство растений сухого леса даже теряет свою листву. Плыва на убогих челноках вниз по реке Кулизеху, с трудом минуя пороги, Штейнен открыл один за другим три поселка индейцев-бакайри, обломков когда-то многочисленных караибских племен, встреченных еще Колумбом на открытых им островах.

Первая деревня бакайри. Первая деревня, как и вторая с третьей, располагалась не на виду, не на самом берегу, а скрыто, в глубине леса. Туземец, попавшийся Штейнену на реке, указал ему узкую тропинку, ведущую по выжженному проходу от реки в глубь леса. Штейнен, следуя по ней, прошел затем лесом и, переправившись по стволу дерева через ручеек, очутился в маленькой деревушке из трех ульеобразных соломенных хижин. Между ними была небольшая площадь, где стояло не-

сколько приспособлений для просушки на плетенках-цыновках белой маниоковой муки, а в самой середине лежало длинное бревно для сиденья. Деревня была обсажена разнообразными фруктовыми деревьями. На берегу ручья росла высокая сап-трава, которой были крыты хижины. Тропинка вела к небольшому полю маниока. Далее, со всех сторон, грозно надвигался на деревушку густой, дикий и высокий тропический лес. Подвязанные лыковые треугольники (улури), служившие „фиговыми листьями“, палочки в ушах да витки бус, надетые через плечо, словно генеральские ленты,— вот и вся одежда — украшение жевщиц. Мужчины довольствовались поясным шнурком. Голые люди встретили фон-Штейнена гостеприимно. В качестве хлеба-соли они поднесли маниоковые лепешки и вкусный зеленый напиток. Поместили его в заброшенную общественную хижину в 9½ шагов длины и 7 ширины. Это маленькое здание раньше служило для танцев и музыки, о чем напоминали две забытые флейты—свирели из тростника. Белого гостя сочли воскресшим „вождем карайбов“, почему немногочисленное население (всего 9 мужчин, 7 женщин и 5 детей) легко с ним подружилось. Он был допущен внутрь самой большой хижины. Ее основание имело форму круга с поперечником в целых 15 метров, а высота превышала 9 метров. Два огромные столба, много подпорок и поперечных скреп поддерживали купол и стены этого „большого дома“, предназначенного для „большой семьи“. В хижине имелся очаг, и в куполе было отверстие для выхода дыма. Днем солнечные лучи проникали сверху в это единственное „окно“. Внутри оказалось прибрано и чисто. К скрепам были приделаны плетеные висячие постели-гамаки. Во всех углах наставлены и наложены плетеные корзинки с продовольствием, цыновки (рогожи), ступки, сита, песты, тыквенные бутылки, глиняная посуда. Под самым куполом подвешены большие птицы из майсовых кочнов, с ногами и хвостом из соломы. Над дверьми висели рыболовные сети и снасти, на стенах—каменные шлифованные топоры, стрелы с тупыми костяными наконечниками, но оперенные, и большие луки, сменившие ставший на Кулизеху редкостью копьёметатель. Все сработано каменным топором, звериным зубом и острой раковиной: металл совсем еще неизвестен. Особенно поразила Штейнена важная роль женщины в хозяйстве деревни. Разделение труда между полами было необычно для европейца. Кухня притягивает оба пола: мужчина жарит рыбу и дичь, женщина печет лепешки и варит похлебку. Женщины прядут и ткут, а мужчины плетут корзины и сети. Но главное различие в том, что мужчины—охотники и рыболовы, а женщина—усердный земледелец. Правда, мужчина приходит ей на помощь, вырубая и выжигая лес. Но эта помощь мало заметна. Фруктовые деревья приносят без всякого ухода богатые плоды. Главная же пища—маниоковые лепешки. Это жевщицы сажают черенки маниока, протыкая почву своими острыми деревянными землекопалками. Как и у картофеля, в пищу употребляются клубни маниоки. Однако

в сыром виде маниоковые клубни ядовиты. Это женщины умеют обезвреживать их. Тут нужна длинная процедура, секрет женской кухни: маниоку растирают, выжимают, промывают, сушат и пр., пока не получают белой муки, из которой можно испечь лепешки, неопасные для человеческого желудка. Маис (кукуруза) встречается еще очень редко. Земледелие доставляет деревне обильные запасы пищи. Охота в полном упадке: Штейнену только раз поднесли двух застреленных летучих мышей. Гораздо более развито рыболовство. Рыбу убивали стрелами из луков, ловили сетями, корзинами и вершами, перегораживали в сухое время года обмелевшие потоки изгородами. Но и рыбные кушанья — редкие лакомства. Мужчины предпочитали целыми днями кататься в своих гамаках, так что Штейнен считал их жизнь ежедневным воскресеньем. Он несколько преувеличивал: расчистка леса была делом мужчин, только при нем она не производилась. Мы на грани женского первоземледелия с подсечным, лесным хозяйством.

Женский (матроним-ный) род. Крупная хозяйственная роль женщины сказалась в ее необычно „свободном“ и самостоятельном положении. У бакайри имя и имущество передавались по женской линии. Так, Штейнен узнал, что сын мужчины бакайри и женщины-паресси считался паресси. В деревушке бакайри Штейнен застал любопытное междоусобие, созданное таким наследованием по женской линии. Прежний вождь умер бессыновным, оставив лишь дочь 12 лет. Временным вождем стал брат вдовы. Старик-отец нового вождя не выказал никаких претензий на власть, хотя и был по возрасту старейшим в роде. Он взял к себе в хижину, в свое семейство, дочь умершего вождя. Его же сын, временный вождь, со своей большой семьей жил в другой. У девочки осталась, однако, „скамейка вождя“, и это был не пустой символ власти. Много бус, раздариваемых Штейненом разным бакайри, попадали к этой дочери вождя и украшали ее шею. Теперешний вождь должен был передать будущему мужу девочки и сан вождя, и все деревенское имение. Самому Штейнену, „вождю карайбов“, предлагалась рука и сердце девицы.

Вопрос о матриархате. Всматриваясь в эти своеобразные отношения, мы бы сильно опшиблись, приняв их за пресловутый матриархат, буквально „владычество матери“. В 1861 году Бахофен создал эту теорию, преимущественно на основании мифов-сказок греков. Безымянный, вневременный и внепространственный материал долгое время устно передававшихся мифов сам по себе был очень ненадежен и, во всяком случае, от него нельзя было заключать к первобытности, так как греки, его творцы, относятся к развитой железной эпохе. Однако борцы за эмансипацию — освобождение — женщин, несмотря на единичные протесты (вроде Старке), широко распространили эту

теорию, и даже до сих пор в глазах широкой публики она не утратила значения. Рисовали картину семьи из оседлой матери с ребенком, лишь редко навещаемой „отцом“ или, вернее, „отцами“. Но эта воображаемая семья едва ли может быть доказана фактами. „Оседлыми“ мужчина-охотник и женщина-собиралица становились одновременно и вместе, первый становясь рыболовом, а вторая мотычным земледельцем. Что касается до именованья по матери, то здесь можно видеть пережиток доиндивидуального (группового) брака, когда индивидуальное отцовство было трудно выяснимо. Наследство же по женской линии объясняется большим экономическим значением женщины на ступени первоземледелия. Но бакайри уже прошли эту ступень. Они уже не помнят доиндивидуального брака. В их селе мы на пороге к отцовской семье.

В этом отношении очень любопытен обычай, называемый „кувада“, широко распространенный среди бра-
„кувада“? зильских индейцев вообще (мы видели его у бороро). При другом посещении деревни Штейнен в большой хижине наблюдал любопытную сцену. Ширмами из больших листьев была устроена настоящая родильная комната. В ней на 4 гамаках лежали две женщины с новорожденными и двое мужчин. Родители постились, питаясь лишь маниоковыми лепешками, и жаловались на болезненность и слабосилие детей. Пост отца продолжался 6—8 дней, пока у ребенка не заростал пупок: дитя само ело бы мясо, рыбу и плоды, если бы это сделал его отец. Так не только мать, муками родов, но и отец, восдержанием от пищи, приобретали власть над детьми: перед нами рождение индивидуальной семьи, и, что особенно важно, отцовства. Эта семья—завязь кровной или родовой общественной организации, сменившей тотемическую. В ней отец уже является главою. У бакайри, действительно, нет вождя-амазонки. Женщины-бакайри слишком робки, чтобы быть господами мужчин в те суровые времена вечного страха и борьбы за жизнь: они ходят по лесу в сопровождении мужчин и при малейшей опасности „плачут“, как деликатно выражается Штейнен, а, точнее сказать, поднимают вой и вопль. Поэтому ни у бакайри, где начатки лесного земледелия выдвигают мужчину, ни в предшествующую полосу мотычного первоземледелия, хозяйственно слишком слабого, нельзя мечтать о первенстве женщины над мужчиной. Можно говорить лишь о матронимии, именовании по матери (что мы встречали и у австралийцев с их разлагающимся групповым браком), и матронимной семье, но никак не о матриархате, разве лишь с оговоркой, что последний чужд всякой гине-кократии, или „владычества женщин“, о чем учил Бахофен. Теперь это можно сказать и написать, не боясь упрека в отсталости и консерватизме: в 20-м веке доказывать равноправие женщины с мужчиной надо лишь для людей, считающихся с изречениями старой мудрости, вроде: курица не птица, баба не человек. Но таких лиц никакими доказательствами не проймешь.

Вторая де-
ревня ба-
каири.

Быстрины и пороги Кулизеху не удержали Штейнена от проникновения во вторую деревню бакаири. Она была еще дальше удалена от берега, и ее окружало еще большее пространство земли, очищенной под пашню. Кроме того, белые поражались размерами трех просек в лесу и дивились множеству толстых деревьев, поверженных, как показывали ударные метки, каменными топорами. Зимой (в наши март и апрель) производилась порубка, а в конце сухого лета (сентябрь и октябрь) должно было совершиться выжигание. Здесь мужчины не только качались в гамаках! Деревня состояла из 3 больших семейных хижин и очень большого общественного дома, где остановились белые гости и где висело много принадлежностей для танцев из пальмовой мочалы. На площади, превышая хижины, стояла огромная конусообразная клетка, составленная из жердей. В ней томился орел гарпия, по своей любимой пище звавшийся „господин обезьян“. Деревня звалась „Игуэти“, т. е. „селение ястреба“. Но птица эта давно пропала и заменена родственным орлом. Перед нами двойной памятник разложившегося тотемизма и неудавшегося одомашнивания: из царя птиц не могло выйти раба человека. У хижины вождя лежал большой полировальный камень для шлифовки каменных топоров. Население деревни состояло всего из 40 душ, но Штейнену говорили о трех вождях, хотя под этим титулом ему представился лишь один. Главный вождь, передававший свой сан по наследству сыну, а за неимением такового сыну сестры, был, преимущественно, руководителем подсечного земледелия. По Штейнену, все насаждения, как плод совместного труда, были в общем деревенском владении, тогда как инвентарь каждой семейной хижины находился в пользовании ее обитателей. Главный вождь, не жалея и своих средств, заботился о „представительстве“ деревни: щедрость ко всем, гостеприимство к иностранцам, хлопоты по заготовке запасов муки и праздничных напитков и кушаний лежали на его плечах. Укор скупостью был сильнеешим упреком вождю. Власть его отнюдь не деспотична: главари больших семей имели не малый вес, раз на бытовом языке именовались тоже „вождями“. Как узнал Штейнен, всякая большая семья при полукочевом лесном земледелии, при недовольстве вождем, легко могла отделиться и устроить новую деревню—починок на новом месте. Успехи лесного земледелия, усиливая хозяйственную роль мужчин, ухудшили и положение женщины. Общественный дом во второй деревне—уже ясно выраженный мужской дом: женщинам строго воспрещается вход в него. Свободных сношений с белыми гостями тоже не было. Женщины молча являлись с пищей, под конвоем мужчин, и молча удалялись. Но женская доля не может считаться слишком приниженной и горькой. По Штейнену, родители (сперва отцы, а затем матери) совершают сделку. Отец невесты получает стрелы и каменные топоры. Женки вместе с семьей невесты работает по выжиганию леса: это—его пробный труд. Потом он вешает свой гамак над гамаком девушки, и брак

заклучен. У бакайри не женщина, а мужчина покидает родительский кров. Здесь все едва очерчено и не вполне ясно. Но наш путешественник или не хотел или, вернее, не мог сообщить более. Обитатели второй деревни были еще менее откровенны с мимолетными белыми гостями, чем жители первой.

Зачатки анимизма. Этим, главным образом, объясняются и крайне скудные сведения Штейнена о „религии“ бакайри. В его передаче перед нами внешние, полустершиеся формы, содержание которых забыто и непонятно. Во второй деревне он наблюдал ночной танец бакайри. Мужчины надели на себя маски и костюмы, сплетенные из соломы одной породы пальмы. Прикрытые соломой с ног до головы, они стали неузнаваемы. Трое запевал затянули старинный гимн: „Игай, игайи, гухо! Игай огугохо!...“ Приэтом двое потрясали тыквенными погремушками, а один пристукивал в такт правой ногой. Остальные мужчины притошывали и подпевали. Всю ночь напролет костюмированные мужчины водили хоровод на деревенской площади. Это даже нельзя назвать танцем: на языке бакайри петь и плясать обозначается одним словом, точно они достигли тоге синтеза искусства о котором тоскует наша современность. Это был какой-то коллективный гимнотанец, весьма серьезный, почти печальный, но могучий и захватывающий. Он был общ всему племени бакайри. Его звали „имео“ танец, по имени „жучка“, жившего в той самой пальмовой породе, из которой были приготовлены костюмы. Прейс правильно указывает, что имео-танец и имео-маска имеют фаллическое значение. Это вовсе не поющий балет, а волшебство плодородия *). Сам Штейнен сообщает, что танцевальные маски бакайри изображали рыб, птиц, животных, реже людей, но ничего таинственного, ничего священного в них не находит. Другой немецкий путешественник Кох-Грюнберг, долго проживший в 1903—5 г., правда, у других южно-американских племен, настолько сдружился с туземцами, что выяснил скрытый смысл таких танцев в масках. По его мнению, это — „торжественная погребальная служба“, в которой нет и тени веселья. Каждый переряженный танцор изображает духа — животного или человека (точнее, как указывает Ида Люблински, тень). Цель танца, — умиловивление „теней“ (духов) или чародейство над стихиями. Едва ли бакайри, любители и днем лениться в гамаках, бесцельно трудились по ночам. Вернее, Штейнен проглядел мистический смысл танца. Но суммируем то немногое, что он узнал о „религиозных“ убеждениях бакайри. Мы еще всецело на охотничьей ступени мысли. Правда, тотемизм отошел в прошлое. Однако следы его еще остались. Так, орел считается хозяином солнца, подарившим миру это светило. Орел, высокопарящая птица, еще не стал символом или воплощением божественного солнца. Мы еще очень далеки от религии света и других великих сил природы. Жужжанием трещотки бакайри делают погоду и зовут эту трещотку „грозой“. Как и в Австралии, чародейство

*) Globus Bd. 86, S. 378—9.

процветает, естественной смерти и болезни нет. Те же механические приемы волшебной медицины. У человека болит голова „алой“ колдун. Очевидно, добыв волосок жертвы, опустил его в тыкву, пропитанную ядом. „Добрый“ колдун высасывает этот волосок из тела больного. Но среди этих приемов большую роль играет вдыхание, вдуновение или „вдохновение“. Сам накурившись табаку и приняв опьяняющих напитков, колдун несколько часов пляшет и поет под монотонные звуки своей волшебной тыквы-погремушки. Во время своей песнепляски он пускает клубы дыма, плюет, дует в лицо больному. Если однообразный ритм слов, движений и табачного запаха не привел больного в состояние гипноза, то наступает самовнушение врача. Колдун, став одержимым, испытывает видения и впадает в бессознательное состояние; очнувшись, вещает свои видения. Одним словом, севане южно-американского колдуна в общем напоминает врачебную пляску сибирского шамана. Обилие ветра, дыма и дыхания говорит о вере в особые таинственные предметы—духи. Но Штейнен предупреждает нас, что бакайри не знают бестелесной, нематериальной души в нашем смысле слова. На их языке душа зовется „тенью“ и представляется, большею частью, как дыхание. Именно дыханием можно оживлять мертвых и любую вещь, им можно совершать и великие превращения. Бакайри были вечно. Но когда их стало мало, великий предок воткнул в землю перистые стрелы и майсовые пестики и „дунул“. Тогда встал мужчина со стрелой, а женщина с пестом. Так и насекомое, похожее на лист одного дерева, некогда было выдута из листа. Колдуны—особенные мастера и превращать и превращаться. Они могут обернуться любым зверем, войти внутрь животного, стать его лапой или зубом. Этот пестрый коловорот превращений вовсе не означает переселения „душ“, как особых неведущих сущностей. Мы остаемся еще на почве парциальной магии австралийцев, где целое воплощается в своей части, а последняя замещает первое. Но парциальное мышление из схематического делается символическим. Бескрайний размах, расщепляющий единый мир мысли, приостанавливается. Правда, расчленение-анализ еще не перешел в объединение-синтез, но уже из множества частей целого, борющихся между собой из-за воплощения в себе этого целого, на первый план выдвигаются наиболее существенные и легче всего отождествляемые с ним части. Так „тень“, „дыхание“ стремятся стать заместителями человека. Они, однако, всего лишь часть его, а не самостоятельные сущности, равные или даже превосходящие человека. Бакайри остановились в преддверии к „настоящей“, непротяженной и невесомой душе, владычице тела, сотканного из грубого, тяжелого, бесконечно худшего, чем она, материала.

Искусство бакайри несколько освещает нам полусимволическое искусство. мрак этих изломов и извилин символического мышления. В хижине вождя второй деревни Штейнен открыл замечательный „стенной фриз“. Вокруг стен тянулась

кайма бордюра из грубых непонятных рисунков, длиной более 50 метров, шириной от 15 до 40 сант. Вся она состояла из вымазанных сажей дощечек коры. На этом темном фоне отчетливо выступали, намалеванные белой и желтой глиной, какие-то пятна, кружки, треугольники и зигзаги. Белые сочли эти узоры геометрическим орнаментом. Но каково было их удивление, когда вождь стал объяснять им эти чертежи, как изображения предметов реального мира (рис. 39 и 40). Едва ли нынешний имажинист мог рассчитывать так ошеломить обывателя, как был ошеломлен Штейнен неведомым бакаирским художником: он сам не понимал,

Рис. 39.

Изображение женщины-бакайри.

что испытывал: желание ли смеяться или тихое помешательство. „Как иначе рисуется мир в этих головах!“—воскликает он по адресу неолитического имажиниста. Но в этих головах была своя „логика“. Женщина начерчена треугольником, ибо форму треугольника имеет женский „улури“, единственный костюм, прикрывающий ее детородные части (рис. 39). Два ромба, соединенные двумя острыми углами, изображают летучую мышь (рис. 40). Узор той или иной формы копирует не целых змею, черепаху, рыбу, а части их кожи. В мышлении бакайри часть замещала целое. Символическое искусство порождалось парциальной мыслью.

Рис. 40

Изображение летучих мышей.

Парциальная мысль, так выпукло воплотившаяся в искусстве, ярко просвечивает в „арифметике“ *) бакайри. Они не далеко ушли от австралийцев в искусстве счисления. Имен числительных у них всего три: 1 = токале (tokale), 2 = ахаге (ahage) и 3 = ахевало (ahewalo), причем последнее употребляется очень редко, замещаясь составным именем числительным, а именно: 3 = ахаге токале, т. е. „два один“. Самое большое составное числительное бакайри это „два-два-два = 6“. Далее словесные обозначения чисел исчезают. На помощь является немая счетная машина—20 пальцев рук и ног человека. Бакайри имеют для каждого из пяти пальцев особые названия: мизинец (пятый) зовется „сыном“, а большой (первый)— „отцом“, наш средний (третий) так же именуется и у них, тогда как безымянный и указательный соответственно зовутся „соседи“ (?) сына и отца. Но эти названия пальцев не проникли в арифметику бакайри, так что, начиная с 7, они считают без

*) Новые данные о примитивном счете у Schmidl, Marianne. Zahl und Zählen in Afrika (Mitteilungen der Anthropol. Ges. in Wien, 1915, Bd. 45, S. 165—209).

„слов“. Их мысль движется путем, извивы которого трудно уловить европейцу. Каждый бакайри начинает счет с мизинца левой руки и, держась за него, говорят токале, т. е. один. Затем он дотрагивается до безымянного (4-го) пальца, соединяет с мизинцем (5 й) и произносит ахаго = два. Далее он касается среднего (3 го), соединяет его с мизинцем и безымянным (иначе 5-м и 4-м) и произносит ахаге токале = „два один“, или 3. Затем идут указательный (для 4), большой (для 5) пальцы левой руки. После этого прикладывается мизинец правой руки для 6 = „два-два-два“. После этого бакайри, не зная счета, продолжает поочередно дотрагиваться до безымянного, среднего, указательного, большого (иначе с 4 по 1 включите (ьно) пальцев правой руки, прибавляя лишь всякий раз „мера“ (méra) = „этот“. В заключение он дотрагивается в том же порядке до пальцев левой, а затем правой ноги, возглашая всякий раз „мера“. Если при счислении пальцев не хватает, бакайри хватается себя за волосы и растрепывает их во все стороны. Таким образом, в пределах от 7 до 20 включительно бакайри считает без всяких имен числительных, пользуясь лишь помощью местоимения „мера“, выше же 20 числа для него представляются чем-то вроде „тмы тем“. Штейнен склонен думать, что выше 6 бакайри не знают абсолютного „точного“ счета, а лишь „относительно“ определяют, какое число „больше“, какое „меньше“. Ему кажется, что бакайри, карабкаясь по своей лестнице из 20 пальцев ступенек, берясь за мизинец правой ноги, а за безымянный левой ноги, лишь понимают, что из двух соответствующих этим пальцам чисел первое больше второго. Никким образом, по его мнению, бакайри не имеют точных представлений о 16 и 12. Однако, мне кажется, Штейнен не прав. Он приводит любопытный пример, опровергающий его самого. В первой деревни бакайри на вопрос путешественника, как велика деревня племени нахукуа, старик Палеко, бывавший там, нарисовал ему на песке рядом много кругов. Штейнен думал, что старик хотел изобразить ему неопределенное множество домов, о точном числе которых он якобы не имел понятия. „Что бывают люди, которые дюжину кругов могут точно счесть за 12 кругов“, пишет Штейнен: „этого Палеко и не подозревал“ *). Однако, когда Штейнен приплыл в деревню нахукуа, там оказалось 12 жилых хижин и одна общественная хижина, где никто не жил, где висели праздничные маски и останавливались чужеземцы **). Старый бакайри без слов языком чертежей выразил число, для которого в его языке не было словесной этикетки. Отсутствие последней и ввело в заблуждение Штейнена. Однако новая немедкая психология указывает на возможность „мышления без слов“, иначе „функционального“. Поэтому, мне кажется, что бакайри умели считать абсолютно точно и на протяжении между 6 и 20, несмотря на отсутствие „слов“ для

*) Karl von den Steinen. Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens. Berlin, 1897, S. 86

**) Ibidem, S. 108

обозначения отдельных чисел этого ряда. Подобные тонкости, очень важные для психолога, не могут здесь задерживать наше внимание. Для нас гораздо важнее другая черта арифметике бакайри, блестяще вскрытая Штейненом. По его мнению, выдающую роль в ней играет двойка. Бакайри, создавая отвлеченное понятие числа, шли не через сложение, а через деление. В итоге простого деления всегда получаются две части, будь то сломанная палка или разрезанная маниоковая лепешка. При продолжении деления получаются новые двойки. Новый разрез, новый перелом дадут новые пары. Предметы меняются (палки, лепешки и пр.), пары остаются, почему бакайри, перестав обращать внимание на сущность предметов, получили отвлеченное понятие числа „два“. Оно явилось, по мнению Штейнена, в „действии“, а не было результатом простой наличности парных предметов, напр., двух рук, двух ног, двух ушей и т. д. Объяснение Штейнена можно продолжить. Прежде всего, он не обращает достаточного внимания на единицу, играющую в арифметике бакайри не менее важную роль, чем двойка. Ему самому кажется поразительным отсутствие в языке бакайри множественного числа. У них слово „ети“ (éti) = хижина, хижины, деревня, слово „зе“ (se) = дерево, деревья, дрова. Здесь непонятная для европейской логики игра мысли, заменяющая целое частью. В арифметике бакайри проявляется парциальная мысль, дробящаяся, делящаяся, стремящаяся к анализу и убегающая от синтеза. Понять ее истощающе, до дна, невозможно, ибо она „дологична“. Зато вполне понятно, что она проявляется равно и в арифметике, и в орнаментальном искусстве бакайри. Освальд Шпенглер был не так далеко от истины, когда в античной аполоновской „культуре близки“ искал соответствие между пластикой и геометрией Эвклида, а в новой западной фаустовской „культуре дали“ выявлял согласование инструментальной музыки и математики бесконечно больших и малых. Уже Шурц отметил связь арифметики бакайри с их хозяйственно общественной организацией*). Таким образом культура бакайри представляет стройное целое, единую фазу, все элементы которой строго соответственны и прочно прилажены друг к другу. Но связь „идеологии“ бакайри с их хозяйством будет удобнее проследить в третьей деревне, куда, миновав новый порог реки Кулизеху, двинулся Штейнен.

Третья деревня. В третьей деревне бакайры, носившей название „селение орла гарпий“ было три семейных и один очень большой, но и очень ветхий мужской дом. Население было „многолюдно“: 31 мужчина и еще больше женщин и детей, часть которых от белых пришельцев укрылась в лесу. На площади, перед мужским домом, на деревянной подставке лежал огромный барабан. Это был выдолбленный ствол „дерева летучей

*) Шурц. История первобытной культуры. СПб., 1910, с 874.

мыши"; на нем вырезаны раскрашенные фигуры человека и рыбих позвоночников. В большие праздники ударами в этот барабан-великан, может, "голос предков", мужчины созывались на танцы. В мужском доме висел лабопытный танцевальный костюм. Он изображал ульеобразную хижину бакайри и был колоссальных размеров. Окружность нижнего основания костюма-хижины равнялась целым 10 метрам. В дымовое отверстие вверху высывалась голова танцора, на которую надевалась ситообразная маска. Смысл танца для Штейнена остался неясен. Зато ему удалось обнаружить новые стороны хозяйства бакайри. В третьей деревне бакайри охотно вступили в обмен с белыми "господами" бус и ножей. Штейнену удалось получить прекрасные головные повязки из перьев араву, окрашенных с одной стороны в голубой, а с другой — в желтый цвет, красивые цыновки (рогожи), большие флейты, весло, украшенное рисунками, простейшее веретено, много деревянных цилиндров, испещренных орнаментальными узорами и носившихся на спине при праздничных танцах. Инвентарь хижин ясно указывал на сношение с соседними племенами. Ближайшим карибским же, хотя иноразными, племенем были нахуква, селение которых от третьей бакайрской деревни лежало всего в семи часах плавания по Кулизеху. Старик Палеко из первой деревни, математические способности которого не дооценил Штейнен, посещал нахуква и недурно знал их язык. За страной нахуква лежала область мехинаку, отстоявшая от них на двое суток пути. Все бакайри знали в общей сложности с полдюжины слов языка мехинаку: сношения между этими двумя племенами были редки и случайны. Еще ниже по Кулизеху, к югу от мехинаку, стояла деревня ауэмо, ряда еще других племен, затем трумаев, и, наконец, могучих суйев, живших уже в верхнем течении реки Шингу. Каждое племя выработало как бы монополию на известный род производства. Мехинаку были "господами" глиняной посуды. Ее от них получали нахуква, у которых появились и самодельные горшки. Штейнен видел в их деревне старуху-горшечницу, лепившую посуду из сырой глины. Однако на левом плече ее было сделано три параллельных надреза, отличительный знак мехинаку. В деревню нахуква она попала в качестве жены, принеся в приданое свое горшечное искусство. От нахуква посуда попадала к бакайри, не имевшим своей посуды, хотя в их области и была подходящая глина. Не выделяли бакайри и каменных топоров, столь необходимых при лесном земледелии: в их области не было ни одной каменоломни. Шлифованные топоры вместе с ожерельями из просверленных камешков бакайри получали от трумаев. Эти топоры проделывали довольно длинный путь: им пришлось пройти через руки ауэме, мехинаку, нахуква, чтобы в конце концов попасть к бакайри. Но иные предметы попали к бакайри из еще более далеких областей. Штейнен с изумлением увидел в третьей деревне бакайри два железных долота, отшлифованных на полировальном

камне. Оказывается, они были кусками ружейного шомпола, оставленного им три года назад, в его первое путешествие 1884 г. в области суйев. Если мехинаку были горшечниками, труман — камнеобделывателями, то и сами бакайри были мастерами ожерелий и гамаков. Только в области бакайри встречались красивые белые раковины, которые они резали прямоугольниками, просверливали и нанизывали на шнурок. Очень искусны были бакайри в разного рода плетеньях. Материалом служили пальмы и разные ползучие растения. Занимались плетением мужчины. Они пользовались обеими ногами, причем одна удерживала поперечные, а другая продольные стебли. Были стоячие и висячие корзины, густого и редкого плетения, в которых хранилась разная мелочь. Выделывались носильные корзины, в которых переносили рыбу. Из пальмовых листьев плелись рогожи для сушения маниоковой муки. Особенно замечательны были бумажные гамаки. Бакайри возделывали хлопок на своих полях. Из очищенной от семян хлопковой ваты они умели готовить пряжу. Для этой цели они употребляли веретено, состоявшее из небольшого ($3\frac{1}{2}$ —6 см. в диаметре) глиняного диска, через который протыкался деревянный прут в 30—35 см. длиной. К диску прикреплялась вата, после чего веретено быстро катилось на верхней части бедра. Вследствие равномерного вращения, хлопок разворачивается в нить, которая наматывается на прут, пока не образуется толстый конусообразный клубок, который затрудняет скольжения. Чтобы пряжа не пачкалась от пота, бедра покрывают слоем белой меловой глины. Нить выде-
лывается затем вдвое или втрое и хранится в клубках, которые составляют любимые подарки гостям. Клубки ниток получил Штейнен, но их получил на Антильских островах и Колумб, открывший их в 1492 г. Для приготовления из этих бумажных нитей гамаков бакайри употребляют зародышевый „ткацкий станок“. Прimitивнее его трудно что-либо представить: Два низких столба, не достигающих высоты $\frac{1}{2}$ метра, врытые в землю на нужном расстоянии, — вот и весь станок. Происхождение тканья из плетения здесь совершенно ясно. Вокруг столбов обматывается толстая хлопковая веревка, не имеющая конца: это — „основа“. С помощью палочки („челнок“) продевают поперечные нити („уток“). Иногда основу делают из волокон пальмы бурити. Уток сдвигают так плотно, что он совсем закрывает основу, так что получается ткань столь же плотная, как парусина.

Перед нами „групповые“ ремесла. Разделение труда еще крайне слабо внутри одной хозяйственной ячейки. Обмен между членами одной организации почти не существует. Но появляются племенные специальности и междуплеменной обмен. Надо только не преувеличивать его размеров. Он еще очень слаб, потому что люди еще слишком бедны. Для обмена создано слишком мало предметов. Он еще отличен даже от меновой торговли. Не только нет постоянного мерил ценности разных предметов —

денег, хотя бы в форме раковин не только арифметика, как мы видели, находится в жалком состоянии, но и мены предмета на предмет еще не существует. Происходит своеобразный обмен подарками между хозяевами и гостями. При этом нравственность имеет узкий, племенной горизонт. На языке бакайри слово „кура“ обозначает разом, „мы, наш, добрый“, тогда как „курапа“ — „не мы, не наш, недобрый“. Чужеродец считается человеком злым и лживым. Все именье гостя считается приналежащим хозяину, который отдаривает его лишь съестными припасами на дорогу. Поэтому, бакайри, сопровождавшие Штейнена в деревню мехинаку, тщательно спрятали в ближайшем к ней лесу свои весла и корзины с остатками рыбы и лепешек. Самого Штейнена у мехинаки обокрали, и только его угрозы и револьверный выстрел заставили дикарей вернуть ему компас и другие его вещи. Обмен, ввиду опасностей, велся лишь между соседними деревнями. Предметы обмена, однако, просачивались эстафетным путем довольно далеко. Вместе с материальными предметами проникали и новые идеи. Песни, танцы, маски, украшения, часто непонятные, передавались на далекое расстояние. Выменивание женщин увеличивало обмен культурных благ. Так, сами бакайри рассказывали, что земледелие принесли им женщины, добытые у ну-аруаков. Чем судоходнее и ближе к Шингу была река Кулизеху, тем оживленнее обмен, тем крупнее деревни (у мехинаку, напр., более 14 хижин), тем богаче жители. Но рост обмена и увеличение богатств вели и к росту алчности, жажды добычи, стремлению разграбить чужие запасы. Так, Штейнену не удалось добраться до деревни трумаев. Те были разбиты суйями: часть их была умерщвлена, а часть попала в рабство. Так с усложнением культуры в мирную идиллию бакайри вторгаются мотивы драмы.

**Новая вторая
деревня
Бакайри.**

Через 14 лет (в 1901 году) Макс Шмидт, другой немецкий ученый, вновь посетил реку Кулизеху. Он заметил большие перемены на ее берегах, хотя основа самобытной культуры бакайри — подсечное земледелие — уцелела. Драгоценности бледнолицых внесли разлад и распрю в недра прежде единой бакайрской деревни: вождь одной деревни, знакомец Штейнена, был даже убит своими. Соседи с нижнего течения Кулизеху стали враждебнее в отношении бакайри, ставших „господами“ заманчивых сокровищ. Вторая и третья деревня бакайри слились в одну деревню, укрывшуюся в лесной чаще близ старой второй. Макс Шмидт в этой новой второй деревне подметил черты общественной организации, оставшиеся неясными Штейнену. Деревня эта, звавшаяся „Маймайэти“, т. е. „селение черепахи“, имело 2 вождей и состояло из 4-х хижин. Шмидт начертил схемы, изображающие и родословную и место гамак каждого обитателя хижины. В итоге он приходит к таким трем выводам. 1. Обитатели всякой хи-

жины образуют родственную „большую семью“, внутри которой существуют „индивидуальные семьи“. 2. Вступая в брак, мужчина входит в дом жены, иначе говоря, попадает в семью последней. 3. Из последнего правила есть одно исключение: глававар хижин при браке остается у себя, приводя жену со стороны. Неясными и для Шмидта остались отношения между обитателями всей деревни. Главари двух хижин в то же время были и двумя вождями деревни. Брат одного вождя был главарем в другой хижине, где жила и его родня. Так жителей деревни объединяли частью и родственные связи. Родословные, составленные Шмидтом, к сожалению, слишком коротки, чтобы выяснить, существуют ли общие предки у однодеревенцев. Во всяком случае, о чисто родственных связях говорить не приходится. Рядом с родством выступает соседство. Самое слияние двух деревень в одну есть реальное осуществление последнего. Внутри каждой хижины и то встречаются чужеродцы, посторонние по крови люди. Деревня оказывается соединением нескольких „больших семей“, или родов (в данном случае четырех). Но цементом, скрепляющим эти действительно или воображаемо родственные между собою роды, является общехозяйственный интерес. Взаимная „работа в помочь“ по вырубке—подсеканию леса ведет к такому совместному, хотя и непрочному сожительству нескольких родов. При всей неясности за общественным строем бакайри лучше всего оставить имя „родового“. Ячейкой каждого рода у них является индивидуальная семья. Она отличалась от современной. Скорее это „моногамия по нужде или парный брак“. Заключение брака и разрыв супружеских связей весьма легкое дело, у индого мужчины имеется по жене в нескольких селах. „Пережитков“ доиндивидуальных (групповых) брачных отношений замечено мало. Таким можно считать обычай вступление мужчины в брак после смерти жены с ее сестрой. Это, видимо, обычай старинный. Напротив, вхождение жены в хижину мужа, если он главарь, является новшеством. Мы видели при Штейнене, что девочка, владевшая в первой деревне „скамейкой вождя“, приносила будущему супругу в приданое сан вождя, который должен был вступить в ее род. Теперь, при Шмидте, и вождь целой деревни и даже главарь отдельной хижины не покидали своей „большой семьи“, своей родной хижины. Молодая жена покидала свою родню, чтобы влиться в род мужа. На фоне индивидуальных матримониальных семей намечается грядущая отцовская, или патронимная. В первой хижине Макс Шмидт нашел несколько человек, зависящих от ее главара и одновременно вождя всей деревни. Так, здесь есть юноша, которого вождь зовет „сыном“ (но это—приемыш, ибо у вождя с его женой имеются лишь две дочери), есть маленькая девочка, родственница этого вождя, есть юноша, какой-то кузен (?) все того же вождя. Мы на пороге к отцовской линии родства. Образовался ли у бакайри патронимный род, существуют ли их крохотные деревушки, я не знаю. Очутившись

случайно на пути бледнолицых, первобытная культура бакайри до времени созрела, ускоренно раскрыла свои возможности и перспективы.

Для доисторика появление бледнолицых есть своего рода, эксперимент, или опыт. Но этот опыт портит материал, над которым он продельвается. Накопление богатств, как мы видим, ведет к раслоению общества. Вожди и главари, подвываясь над рядовыми членами родов, готовы перейти к отцовской семье. Так опыт показывает нам тенденцию будущего развития. Но он делает бакайри для доистории мало интересным. Уже при Шмидте стальные топоры, привезенные белыми, при высекании леса почти вытесняют каменные. Европейизм начал свое шествие, победное и неумолимое, необходимое и роковое. Может, бакайри еще и живы (ведь по их словам, они были вечно). Но их „первобытность“ тает в соприкосновении с белой культурой. Остатков ее все меньше и меньше, они теряют взаимную связь, они обращаются в нелепо-странные „пережитки“. Тогда мы отдадим их в руки фолклористов. Пусть они зарегистрируют эти „пережитки“, пусть отсеют от новообразований, пусть учтут их изменяемость („порчу“) в столкновении с новым. Но, может, грубые португальские солдаты и авантюристы, искатели богатств, по следам героических немецких ученых проникли в страну бакайри. Если водка и позорные болезни, приносимые ими, свели уже в могилу последнего бакайри, то нам остается просить политика сказать страстную надгробную речь, публициста написать зажигательную статью, поэта составить гневную и скорбную эпитафию над безвестным и скромным могильником этих мирных лесных земледельцев.

Бакайри и культура землянок. Словно видение, мелькают перед нами три деревни бакайри на реке Кулизеху. Они бросают несколько лучей света на неолитические деревни Европы. Овальные хижины—это те же землянки, выползшие под экватором на поверхность земли. Каменный шлифованный топор, полировальный камень, символическое искусство—особенно надежные соединительные звенья. Но полная конвергенция, конечно, невозможна. Неолитическая культура вообще стала многообразнее и пестрее, чем донеолитические. Культура бакайри, замкнутая в небольшом районе и в одном моменте времени, конечно, не может совпасть с культурой землянок европейского неолита, рассеявшейся на огромном пространстве и существовавшей многие сотни лет. Первая есть культурный комплекс, вторая—комплекс многих даже не комплексов, а культурных групп. Место культуры бакайри в европейском неолите между кампинийскими жилыми ямами и первыми деревнями.

У бакайри, как и всюду в Южной Америке, нет настоящего домашнего скота, кроме ручных птиц. Селения их еще ничтожных размеров. Глиняная посуда не так разнообразна и обильна, как в Европе. Но если отождествление невозможно, то

уподобление вполне мыслимо. Лесное земледелие с каменными топорами, женский (матронимный) род, парциальное мышление, выразившееся и в символическом искусстве и в арифметике бакайри, можно перенести в начало поры полированных орудий европейского неолита. Даже такие ремесла, как изготовление челноков из коры, плетенье, пряденье, зародышевое тканье могут быть предположены существующими в Европе, хотя ни малейших следов их не сохранилось. Можно считать общими и основные тенденции развития. Это—рост прибавочного продукта, кристаллизующегося в постоянных запасах, зачатки групповых или племенных ремесел, рост обмена, патронимный род, начало борьбы между отдельными племенами и родами, на которое распадалось неолитическое человечество.

3. Укрепления на воде и суше.

За. Палафитты.

Открытие свайных построек. Летом 1854 г., в Швейцарии была такая засуха, что Цюрихское озеро обнажило мелкую часть своего дна. Предприимчивые крестьяне одной деревушки вздумали приумножить свои земельные владения, для чего начали огораживать обсохшую мель плотиной. Копая землю, с удивлением наткнулись на „культурный слой“: бывшее дно озера было испещрено отпечатками и остатками деревянных кольев-свай, усеяно костяными и каменными орудиями, черепками и пр. Местный учитель сообщил о находке археологу Ф. Келлеру, который и начал изучение этих своеобразных жилищ доисторического человека. Их называли то „озерными поселками“, то „деревянными островами“ то чаще всего—„свайными постройками“, то иногда—французским словом „палафитты“. Немецкий ученый Леман, произведя сравнительное исследование таких сооружений по всему земному шару, предложил считать свайной всякую постройку, у которой между полом и землей имеется пространство, ограниченное столбами-сваями, так что под полом свободно движется вода или ветер. Во второй половине 19-го века палафитты возбудили такое увлечение, что в 1890 г. Монро (Monro) мог перечислить целых 469 статей, книг и брошюр, им посвященных. Хотя в 20-м веке интерес к ним несколько ослаб, целый ряд специалистов во главе с Гейерли трудится над их изучением. Всего в Европе удалось открыть около 350 разнообразных свайных построек, большинство которых относилось к меднокаменному и бронзовому векам, гораздо меньше—к чистому неолиту и лишь единичные—к железному. Главная масса их сосредоточивается в Швейцарии (около 250) и в приальпийских областях Франции, Южной Германии, Австрии и Северной Италии. Другая „северная провинция“ тянулась от Ирландии через Англию, Голландию, Северную Германию до Южной Швеции, где найдена палафитта близ Альвастра. Наилучше изучена провинция приальпийская.

Генерли для Швейцарии даже установил три ступени развития, относя последнюю к меднокаменному времени. Однако находки не дают оснований, достаточно веских, для такого подразделения. Вода, превосходный предохранитель от гниения, спасла от тления множество предметов культуры, которые до последнего времени никогда не находились в жилищах и могилах на сухой почве. Даже огонь часто был бессильен уничтожить память о жителях палатитт: обугленные пшеничные лепешки и ткани великолепно сохранились, упав в озерный ил или затянутые торфом. Но вода легко могла переместить и перепутать культурные слои. Не говоря уже о смешанных, даже в чисто неолитических стоянках, каковы Вангенская на Боденском озере, Шафизская на Биллерзее (более древние) и Моосзеедорфская на озере того же имени (более новая) очень трудно подметить последовательность культурных комплексов. В знаменитой огромной (120.000 кв. футов и до 100.000 свай) Робенгаузенской палатитте на Пфефиконском озере, близ Цюриха, удалось обнаружить три культурных слоя с двумя пустыми прослойками, вклинившимися между ними. К сожалению, эта палатитта не может быть названа древней. Мессикомер в среднем слое Робенгаузена обнаружил ложкоподобные сосуды, обожженные и со следами меди. Позднее нашли и плоский медный топор. В 1858 г., когда откопана была в первый раз эта палатитта, стратиграфия, или распределение находок по слоям, еще не возводилась в неоспоримый научный догмат, почему расслоение ее недостаточно надежно. Во время засухи 1921 г., опять понизился уровень швейцарских озер, и были сделаны новые открытия чисто неолитических построек, причем последовательность слоев установлена вполне надежно, местами даже применен метод топографической съемки. Мне известно об этих делающих эпоху открытиях лишь по краткой заметке Питтара (Pittard) *).

Две группы палатитт: а) свайные. Гораздо надежнее подразделять палатитты по способу их постройки. Мы получим две основных группы. В одну войдут настоящие „свайные постройки“. Процесс сооружения их известен довольно хорошо. Молодые деревья (чаще дубняк) срубались, нижние концы их заострялись с помощью топора и огня. Полученные нужной длины сваи на лодках-однодеревках доставлялись на избранный водный участок и втыкались своими остриями в дно, приблизительно на равном расстоянии друг от друга и на одинаковой высоте над водой. Верхние концы этих свай соединялись тяжелыми балками, а на них настилался помост из толстых поперечных бревен, тесно примыкающих одно к другому. На балачный помост насыпались тростник, глина, мох и все это крепко утаптывалось. На такой

*) Pittard, E. Recent investigations of the Lake Dwellings of Switzerland (Nature, 1922, v. 110, № 2748, p. 12-14).

прочной платформе и сооружались хижинны. Благодаря счастливым находкам, возможно восстановить их облик. Так, Франк на озере Федер (Вюртемберг), близ Шуссенрида, обнаружил такую хижину под пластом торфа. Она имела форму прямоугольника 7×10 метров, стены которого были сделаны из дубовых полубревен, поставленных вертикально так, что выпуклой стороной они обращены наружу, а плоской—внутрь. Пазы между бревнами были промазаны глиной, хижина делилась на две комнаты. Одна имела $6,5 \times 5$ метров и, судя по месту для очага, служила кухней. Одна дверь из кухни вела наружу, а другая—во вторую комнату. Последняя не имела двери наружу и служила спальней. Крыша хижины подпиралась перпендикулярными столбами, проходившими сквозь пол до дна озера. Крыша, вероятно, была соломенная или тростниковая, с отверстием для дыма. Обермайер указывает, что свайные бревенчатые или сплетенные из тростника хижинны, обмазанные глиной, запирались дверями, вращавшимися на шпильках, приделанных к двери, сверху и снизу, и обладали маленькими оконными отверстиями, закрывавшиеся зимой деревянными ставнями. С платформы в воду спускались трапы (лестенка из бревна с зарубками), а края ее окружались перилами. Сообщение с берегом поддерживалось мостиком на сваях или лодками — „однодеревками“. Для укрепления устоев всего сооружения на дно сыпали камень и щебень. Сваи то скреплялись плетнями, то соединялись поперечными деревянными переборками. Юлий Цезарь не менее великих побед гордился мостом на сваях, его волею перекинутым через Рейн *). Но римские инженеры, работавшие машинами и металлическими орудиями, имели гораздо меньше оснований для гордости, чем неведомые свайные строители времен камня.

б) Плотин-
ные. Не так эффектно другие жилища на воде, строившиеся по иному плану. Их можно назвать плотинными постройками, так как основанием платформы с хижинами служил фундамент, напоминающий по устройству плотину. В самой Швейцарии Келлер обнаружил очень древние „фашинные сооружения“. Грубо связанные из сучьев и стволов плоты клялись один на другой и тонули под собственной тяжестью. Для прочности эти горизонтальные слои сучьев и бревен пронизывались вертикальными сваями. В „северной провинции“ большинство водных селений относилось к группе плотинных. Среди них самыми характерными можно считать „деревянные острова“, или кранножи Ирландии и Шотландии, хотя они лишь очень редки в неолите. На отмелях или низких островках устраивались искусственные возвышения из древесных пней, валежника и щебня, на которых и ставились хижинны. Кругом такой островок ограждался часто полом из свай. Сваи отходили от острова и окру-

*) De bello gallico IV, 17.

жали его в несколько концентрических кругов, делая из него центр паукообразной сетки. Иногда к такому кранножу вела плотина, шедшая зигзагами под водой, так что пользоваться ею могли только люди, хорошо знакомые со всеми извилинами пути.

Усовершенствование обработки камня. Палафиты обоих видов могли появиться лишь при наличии высоко развитой техники каменных орудий. Плохо отшлифованным и плохо орукояченным топором нечего и думать нарубить такую массу бревен и свай. Швецария как раз очень бедна кремнем, но очень богата сланцами, диоритами, серпентином и даже полудрагоценными нефритом, ядеитом и хлоромеланитом. Чтобы не тратить много времени на отшлифовку этих пород камней, неудобных для оббивки, от них отпиливали предварительно куски подходящей формы. Ученые археологи, делая лично опыты, убедились, что кремневой пилой, твердым деревянным или костяным бруском, или, наконец, бичевой, туго натянутой на лук, можно распиливать камни. При пилении кремневой пилой достаточно сделать надрез на $\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ сантиметра, чтобы можно было ловким ударом отбить ненужный кусок камня. В палафиттах найдено много кремневых пил, прикрепленных к деревянным рукояткам смолой. При пилении бичевой или деревянной линейкой с острым ребром необходимо подбавлять мокрый песок. Думают, что мысль о пилении у человека неолита возникла при взгляде на полировальные камни, на поверхности которых в результате трения оставались глубокие борозды. Но распиливание костей и, вероятно, дерева было известно человеку еще до шлифовки орудий. Искусство пиления создало не только красивые, симметричные, сильным ударом топоры. Не менее удачно был разрешен вопрос и о насадке топоров на рукоятку. Сперва лезвия вставлялись прямо в рукоятку, в которой строители свайных поселков долотом проделывали отверстие. Затем каменное лезвие и деревянная рукоятка соединялись между собой своеобразной втулкой из оленьего рога. Эта роговая втулка на одном конце имела углубление (паз), в которое вгонялся каменный топор, а другим концом (пятой) всаживалась в отверстие, пробитое в топорище. Для придания прочности и утяжеления удара, верхняя часть рукоятки делалась утолщенной (рис. 41). Иногда рукоятка топорища загибалась слабым крючком, чтобы топор не выскользнул при ударе из рук. Хотя такое прикрепление уже было неизмеримо выше вставки в согнутое вдвое колено, или привязывания, или приклеивания, строители палафитт не удовлетворялись этим. При скреплении они стали приспособлять к рукоятке лезвие, как это делается с современными топорами. Таким образом, они получили сверленные каменные топоры. Древнейшим сверильным прибором, видимо, слу-

Рис. 41.
Каменный топор с рукояткой (свайные постройки).

жила зажигалка. Наконечник сверла для твердости обугливался. Для ускорения вращения, а следовательно и силы сверления, пользовались тетивой лука. В свайной постройке Клерво удалось найти такой маленький (435 миллим. длины) лучок из орешника. Для облегчения работы сверление велось не с одной, а с двух сторон: в недоконченных полелках встречаются два конусообраз-

Рис. 42.

Полное сверление: неоконченный каменный топор с углублениями с двух сторон (свайные постройки).

Рис. 43.

Полное сверление слева: — каменные цилиндрики; справа — топор с началом сверления.

подобного „полого сверления“. Это или получившиеся при сверлении камня стержни—„каменные цилиндрики“ (они точно усеченные конусы, как их зовут (рис. 43, слева), или недоделанные топоры с конусообразным углублением с выдающимся пеньком на дне его (рис. 43, справа). Опыты и наблюдения ученых доказали, что полыми наконечниками сверл могли служить кости, рог и даже твердый тростник.

Для археолога сверление было столь яркой меткой для свайные разграничения типов орудий, что чешский профессор постройки. Вольдржих предложил для конца новокаменной эпохи название тримолит, т.-е. сверленный камень. Однако перегруппировка всего материала по этим двум рубрикам Вольдржиха слишком затруднительна и пока не могла быть осуществлена *). Самое сверление не сыграло, видимо, такой крупной роли в хозяйстве человека, как полировка. Известное еще охотнику за северным оленем в применении к изделиям из кости, оно прилагалось затем при выделке предметов роскоши—подвесок серег или каменных бус. Его появление произошло уже после полировки. Если

*) В чисте неолитической палатке у Женевы (открыта в 1921 г.) Вуга (Vouga), установив 4 последовательных культурных слоя, в 4-м, самом нижнем, не нашел совершенно сверленных орудий.

строители палафитт и не были творцами этого нововведения, то оно во всяком случае нашло широкое распространение именно у них. Разнообразные операции над деревом способствовали развитию в свайных поселениях и разнообразных форм деревообделочных орудий. Из шлифованного топора здесь выработались (неизвестно опять, впервые ли) долота и редкие тесла. Последние отличались той особенностью, что они были плоски (или почти плоски) на одной стороне и немного выпуклы—на другой. Полированное лезвие такого тесла вставлялось в вырез длинного влагалища из оленьего рога, шип-пята которого вклинивали в деревянную рукоятку. В отличие топора лезвие тесла было перпендикулярно к рукоятке. Тесла употреблялись для строгания, делания ровным дерева. Я не буду утомлять читателя перечнем других орудий. Самые находки изделий из дерева ясно показывают, насколько разнообразными инструментами и сноровками владели плотники палафитт.

Лодка—одно-деревка. После свай и хижин самой крупной их работой являются лодки-однодеревки. Несколько экземпляров их отлично сохранились. Среди них есть грубые, корытообразные, выдолбленные из полуствола. Но есть и целые барки из больших полустволов с округленным носом и кормой длиной в 3,6 метра, шириною 0,75 и глубиною от 15 до 18 сантим. Падались даже барки из целого огромного дуба в 9,35 метра длины на 0,75 м. ширины *) Корма и нос у них различны, долбление производилось и топором, и огнем. Столь грубые на наш избалованный взгляд, эти суда никаким образом не могут считаться примитивными.

Протехо-
ждение
лодии. Начало судоходства относится к отдаленнейшему прошлому человечества. Подобно многим животным, люди, вероятно, любили освежиться в прохладных струях тихой реки или озера. Легко могли они и научиться плавать. Выдернутое с корнем дерево, плившее по воде, могло заинтересовать купавшегося человека. Играя, он карабкался на это дерево, испытывая наслаждение от передвижения без затраты энергии. Пожелав вернуться на берег, он греб руками. Ствол дерева и был древнейшим судном человека. Жители Торресова пролива, отделявшего Австралию от Новой Гвинеи, встречали корабли белых, сидя верхом на древесных пнях и гребя руками. Соединение нескольких деревьев для совместного плавания дало первый плот. Вымершие уже в 1876 г. тасманийцы, по данным современной этнологии древнейшие из современных дикарей, обладали плотами **). Томас нашел плоты и у австралийцев ***)

*) Dechólette, p. 540—41.

**) R. Pösch Ein Tasmanierschädel im K. K. naturhistorischen Hofmuseum Die anthropologische und ethnographische Stellung der Tasmanier (Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien, 1916, Bd 46, H. 1/3, S. 37—92). О плотях см. S. 76—78.

***) N. W. Thomas, Australian Canoes and Rafts (The Journal of the Anthropological Institute, 1905, t. 35).

Не удивительно, что охотники из Маглемозе имели плот, на котором они жили на своем Большом болоте. Это было еще в начале протонеолита. В конце его люди кухонных остатков держали пускаться в открытое море, куда их влекло обилие сельдей и трески. Их суда, судя по огнестельцам, сделанные, вероятно, из коры, к сожалению, не сохранились. У неолитических жителей Ладожской стоянки времени полирования и распиливания камня имелась большая барка, выдолбленная и выжженная, с двумя переборками внутри, изготовленная из одного ствола. Такие же массивные однодеревки мы находим и в свайных постройках. Этот тяжелый речной флот господствовал на пресных водах в неолитическую эпоху. Определенно можно сказать, что ни досчатая лодка, ни парус в Европе неолита известны не были. Рисунки на скалах Скандинавии, относимые к бронзовой эпохе, изображают только гребные суда, без парусов.

Не в одних лодках-однодеревках сказалось мастерство людей палеолита. Вода сохранила много мелочей. Свайная хижина была богато обставлена: двери на шпелках, скамьи, столы, сундуки, даже деревянный крюк с четырьмя выемками для прикрепления к стене (рис. 44), вероятно, для ве-

Рис. 44.

Вешалки (свайн. постр.).

Рис. 45.

Деревянный сосуд (свайн. постр.).

Рис. 46.

Ивовая дубина (свайн. постр.).

шанья платья. Выделывалась деревянная посуда: маленькие чашки с ручкой, лоханочки (рис. 45). Попадаются и деревянные

Рис. 47. Ивовый лук (свайн. постр.).

мутовки для сбивания масла и деревянные веретена. Искусно сделаны деревянные топорища, дубины из ивняка (рис. 46), деревянные кинжалы и длинные луки из ивы (рис. 47) или тиса.

К деревянным черенкам стрел прикреплялись шнурком или клеем наконечники из кремня или кости (рис. 48) Флот палафитт имел экипаж,—лучников, владевших „дальнобойным“ оружием. Среди рыболовных снарядов бросается в глаза очень изящный костяной гарпун и древнейший, известный из времен неолита, поплавок из сосновой коры (а не из пробки), имеющий четырехугольную форму с отверстием посредине. Среди костяных шил, роговых молотков и кинжалов следует особенно отметить прекрасную земледельческую мотыку из оленьего рога, просверленного для насадки на рукоятку (рис. 49). Наиболее отсталым ремеслом в палафиттах было гончарное. Сосуды довольно грубы и крайне бедны орнаментом: часто это просто вдавления пальцем, ногтем или палочкой. Характерен тюльпанообразный кубок, суживаю-

Рис. 48. Наконечники стрел (свайн. постр.): слева — костяной, справа — кремневый.

Рис. 49. Мотыка из оленьего рога (свайн. постр.).

щийся и закругляющийся книзу и расширяющийся кверху, в виде венчика цветка. Сосуды западно-альпийских палафитт не раз повторялись в юго-западной Германии (михельсбергский тип керамики *).

Убогость орнамента свайной посуды тем удивительней, что мы встречаем здесь весьма развитое текстильное ремесло. Плетенье было древнее ткачества. В палафиттах сохранились остатки того и другого. Разводившийся в изобилии лен способствовал их процветанию. Кроме плетения из луба—мочальных рогож (рис. 50), в озерном иле найдены всевозможные льняные изделия и орудия, необходимые для длительной процедуры превращения льна в ткань. Найдены гребни из свя-

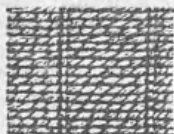
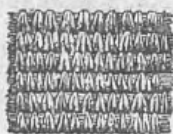

Рис. 50. Рогожи (свайн. постр.).

Рис. 51. Гребень для чесания льна (свайн. постр.).

занных вместе, заостренных бараньих и бычачьих ребер, на которых расчесывали лен (рис. 51). Сохранились деревянные вер-

*) Обермайер, стр. 566, рис. 303: изображены сосуды палафит и михельсбергские.

тена для сучения ниток. На эти веретена надевались просверленные круглые глиняные прясла. Из получавшейся льняной пряжи плелись бичевки, толстые веревки, редкие и частые сети (рис. 52).

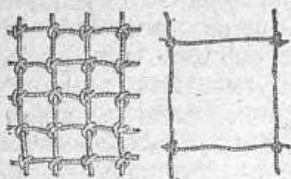

Рис. 52,
Сети (свайн. постр.).

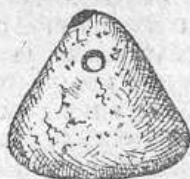

Рис. 53,
Глиняное грузило (свайн. посар.).

Гейерли убедительно доказывает и реконструирует простейший ткацкий станок, памятником которого остались глиняные грузила, подвешивавшиеся к основе (рис. 53), на котором ткали и

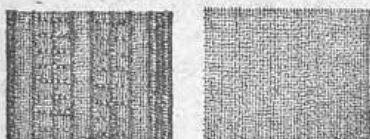

Рис. 54. Ткани (свайн. постр.).

редкие гладкие ткани, и узорчатую крестчатую „тафту“ (рис. 54). Вода сохранила даже кусочки бахромы. Все эти находки доказывают, что житель свайных построек одевался в льняные ткани, но его одежда не сохранилась.

Формы
хозяйства
свайных
людей.

Приготовление тканей на жалком ткацком станке, выжигание огромных пирог-однодеревок, изготовление новых и починки старых свайных сооружений, очень тщательная выделка мелких орудий и утвари требуют много времени, много продовольствия, следовательно — больших запасов. Накопление сбережений могло произойти лишь в высоко развитом хозяйстве. Остатки пищи вполне подтверждает такое предположение. Найдены пшеничные и ячменные хлебцы, зерна и колосья ячменя, проса, трех сортов пшеницы, горох, чечевица, лен, сушеные яблоки, кислые и сладкие вишни, морковь и пастернак (лесной борщ). Связывая эти находки с открытыми каменными зернотерками и роговыми мотыками для разрыхления земли, можно смело говорить о культуре-возделывании полевых, огородных и даже садовых растений. Кости найденные на дне озер, принадлежали домашним животным — быкам, козам, свиньям, собакам, редко — овцам. Находка маслобойных мутовок и корзин для сыра позволяет говорить о маслоделии и производстве сыра, но, вероятно, не в неолитическую эпоху. Скотоводство падафитт уже не было приручением животных ради священных целей. В палаффите Шаленского озера найдено деревянное ядро (находка Жирардо), а в свайном поселке Клерво (французская же Юра) — колесничная ось*). Эти предметы указы-

*) L'Anthropologie, 1917, № 1—2, p. 77.

вают как-будто на запряжку животных (вероятно, быков) для перевозки людей или тяжестей. В обоих этих палафитгах обнаружены, однако, бронзовые изделия, почему нельзя относить ярмо и ось к неолиту. Вернее думать, что плуг, запряженный быками, и колесница, влекаемая ими же, появились лишь в бронзовую эпоху*). Хозяйственное использование животных в палафитгах неолита не могло быть широко развитым.

При развитом симбиозном хозяйстве не исчезло и паразитное. „Собирательство“ пополняло кладовые кучами дикого терна, малины, земляники, ежевики, орехов, жолудей, дубовых и буквых. Охота доставляла многочисленных (судя по костям) благородных оленей, затем козуль, барсуков, бобров, ежей, редко — медведей, волков, зубров и лосей. В древнейших постройках кости диких животных даже преобладают над костями домашних. Таким образом, свайное хозяйство было смешанным и сложным.

Критика теории Левассера Пресловутая теория Левассера в приросте населения видит двигатель, побуждающий людей от требующей огромных пространств охоты переходить к более сжатому и более производительному земледелию. Жители палафитт были вполне охотники и земледельцы больше, чем скотоводы и охотники. По Левассеру переход их к земледелию надо объяснять перенаселенностью Швейцарии в неолитические времена. На первый взгляд есть основания для признания густоты неолитического общества свайных селений. Нам известны очень большие палафитты: Робенгаузенская состояла из 100.000 слишком свай, площадь Шафисской была 195×50 квадрат. метров. Однако этими большими цифрами опасно увлекаться. Подобно средневековым готическим соборам, свайные постройки создавались трудом многих поколений. Часть обветшавших строений и свай падала на дно; к уцелевшим пристраивались новые. До нас в общей груде дошли конечные итоги иногда многовековой жизни свайного поселка. Определить его величину в отдельные, реальные моменты — очень трудно. Надо сильно преуменьшать его размеры. Точные вычисления здесь, конечно, не возможны. Мыслимо предположить, что самая маленькая палафитта возникала лишь в результате сложного сотрудничества общественной группы, насчитывающей не десятки, а сотни членов. В связи с развитием симбиозного хозяйства росла и плотность населения. Так, на Боденском озере найдено более 50 селений в которых должно жить, по мнению ученых, около 5000 человек. Пусть эта цифра не преувеличена, пусть она относится к одновременному сосуществованию всех этих селений. Можно ли сделать из этого вывод о скученности населения берегов Боденского озера? Римский писатель 4-го века по Р. Хр., Аммиан-Марцеллин как раз это самое озеро считает недоступным из-за страшных топей

*) E. Hahn Pflügwirtschaft als Zeitbestimmung (Zeitschrift für Ethnologie 1917, S. 258—268).

и лесной чащи: только римские дороги позволяют достигнуть его берегов. Если в железном веке, под властью культурных римлян, озеро было столь мрачно и дико, то неужели во времена неолита здесь могла наблюдаться перенаселенность, обратившая его жителей в оседлых земледельцев? Это было бы похоже на сказку. Прирост населения не мог, значит, породить хозяйство палафитт. Богатство и разнообразие природы Швейцарии благоприятствовали расцвету и разносторонней хозяйственной деятельности свайных людей. Горные пастбища, растягиваясь не в ширину, а в высоту, позволяли оседлым людям делаться пастухами. Лесная глушь давала обильную охотничью добычу. Но она же была удобна и для лесного земледелия. Вероятно, высекая лес шлифованными топорами, древнейшие поселенцы Швейцарии выжигали место порубки и сеяли на пожарище. Находки говорят об употреблении огня лишь при выделке лодок и заострении свай. Но они молчат о применении огня в свайном земледелии. „Немоту“ археологии необходимо дополнить более словоохотливыми известиями.

Распро-
странен-
ность
палафитт.

Египтология дает нам указание, что египетская царица Хатшепсут около 1500 г. до Р. Хр. снарядила экспедицию в „божественную страну“ Пунт, затерявшуюся у южного входа в Красное море, где то на побережье Сомали (Африка). На стенках выстроенного ею Дэйр эль-Бахари изваяна и описана пунтийская свайная деревня. Мы видим здесь круглые хижины (едва ли на воде, скорее у воды, на берегу) с лесенками*). Свайные люди названы „копателями земли бога“. Вождь пунтийцев, изображенный рядом со своей супругой с отвислым задом, как у бушменки, имеет на правой ноге ряд металлических обручей, вероятно, золотых судя по их желтому цвету**). Египтяне вывозят из земли пунтийцев золото, обезьян, борзовых собак и пр. Таким образом, пунтийцы знали земледелие, зачатки скотоводства и употребляли металлы. Так рисуется свайная постройка в свете древнейших исторических данных.

Гораздо полнее этнографический материал, наиболее полно собранный Леманном. Оказывается, что палафитты встречаются во всех частях света, исключая Австралии. Иными словами, они появляются лишь с поры полированных орудий, и в протонеолите их нет. Этнографический вывод вполне совпадает с археологическим. Классической областью палафитт является Океания. Здесь встречаются палафитты и чисто свайные (как на воде, так и на суше), и „плотинные“, на каменных устоях. Распространенные в разных климатах, среди человеческих обществ разнообразных культурных уровней, палафитты не могут всюду иметь одинаковый смысл. Так, в Африке на столбах ставятся

*) Морэ. Цари и боги Египта. Москва, 1914, с. 40, рис. 5.

**) Там же, с. 41 рис. 6.

кладовые для спасения их от грызунов. В тропических странах на сваи забираются от слишком обильных осадков, тогда как в Португалии ищут в свайных сооружениях спасения от летучих песков. Наиболее подходящими для сравнения с неолитическими палафиттами Европы могут служить новогвинейские. Но и здесь необходимо сопоставлять с соответствующими культурными фазами. В эпоху металлов галафиты могли менять свою суть и смысл. Необходимо сравнивать друг с другом неолитические палафитты. Но читатель, руководясь этими принципами, сам может проделать эту работу, на которую у меня нет места в этой книге. У нас есть возможность приподнять край завесы над палафиттами, если связать с ними несколько сухопутных швейцарских могильников.

Неолитические кладбища Швейцарии. На северном берегу Женевского озера, где, по Келлеру, найдено 24 свайных постройки, открыто несколько неолитических кладбищ, среди них Шанбландское. Здесь гробницы, сосредоточенные группами по пяти, семи вместе, представляли из себя ящики из 5 грубых каменных плит, расширяющихся у основания. Длина их была около 1 метра, а высота и ширина по 0,5 м. Эти ящики, называемые археологами „кисты“ или „цисты“, были тесны для трупа, который умещался в них лишь в скорченном положении. При трупах клались приношения. Среди украшений: кофайлы, крупинки красной и желтой охры, клыки дикого кабана, нашивавшиеся на одежду, а иногда, может, составлявшие подобие шлема, и средиземноморские раковины. Среди орудий интересен просверленный молот-топор из „змеиногo камня“ (серпентина), позволяющий в соединении с кистами относить могильники к концу неолита. Почти в каждой могиле лежало по два скелета — один (нижний) мужской, другой (верхний) — женский; есть ящик и с 5 скелетами. В нескольких могилах лежали женские костяки, державшие в объятиях маленькие скелетики детей. Совершенно сходные погребения найдены и в соседних (близ Лозанны) могильниках Пьера-Портей и Шателаре. За пределами Швейцарии каменные ящики с костями найдены в Испании и Франции (Савойя), в халколит же (меднокаменная пора бронзовой эпохи) в Скандинавии и эгейско-критской культурной области.

Общественный строй людей палафитт. Погребения эти позволяют сделать заключения об общественной организации людей палафитт^{*)}. Оказывается, что за умершим мужчиной следовала его любимая жена, а иногда и несколько жен. Между тем, смерть жены не влекла гибели мужа: мать клалась в могилу с ребенком. Таким образом, следует предположить, что

^{*)} Tschumi Otto и его рецензент Menghin Oswald согласно относят эти могилы к расцвету неолита (Vollneolithikum), но ввиду различия в утвари не связывают эти могилы с людьми палафитт (Wiener Prähistorische Zeitschrift 1922, Jahrg. IX H. 1/2, S. 75—78).

в свайном обществе была патриархальная семья, где женщина была собственностью мужа и следовала за ним на тот свет, словно его топор или украшение. Но как палеонтологам одна ископаемая кость дает возможность восстановить целое животное, так и историку культуры достаточно одного элемента культурного комплекса, чтобы знать последний целиком, конечно, в самых общих чертах. В связи с оседлостью и патриархальной семьей стоит родовой строй, причем общественной ячейкой является уже не „женский“, а „мужской“ род. Можно думать, что намечалось и соединение родов. Одному роду, или иначе, одной „большой семье“ не под силу было соорудить палафитту. Кладбища, вероятно, и принадлежали целому племени; отдельные группы могил, вероятно, были родовыми. Но „большая семья“ поконится в лоне „лесного земледелия“. Союз родов выдвигает старейшину с сильной властью. Рост авторитета старейшины сопровождается ростом авторитета умерших старейшин. Культ мертвых делает успехи, и толкает живых на немалые жертвы. Не малого труда требует изготовление и доставка плит для кисты. Но самое тяжкое—это отправление на тот свет живой жены следом за умершим мужем. Анимизм-душеверие становился все явственнее. Вероятно, душа была „открыта“, как сказал бы идеалист, или „изобретена“, как сказал бы материалист. Читатель видит, что, начав с погребения жены вместе с мужем, мы опять пришли к нему же. Это понятно, так как каждый культурный комплекс образует один замкнутый, законченный цикл, или круг, где хозяйственные, общественные и духовные элементы строго согласованы и крепко связаны с друг с другом. Сочетание анимизма, патриархальной семьи, родового общества и пр. хорошо известно у нас, хотя бы, по очень популярным работам Богданова. Поэтому, я предпочитаю, не входя в характеристику родового общества*), попытаться выяснить смысл палафитт, иными словами—осветить их происхождение.

Теория происхождения палафитт. Вопрос о происхождении неолитических палафитт разбивается на два подвопроса: что и каким способом их создало? Ответом может служить следующая теория. Древнейшие палафитты являлись не единичными хижинами на сваях или плотине, а целыми деревнями. Прямоугольная форма этих хижин была уже очень далека от убогой ямы или землянки. Отсюда можно заключить, что творцы палафитт были не бродягами-охотниками, а привычными к оседлости и (относительной) скученности, людьми. Расселяясь по рекам и озерам они, вероятно, огнем и топором расчищали дремучий лес для посадки растений. Богатство природы некоторых областей (напр., в Швейцарии) позволило развиваться их слож-

*) О родовом строе—см. М. М. Ковалевский. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. СПб., 1905 и Социология, СПб., 1910, т. II. Дополнения—проф. А. Н. Максимов, Теория родового быта. Москва, 1913.

ному, смешанному хозяйству и накопиться довольно крупным запасам. Эти запасы позволяли своим счастливым обладателям прилагать свой труд в новых направлениях. Так, бросовый лесной материал, в изобилии появлявшийся при лесном земледелии, пошел на выделку разнообразных деревянных изделий, между ними и кольев-свай. Но как человек изобрел форму палафитты? На этот вопрос приходится давать два ответа, так как и формы было две: свайная и плотинная. Даже жители землянок укрепляли края ям кольями; так что кол-свая не был новостью. Очень дикие охотничьи и рыболовные племена современности вбиванием свай в дно озера или реки перегораживают течение для ловли рыбы. Но как человек додумался перенести свою хижину с земли на эти колья? Этнография указывает нам, что в жарких странах люди устраивали свои жилища на деревьях. Когда-то видели в этих птичьих гнездах одну из древнейших форм человеческого жилья, унаследованного им чуть ли не от обезьяноподобного предка. Более внимательное исследование, однако, показало, что на деревьях живут далеко не первобытные люди. Даже цейлонские ведды (железные топоры и стрелы) скорее одичалое, чем дикое племя. Они лишь во время опасности скрываются или ночуют на деревьях. Население Новой Гвинеи (поздний неолит), негры Судана (железный век) устраивают на деревьях жилища, в которые втаскивают даже мелкий скот. Эти древесные жилища—прекрасные крепости, которые можно взять лишь после долгой осады. Важно отметить, что во многих местах встречаются одновременно жилища и на деревьях, и на сваях: на Суматре, Новой Гвинее, даже у гаджиков, на верхней Аму-Дарье. Можно думать, что хижина на дереве и послужила прообразом хижины на сваях. Нигде в Европе таких жилищ, правда, не обнаружено. Но всякому ясно, что от них и не могло сохраниться каких-либо остатков. Еще во времена Плиния (II век по Р. Хр.) римляне могли в лесах Германии наткнуться на вырванный бурей дуб, под корнями которого собирался целый кавалерийский отряд. При подсечном земледелии такие деревья-великаны оставались несрубленными. У упомянутых уже лесных земледельцев, приуральских зырян и негров Африки, наблюдалось поэтому одно и то же: большие деревья оставались нетронутыми среди расчистки, только кругом его обдиралась кора, чтобы оно, засохнув, не истощало почвы. На подобных уединенных деревьях и умещался чернокожий крестьянин Судана, тогда как северному зырянину это мешало сделать холод. У подсечных земледельцев Индии около таких одиноких деревьев, считавшихся священными, ютились деревня, иногда взлетающая и на его ветви (Южная Индия). Таким образом, вполне возможно предположить, что и в неолитической Швейцарии жилье на дереве предшествовало жилью на сваях и на воде. Нам надо выяснить происхождение и другой формы палафитты—плотинной. Создатели ее жили на земле, а не на деревьях. Дубровичская плотинная постройка (близ Рязани), принадлежавшая рыболовам и охотникам разви-

того неолита (глиняная посуда и шлифованные орудия, без земледелия и скотоводства), представляет любопытную форму, переходную от подземной к надводной деревне. Низкий островок на старом русле реки Оки был окружен кольцом известковых камней, а внутри засыпан песком. В получившемся холме рыли землянки, облицевая дно и стены их известковыми камнями. Такая плотинная деревня удивительно напоминает те замечательные сооружения, которые строят бобры. Как известно, эти грызуны, питающиеся корнями и отпрысками деревьев, обществом в два-три семейства строят плотины из жердей, промежуток между которыми заполняют илом и камнями; ширина их у основания три-четыре метра. В тихой лесной заводи, отгороженной такой плотинной, они возводят тупоконусобразные постройки, состоящие из наложенных слоями ветвей, трав, ила и камней и выдающиеся на 1,5—1,6 метра над водой. Постройка воздвигается в два этажа: верхний сухой—служит жильем, а нижний—подводный—для запасов пищи. Необходимое дерево бобры добывают, перегрызая стволы кустарников. Бобры раньше жили по всей Европе; их кости найдены и в свайных постройках. Весьма возможно, что, копируя бобров, люди и создали свои плотинные деревни. Можно думать, что такое подражание имело место не в одной Европе.

Палафитты
Междуречья и
Египта.

Великие очаги культуры, Междуречье (Тигр и Евфрат) и Египет (река Нил), не оставили никаких следов чисто свайных построек, хотя в долинах великих рек, с их ежегодно правильно повторяющимися наводнениями, они были бы весьма полезны жителям. Их, вероятно, и не было за крайней редкостью в этих странах леса. Их заменяли плотинные сооружения, из которых, параллельно с перерождением мотыжного земледелия в плуговое, вырастала знаменитая и сложная система плотин, каналов и шлюзов, распределявших воду по прибрежным полям и регулировавших речные наводнения. Следует отметить, что раньше бобры водились на реке Евфрате, так что их плотины могли послужить моделью для создателей едва ли не древнейшей на земле уже не первобытной, а высоко сложной культуры. В Европе, где царил лес, а не степь, плотинные постройки были гораздо реже свайных.

Итак, европейские свайные постройки не могли быть заимствованы с Востока. В разных углах Европы были местные условия, которые их создавали. Сложное смешанное хозяйство скопило местами достаточные запасы, окружающая среда дала отдельные намеки и образцы: изобретение стало возможным. Но необходим был последний толчок. Без него изобретение если бы где-нибудь и осуществилось, не имело бы успеха и распространения. Что то заставило будущих строителей палафитт покинуть свои наземные жилища и утвердиться на воде. Естественнее всего предположить, что они спасали свои запасы от расхище-

ния, а свои головы — от опасности. Нас спросят, могли ли палафитты дать своим строителям надежное убежище. Я не буду ссылаться на новые факты, вроде взятия голландцами новогвинейской свайной деревни лишь после артиллерийского обстрела (1810 г.). Изложу лишь известие „отца истории“ Геродота о свайном поселке (5 век до Р. Хр.) на озере Прасиаде (долина реки Струмы, на Балканском полуострове). „Посередине озера находятся соединенные между собою помосты на высоких сваях, и туда ведет с суши всего лишь один мост. Оваи, на которых стоят эти помосты, были построены самими жителями в стародавние времена... У каждого на помосте имеется собственная хижина, в которой он живет, и люк, вырезанный в помосте, ведущий вниз к озеру... Лошадей и вьючный скот они кормят рыбой. Рыбы здесь огромное количество, так что стоит открыть люк, опустить в озеро пустую корзину, и она оказывается совершенно полною“. Обитатели этой свайной деревни были скотоводы, имели по несколько жен, славившихся трудолюбием. Когда армия Мегабаза, полководца „великого царя“ персов, Дария, осадила деревню, то принуждена была отступить, ничего не добившись. Итак, свайная постройка даже в железный век могла служить неодолимым препятствием даже для больших войск. Понятно, что для неолита она являлась укреплением еще более грозным. Дубины, луки со стрелами, полированные сверленные секиры, тяжелая флотилия одnodеревов жителей палафитт, может, были не только орудиями, но и оружием. Следы пожаров, находимые во многих свайных селениях (дважды в Робенгаузе), может, свидетели катастроф, избиений и уничтожений огнем их надводных твердынь.

36. Городища.

Укрепления на суше. Эти наземные укрепления, или городища, были весьма разнообразны. Правда, при современных достижениях археологической науки еще невозможно восстановить эти неолитические формы. Городища не бросались людьми и с появлением металлов, почему в них безнадежно перемешаны остатки самых различных культур и слиты в одну руину — развалины итога многократных перестроек. Но можно все же различить два основных вида их. Одни были укрепленными деревнями, другие — чисто военными крепостцами. Первые несомненно были древнее вторых. Древнейшие из них, вероятно, просто огораживались деревянным частоколом, ковечно, бесследно исчезнувшим. Другие стали опоясываться валами и рвами. Среди высоко развитых укрепленных деревень одно из первых мест может занять Камп де Шассей, эта „неолитическая Помпея“. В счастливой плодотворной Бургундии, на возвышенном холме, командующем над берегом реки Дёны, найдены были остатки многочисленных очагов, глиняных черепков, полированных каменных орудий и пр., защищавшиеся высоким валом до 14 мет-

ров высоты. Укрепление не было покинуто и в бронзовые и даже в римские времена. Оно включало пространство в 744 метра длины и от 110 до 205 метров ширины. Но нам известны и укрепления специально военные. Их валы делались из земли с примесью грубых не отесанных камней, и достигали 10 метров высоты. Широкие и глубокие рвы увеличивали сопротивляемость городища, иногда опоясанного не одним, а двумя, даже тремя валами и рвами. Это были временные убежища, создавшиеся не одной деревней, а целой округой, почему в них находили массу следов жилья. Если признать земледельческие деревни неолита за родовые общины, то можно предполагать развитие племенных связей. Племя вбирает в себя мнимо-или кровно-родственные роды. Во всяком случае, для всякого историка и социолога оба вида городищ гораздо яснее мирных по виду палеолитов говорят о каких то страхах, столкновениях, набегах и попытках обороны.

**Начало
менового
хозяйства.** Но для экономиста все эти укрепления на воде и суше, выросшие в разных углах Европы, являются как бы кристаллизацией усложняющихся хозяйственных отношений. Их могли создать общества, скопившие значительные запасы. Ремонт и поддержание их в порядке требовали постоянного восполнения этих запасов или постоянного производства прибавочного продукта. В передовых хозяйственных районах Европы симбиозное хозяйство смогло достигнуть и такого накопления сбережений, и такого постоянного их восполнения. Тогда в недрах его должно расти разделение труда, выделяться ремесло, развиваться обмен. Мыслимо ли столь сложное хозяйство в неолите? Экономист должен быть проверен археологом. Вещественными памятниками надо доказать или опровергнуть его возможность.

Известный немецкий экономист, Бюхер, указывает, на основании обильных данных этнографии, что ремесло и торговля вначале ведутся не отдельными лицами за свой страх и риск, а целыми группами. Особенно важно, что в Новой Гвинее, культурный комплекс которой соответствует концу неолита в Европе, есть, напр., племена-горшечники, которые снаряжают суда для вывоза посуды в области других племен. Зачатки таких „племенных ремесел“ (термин Брюхера), точнее „местных или групповых ремесел“ (Шурц) мы видели у бакайри и их соседей в Центральной Бразилии. Следами подобных ремесел можно считать „мастерские“ каменных орудий, обнаруженные в разных углах Европы. Далеко не все мастерские имеют такой смысл: многие из них относятся к донеолитическим временам и переходят в металлический период. Только немногие из них могут считаться приблизительно современными со ступенью неолитических укреплений. Подобные мастерские обнаруживают узкую специализацию. В районе упомянутого городища Шамп де-Шассей очень часто находили мастерские, фабриковавшие специально

наконечники стрел. В другом пункте Южной Франции производились наконечники дротиков в форме лаврового листа. Особенно замечательна во Франции громадная мастерская Гран Прессиньи, тянувшаяся на целых 12 километров. Специализация ремесла шла так далеко, что местами даже возникло горное дело. Еще до начала металлургии в Европе появились своеобразные мастерские, настоящие „рудники“ для извлечения из недр почвы не руды, правда, а кремня. Неизвестно, вызваны ли были они недостатком сырья, или изощренная техника каменотесов нуждалась в более хороших сортах его. Дело в том, что свежий подпочвенный кремень поддается более тонкой обработке, чем рассеянный на поверхности почвы. В Англии, Франции, Бельгии, Швеции, на острове Сицилии открыли неолитические шахты для добычания кремня. В Спиеенне (Бельгия) вертикальные колодцы, проникая в меловые пласты с кремнем, врезались в недра земли метров на 12. Кремвеломня имела даже боковые горизонтальные галлерей до 2 метров высоты и до 2,5 метров ширины. Галлерей эти имели подпорки на случай обвала. Горнорабочий действовал каменным молотом и киркой из оленьего рога, которыми и отбивал желваки кремня. Подземные ходы, вероятно, освещались горячей лучиной. Рабочие употребляли своеобразный суррогат динамита: накачивали камень и поливали его водой, отчего он трескался. В неолитических шахтах уже бывали катастрофы. В Спиеенне найден труп горнорабочего, погибшего при обвале. Любопытно, что в Чиссбери (Англия) внутри неолитической, укрепленной валом, деревни (площадью около 25 гектаров) открыли колодезь для добычания кремня. Однако некоторые каменоломни или относятся ко временам меди и даже бронзы, или продолжали эксплуатироваться и в начале металлического периода. Тем не менее, ряд данных позволяет думать, что специальные племенные или групповые ремесла существовали в неолитической Европе. Но эти ремесла неминуемо связаны с обменом, ибо рассчитаны не на внутренний, а на внешний сбыт. Уже в конце неолита не приходится говорить о домашнем („ойкосном“ от греческого „ойкос“—дом) хозяйстве, потреблявшем лишь то, что производилось внутри его. Но как и чем доказать существование обмена в неолитической Европе?

На первый взгляд решить вопрос о торговых сношениях неолитических европейцев представляется трудным. Если в двух пунктах А и Б археологи найдут одинаковый предмет (напр., орнаментированный черепок посуды), то и можно говорить о торговых связях между этими пунктами. Но такое утверждения не для всех будет убедительно. Одни нам возразят, что одинаковые черепки в А и Б явились независимыми продуктами одинаковых местных обстановок. Другие заявят, что одинаковость черепков объясняется тем, что в А и Б живет (или переселился, вторгся) один „народ“, черепок—продукт „народной идеи“ (термин Бастиана) созданный в этих местах или туда перенесенный. Я не выдвигаю, как слишком маловероятные, предположения о заим-

ствования жителями одного места узора черепка у другого: копию почти всегда можно отличить от оригинала. Итак, встает в разных местах одного предмета можно объяснить не только перенесением путем торговли, но и единою народностью, единообразием вполне независимо развившихся культур и даже культурными влияниями, вызывающими подражание. Отсюда видно, насколько вопрос сложен, с какими трудностями ученые сталкиваются при его разрешении. Приходится впадать в очень кропотливые частности, чтобы избрать одно из объяснений. Чем проще культурный факт, тем возможнее независимое и самобытное появление его в обоих пунктах А и Б. Бастриан объяснит это, как продукт „элементарной мысли“; даже Гатцель, отец антропогеографии и теории заимствования, согласится увидеть в этом „общее культурное достояние“. Однако и в таком случае приходится доказывать взаимную издирыванность и разобщенность обеих культурных фактов. Если наличие предмета в двух пунктах объясняется передачей его самого ли, идеи ли о нем,—то должно выяснить те доводы, по которым эта передача происходила. Однако, даже найдя такие пути торговых сношений, рискуешь натолкнуться на отвод своих доказательств. Так, немецкие археологи, блестяще изучив керамику времен неолита, установили для каждого вида ее особые „географические провинции“. Находя рядом с посудой скелеты и с помощью антропологов измерив их черепа, они твердо стали на „расовую“ точку зрения: всякий „культурный круг“ (стражающийся, между прочим, в посуде) принадлежит одной определенной народности. Вот в большой области провинций—от юго-западной Германии до Венгрии—распространена ленточная керамика. Для большинства немецких археологов мысль о распространении ее торговлей—совершенно невероятна: она создана умеренно-длинноголовыми „дунайскими народами“, разнесшими ее своими переселениями по всему этому обширному пространству*).

Так приходится искать доказательств обмена и более легких, и более убедительных. Французские археологи употребляют очень остроумный прием: они прослеживают передвижение редкого предмета, встречающегося в одной или немногих областях. Археологии здесь помогает минералогия, сообщающая о местонахождениях редкого минерала или камня. Правда, этим приемом надо пользоваться осторожно. Когда-то секиры из нефрита, находимые в швейцарских палафиттах, считали принесенными из недр Азии индоевропейскими переселенцами, пока не нашли залежи нефрита в Швейцарии. Недавно химик Рейттер (Reutter) доказал, что янтарь швейцарских палафитт указывает на торговые связи с Италией, а не с Северной Германией, как думали до него. Саваше „вулканическое стекло“**), обсидиан, считали привозным на остров Крит с острова Мелоса. Теперь на самом

*) До крайности доходит Kossina. Die indogermanen (Mannusbibliothek 1921 Bb. 26).

**) L'Anthropologie 1916 p. 306 и 450.

Крите, близ Кандии, найдена очень древняя мастерская орудий из этого камня *). Новые открытия новых залежей какого-нибудь минерала или камня могут поколебать все прежнее построение. С этими оговорками и воспроизводим доказательство Дешелеттом широкого развития торговли в неолитической Франции. В огромных мастерских Гран-Прессиньи, тянувшихся на 12 слишком километров, встречается своеобразный по строению и цвету кремнь. Изделия из него, желтые, как коровье масло, всюду легко узнать. Сен-Венан доказал, что они распространены не только в окрестностях мастерской, но и в Бретани, Северной Франции, Западной Швейцарии и даже в Бельгии, где имелся свой прекрасный кремнь. В густонаселенной и хорошо изученной Западной Европе едва ли от зорких глаз ученых могли укрыться другие месторождения желтого кремня. Самые размеры мастерской указывают на обширную емкость рынка, где ее изделия сбывались. Важнейшие французские реки, Луара, Рона с Соной, Сена с Марной и др., являлись торговыми дорогами, по которым эти желтые кремни развозились. Я не буду подбирать других фактов. Укажу лишь, что присутствие в могильнике Шамблан, на сев. берегу Женевского озера, средиземноморских раковин говорит о связях жителей палатитт с южным побережьем Франции: река Рона соединяла озеро с морем. В неолитическом могильнике Вормса (Германия) найдены раковины из Средиземного моря **).

Так археология подтверждает правильность схемы экономистов. В конце неолита в Европе появились первые ростки менового хозяйства, но появились не повсеместно, а в немногих передовых хозяйственных районах, отмеченных свайными постройками и городищами, большими деревнями, крупными мастерскими и кремнеломнями. Плодородные озерные и речные долины, скрещиванье водных путей, изобилие минеральных богатств создавало подобные очаги накопления. Разумеется, Европу конца неолита нельзя представлять находящейся в предверии торгового капитализма. Накануне появления металлов Европа представляла тусклую, сероватую мозаику разнородных культурных комплексов. До самой бронзы существовали жалкие раковинные кучи. Не покинуты были местами пещерные жилища. Редкие палатитты и еще более редкие городища терялись в редкой массе землянок и деревень. Глухая вражда между мелкими общественными ячейками выливалась не в одну битву, шум которой не достиг наших ушей. Симбиозное хозяйство в разных местах Европы было далеко не одинаково развито. Наряду с земледельцами и скотоводами до конца неолита уцелели бродячие звероловы и отважные рыболовы, не возделывавшие полей, не пасшие стад. Они не прочь были поохотиться на скот

*) L'Anthropologie 1916 p. 306 и 450.

**) Другие факты, доказывающие неолитическую торговлю, см. Hoernes II, S. 503—15.

экономически более сильных соседей. Их жены и дети не прочь были заняться „собираательством“ на возделанных нивах. Мы, к сожалению, очень немного и очень плохо знаем об этих лесных бродягах. Так, в Прибалтике известна „арктическая восточно-балтийская провинция“, относящаяся к закату неолита *). В противоположность земледельцам и скотоводам южной Скандинавии ее обитатели были охотниками и рыболовами. У них имелись полированные секиры из сланца и зеленокаменных пород; в искусстве их замечательно натуралистическое течение: это—грубые рисунки на скалах, фигурки животных из камня, кости и глины. Эту арктическую культуру приписывают предкам нынешних лопарей. Звериные фигурки известны и с южного берега Балтики, даже из Сибири. К самому концу неолита относится и Ладожская стоянка, открытая проф. Иностранцевым. Здесь найдены не только полированные, но и распыленные и грубо просверленные каменные орудия. Открыта и большая пирога-однодеревка. Между тем ладожский человек—охотник и рыболов, не имеющий понятия о земледелии и скотоводстве. Не только на угрюмой северной окраине, но и на благодатном юге Европы найдены следы подобных же отсталых племен. Так в Италии даже в эпоху первой меди не угасли еще люди с неполированными макролитами, напоминавшими шелльские ручные топоры **) На закате неолита два мира—охотничий и земледельческий,—вооруженные до зубов, вели борьбу между собой. Если немые памятники археологии молчат об этих доисторических битвах, то этнология Америки Южной и Северной, Меланезии, особенно Новой Гвинеи, убеждает нас в их существовании. Лесные чащи заглушили не мало диких восторгов победителей и предсмертных воплей убиваемых и пытаемых побежденных. Палафитты и городища вещественные, хотя и молчаливые, доказательства тех ужасов и опасностей, которыми грозил неолитический лес.

Холколит. как финал первобытной культуры. Мы на пороге к новым культурам. Это будет два приблизительно современных культурных комплекса—трипольская культура расписных сосудов на востоке Европы и культура мегалитов, т. е. камней великанов. Они находятся на рубеже неолитической и ранне-металлической эпох, отражая дальнейшее усложнение культуры. Эту промежуточную культурную ступень лучше всего называть халколитом, или „меднокаменем“ Но ее всего удобнее изучать на Ближнем Востоке: в Месопотамии, дофараоновском Египте, неолитическом Крите. Живую параллель ей найдем в севороамериканских индейцах. Мертвую—но не археологическую, а лингвистическую—параллель открываем в индоевропейцах, культура

*) Даже к меднокаменным временам, когда в южной Швеции появились огромные каменные гробницы.

**) L'Anthropologie 1917, p. (Rellini).

которых восстанавливается по данным сравнительного языковедения. Характеристика халколита, как новой культурной полосы, должна выйти сложной и громоздкой. Автор не считает возможным утомлять ею читателя данной книжки. Он кончает свой очерк не концом, а продолжением. В свое оправдание ему приходится сказать, что эволюция человеческой культуры непрерывна и все веки, периоды, эпохи, которыми ученые пытаются расчленивать поток прошлого,—чисто условны. С появлением металла первобытная культура кончается и одновременно прерождается в зарю цивилизации. Рядом с металлом появляется и довольно развитая письменность, правда, еще очень плохо разобранная современной наукой. Халколит поэтому можно назвать эпохой протоисторической, промежуточной между доисторической первобытностью и исторической цивилизацией. В халколите произошел один из величайших культурных переворотов. Две различные формы хозяйства—симбиозная и паразитная,—со своими собственными им соответственно оседлой родовой и бродячей тотемической общественностью, младенческим анимизмом и ветхой магией, символическим и натуралистическим искусством, оказались в противоречиях, которым надлежало кристаллизироваться в новые формы. Такой усложняющий синтез, сливший бродячую и оседлую формы культуры, и произошел в халколите. В потоках крови родился новый культурный мир с разбойничьей торговлей, зародышевыми государством, классами господ и рабов, зачаточную собственностью, культом предков и богов, с символическо-натуралистической миниатюрой, или письменностью.

1. Указатель (русский) предметов.

А.

Австралийцы, 69, 72, 75, 86, 88, 112—137, 143, 146, 148, 157, 162, 172, 206.
Азильская культура, 82, 104—112, 136, 137, 147.
Айно, 113.
Альвастр (Швеция), 201.
Альпера (Испания), 66, 109.
Альтамира (Испания), 75, 109.
Андаманцы, 160.
Аниматизм, 89, 90.
Анимизм, 86, 98, 128, 129, 191, 192, 213.
Антилас (Финикия), 87.
Антропология, 56, 60.
Анцилово озеро, 144, 148, 156, 157, 159, 178.
Анцилус (моллюск), 139, 154.
Анау (Туркестан), 179—182.
Аранда см. арунта.
Археолит (орудие), 38.
Археолит (эпоха), 39—49.
Археология, 22, 23, 27.
Ариза (река), 104, 106, 155.
Аризская культура, 104, 152.
Аркар (баран), 179, 180.
Арктическая культура, 221.
Арунгвильтя, 86, 130.
Арунта (Аранда), 81, 123, 124, 127—131, 133.
Аскалонская культура, 169.
Астурийская культура, 153, 156.
Астурия (Испания), 100, 156.
Атуа, 80, 81.
Ауза (река), 41.
Аугуд, 81.
Африканский мираж, 99.
Ашель (Сент-Ашель), 40, 41, 45, 46.
Ашельская культура, 39, 46, 47.

Б.

Бакайри, 176, 186—201, 217.
Балтийское оледенение, 139.
Барaban, 118, 195.
Баран см. Овца.
Барельефы ориньякские, 61—63.
Бахрома, 209.

Барсуки, 105, 140, 210.
Белка, 140.
Береза низкорослая, 140, 145.
Бизон, 54, 59.
Биллерзее (Бильское озеро), 202.
Биссек (пещера в Швейцарии), 108.
Бобр, 41, 43, 45, 50, 105, 140, 145, 210, 215.
Боденское озеро, 202, 210.
Бора, 132, 133.
Боровская дюна, 156, 157, 160, 175.
Бороро (племя), 71, 164, 182, 189.
Боскоп (в Трансваале), 64.
Брак групповой (дондивидуальный), 121—125, 162—164.
Брак моногамный, 115, 199.
Брассампуи (Франция), 62, 77.
Брахицефалы, 60, 108.
Брачная группа, 122—24.
Брачный разряд (класс), 122—124.
Брокенгилл (Африка), 60.
Бук, 50, 144, 145, 156, 210.
Бушмены, 64—67, 92.
Бумеранг, 116, 135, 137.
Бюльское наступление льда, 68, 155, 158, 159.
Бык дикий, 43, 50, 54, 55, 59, 67, 68, 108, 140, 145, 168, 169, 180.
Бык домашний, 174, 178—181, 209.
Бык мускусный, 53, 68.
Бык прирученный, священный, 174.
Бык торфяниковый, 180.

В.

Валле (Испания), 100, 108, 155, 159.
Вангенская свайная постройка, 202.
Ведды, 214.
Верблюд, 180.
Веретено, 197, 207, 208.
Вешалка, 207.
Виллендорф (Австрия), 62.
Виль Жюив (Франция), 186.
Висте (Норвегия), 143.
Витализм, 85, 86, 90.
Вишня, 209.
Вождь племенной, 119.
Волк, 67, 145, 180, 210.
Вормский могильник, 169, 220.

Восточный мираж, 99, 100.
Выдра речная, 145.
Вяз, 140, 166.

Г.

Гавайские острова, 125.
Гарпун мадленский, 69, 104.
Гарпун азийский, 105, 106, 108.
Гейдельбергский человек, 14, 44.
Геология, 23.
Геологические карты, 138.
Геохронология, 159.
Герб, 120.
Геронтократия, 124, 127, 131, 135, 162.
Глиняная посуда, 98, 148, 161, 166, 167.
Гжницкое наступление льда, 155, 156, 158.
Гиббон, 35, 36.
Гиена, 53.
Гиппопотам, 38, 40, 41, 45.
Глухарь, 140, 145.
Голоцен, 31, 154.
Гончарное искусство см. глиняная посуда.
Горизонты, 13.
Горилла, 35, 36.
Городище, 91, 195, 199.
Городище-деревня, 216.
Городище-крепость, 216, 217.
Горох, 209.
Гравиль (Франция), 184.
Гран-Прессинья (мастерские), 218, 220.
Гребень костяной, 146, 161, 208.
Гренельская раса, 108.
Гримальди (раса), 61, 63, 64.
Гробницы, 212.
Гроссгартах (Германия), 186.
Грунло (глинян.), 209.
Групповой (доиндивидуальный) брак, 121—125, 162—164, 189, 199.
Гусь, 145.

Д.

Даунское наступление льда, 155, 56.
Дверь, 207.
Деревня, 98, 185, 186, 211, 213, 216.
Дзери, 82, 122, 123, 125, 133.
Дилувий, 32.
Динамизм, 86, 90.
Длинноголовые, 60, 108.
Доанимизм, 90, 91.
Доиндивидуальный брак, см. групповой.
Долихоцефалы, см. длинноголовые.
Долото, 146, 184, 206.
Донеолит, 0—96.
Дошельская культура, 39, 40, 42.
Дуб, 140, 144—146, 153, 155, 156, 166.

Дубина, 43, 116, 207, 216.
Дубровичи (у Рязани), 175, 214.
Дубровичская плот. постройка, 214.
Дух, 192.
Душа культуры, 26.
Дюрюти (пещера), 69.
Дюссельдорф (Германия), 56.

Е.

Единобрачие, см. моногамия.
Еж, 210.
Ежевика, 210.

Ж.

Жаба, 105.
Жевлы начальников (= трещотка), 69—72.

З.

Зажигалка, 64, 127, 130, 205.
Заяц, 140.
Земледелие, 98, 117, 168, 172—174, 179, 180, 183, 187, 188, 201, 209.
Земледелие лесное (или огневое, или подсечное), 174—176, 183, 185, 187, 190, 198, 211, 213.
Земледелие мотыжное, 173, 174.
Земледелие степное, 183, 215.
Землекопалка, 65, 117, 173, 187.
Землянки, 97, 98, 171, 200, 210.
Зернотерка, 117, 166, 168, 209.
Зубр, 55, 210.
Зыряне, 175, 214.

И.

Иголка, 68, 69, 140.
Ива низкорослая, 139, 207.
Изделия костяные см. техника костяная.
Изюбр см. козуля.
Иконопись пещерная, 74—78, 84.
Ильм (дерево), 146.
Ильм (река), 43.
Индейцы (Сев. Америки), 86, 172, 176, 205, 221.
Индекс (черепной), 60.
Индоевропейцы, 181, 221.
Интахума, 82, 131, 132, 135.
Искусство, 61—63, 68, 69, 73—79, 98, 108, 109—112, 135, 136, 142, 147, 186, 192, 193, 195, 221.
Иольдия (моллюск), 139, 154.
Иольдиево море, 139, 156, 157.
Иорк (мыс), 116.
Исторические источники, 22.
Исторические пособия, 22.
Исторические факты, 22.

Н.

Кабан, 44, 97, 105, 140, 145, 185.
 Кабессо д'Арюдо (Португалия), 147, 155.
 Каледонцы (Шотландия), 163.
 Кальбе (Германия), 143.
 Камера, 123.
 Камбала, 145.
 Ками (термин родства диэри), 123.
 Камни алфавитные, 107.
 Камни метательные, 40.
 Камни раскрашенные, 106, 108.
 Камни числовые, 107.
 Камни шифовальные, 184, 190, 200.
 Камп де-Шассей (Франция), 167, 216, 217.
 Кампинийская культура, 166—170, 185.
 Кампиньи (Франция), 166.
 Канталь (Франция), 37, 38.
 Капсийская культура, 99.
 К'еккенмедниги (кухонные остатки), 113, 144—149.
 Керамика, 98, 100, 106, 148—150, 161, 166, 167, 186, 208.
 " шнуровая, 167.
 " угловато-ленточная, 167, 186.
 " ленточная, 167.
 " раскрашенная, 175, 179.
 Кивжал деревянный, 207.
 Кирка, 146.
 Кисты (писты), 212.
 Кладбище неолитическое, 212.
 Клан шотландский, 119.
 Класс брачный, 121.
 Классификация, 7.
 " интуитивная, 29, 101—103.
 Классификационное (описательное) родство, 126.
 Клев, 144.
 Клерво, 205, 209.
 Кобонг, 80, 81, 82.
 Когул (Испания), 66, 109.
 Кожа дикая, 68, 180.
 " домашняя, 178, 209.
 Козел безоаровый, 178.
 Козел горный, 55, 59, 70, 179.
 Козуля (изюбр), 70, 97, 140, 145, 210.
 Кол деревянный, 46, 142.
 Колдовство, см. магия.
 Кольца годовые, 158, 159.
 Комбарелль (Франция), 73, 75.
 Комб-Шапель (Франция), 60.
 Коммунизм (первобытный), 49, 94, 95, 117.
 Комплекс культурный, 25, 26, 101—103.
 Комплексный метод, 27—30, 103, 164.

Конвергенция, 28, 136, 142, 160.
 Коннексия, 42, 100.
 Копьометатель (метательная дощечка), 69, 92, 116.
 Кормовая область, 119.
 Корробоги (австрал. праздник), 118.
 Короткоголовые, 60, 108.
 Костебой, 129, 130.
 Костяные изделия см. техника костяная
 Косуля см. козуля.
 Кошка дикая, 97, 105, 140, 145.
 Краниометрия (измерение черепов), 36, 42, 55, 57, 60, 108.
 Краиножи (дер. острова), 204.
 Крапинская культура, 50—52.
 Крапинская стоянка, 50.
 Кремнеломни см. шахты.
 Крит (остров), 33, 169.
 Кроманьон, (Франция), 60.
 Кроманьонцы (раса), 60.
 Кувада, 164, 189.
 Культ мертвых, 88, 213.
 Культ предков, 98, 213.
 Культура, 21.
 " первобытная, 21.
 " азийская, 82, 104—112, 136, 137, 147.
 " аризская, 104, 152.
 " арктическая, 221.
 " аскалонская, 169.
 " астурийская, 153, 158.
 " ашельская, 39, 46, 47.
 " дошельская (стрепийская), 39, 40, 42.
 " кампинийская, 166—170, 185.
 " капсийская, 99.
 " крапинская, 50—52.
 " кухонных остатков, 144—149.
 " магдаленская (мадленская), 58, 68—79, 104, 105, 109.
 " Маглемозе, 100, 140, 143, 145, 146, 148, 165, 178, 207.
 " маффлейская, 37.
 " мегалитов, 221.
 " месвенская, 37, 38, 40.
 " мустьерская, 45, 54, 55.
 " ориньякская, 58—67, 87, 179.
 " сент-ашельская см. ашельская.
 " солотрейская, 58, 67, 68.
 " стрепийская (дошельская), 39, 40, 42.
 " сузианская, 180.
 " тарденуазская, 109, 140.
 " трипольская, 175, 179, 180, 221.

Культура шелльская, 39, 44, 45, 140.
 Культурная группа, 28, 102.
 Культурный комплекс, 25, 26, 101—103.
 Культурный круг, 114, 219.
 Культурный слой, 23, 114.
 Культурные провинции, 100, 101.
 Кулиаксу (река), 186, 190, 195, 198.
 Куида (Эстляндия), 143.
 Куницы, 140.
 Кухонные остатки, 113, 144—149.
 Куяба (Бразилия), 186.

Л.

Лавр, 47.
 Ла-ожская стоянка, 207, 221.
 Ла-Кав (Франция), 68.
 Ла-Кана (Франция), 54.
 Лань, 105.
 Ла-Мадлен (Франция), 68.
 Ла-Ферасси (Франция), 55.
 Ла-Шапель-о-Сен (Франция), 55.
 Лебедь-кликун, 145.
 Лев пещерный, 53, 108.
 Лемминг, 53, 68.
 Ле-Мустье (Франция), 50.
 Лен, 98, 209.
 Лесногская статуэтка, 62.
 Лисяца, 145.
 Лица крупнолистная, 144.
 Литория прибрежная (моллюск), 139, 144—146, 154.
 Литорияво море, 144, 146, 151, 153, 156, 159.
 Лодка, 69, 145, 146, 161, 202, 203, 206, 207.
 Лодка-однодеревка, 202, 203, 206, 207.
 Ложери Басс (Франция), 77, 110.
 Ложери-От (Франция), 68.
 Локальная группа, 120.
 Лопари, 221.
 Лосель (Франция), 62.
 Лось, 97, 108, 140, 145, 155, 210.
 Лоханка (деревянная), 207.
 Лошадь дикая, 43, 44, 45, 50, 55, 58, 67, 68, 70, 108, 168, 169, 180.
 Лошадь домашняя, 178, 180.
 " Пржевальского, 178.
 Лук, 109, 116, 137, 160, 205, 207, 216.
 Любоедство, 50, 87, 88, 117, 132.

М.

Магия (колдовство), 76, 77, 81, 82, 83, 84, 90, 91, 95, 129—136, 164, 165, 171, 172, 192, 193, 222.
 Магия парциальная (частичная), 83, 84, 85, 133—135, 137, 165, 192.
 Магия символическая, 134, 192.
 " семейная, 83, 84, 133, 134, 165.
 " схематическая, 134, 192.

Магдаленская (мадленская) культура, 58, 68—79, 104, 105, 109.
 Маглемозе (культура), 100, 140, 143, 145, 146, 148, 165, 178, 207.
 Маглемозе (столака), 142, 143.
 Мадленская см. Магдаленская культура.
 Макролиты, 141, 142, 143, 146, 156, 159, 160, 166, 169; в заглавии на стр. 141 надо читать макролиты, а не микролиты.
 Малина, 140, 210.
 Мамонт, 45, 46, 53, 58, 59, 67, 68, 154.
 Мант (Франция), 37.
 Мана (полинезийское слово), 86.
 Мас д'Азий (Франция), 99, 104, 105, 165.
 Маски, 78, 79, 191, 195.
 Мастерск я, 217, 218, 220.
 Мастоидонт, 41.
 Марсила (надо Марсула).
 Марсула (пещера во Франции), 109, 112.
 Матриархат, 188, 189.
 Матровиния, 121, 188, 189, 198, 201.
 Мауер (Германия), 44.
 Маффлейская культура, 37.
 Мегалиты, 221.
 Медь, 180.
 Медведь бурый, 43, 97, 105, 140, 210.
 " Денингера, 44.
 " черный, 45, 50, 53, 69, 154.
 " серый, 53.
 Меж (Франция), 79.
 Мезолит (эпоха), 50—57.
 Мезоцефалы, 60.
 Мелан-зия, 81.
 Мент-на (Италия), 82.
 Месвская культура, 37, 38, 40.
 Метаморфизм, 88—90.
 Метательные камни, 40.
 Метод интуитивный, 29, 101—103.
 " комплексный, 26—28, 101—104.
 " сравнительный, 24, 26.
 Метод стратиграфический, 23, 42, 100.
 Метод типологический, 23, 42, 100, 157.
 Микролит, 59, 69, 108, 109, 141 (15-ая строка сверху надо микролиты, а не макролиты), 146 (11-ая строка сверху тоже надо микролиты), 160.
 Миоцен, 31, 33, 35, 37.
 Мираж африканский, 99.
 Мираж восточный, 99, 100.
 Михельсберская посуда, 208.
 Мигильянки (кладбища), 212.
 Молоток (роговой), 146.
 Моногамия (единобрачие), 115, 199.
 Моногенизм, 180, 181, 183.

Моосаеedorфская свайн. постр., 202.
 Морены, 139.
 Морковь, 209.
 Мустье (=Ле Мустье), 54.
 Мустьерская культура, 45, 54, 55.
 Муссиан (Персия), 179.
 Мутовка, 207, 209.
 Муфлон (баран), 179, 180.
 Мышление дологическое, 85—91, 128—136.
 " парциальное, 83, 85, 133—135, 137, 165, 192—195, 201.
 " функциональное, 194.
 Мюгеи (Португалия), 109.
 Мэк-Артур (пещера в Англии), 109.

Н.

Наконечники солотрейские, 68, 69.
 Натурализм в искусстве, 78, 106, 110, 221.
 Неандерталец (раса), 15, 44, 55—57.
 Неандерталонд (раса), 60.
 Негры, 71, 176, 214.
 Нейшгадт (Бавария), 143.
 Неккар (река), 44, 186.
 Неолит, 166—221.
 Нио (пещера), 69, 75, 84.
 Ноа, 123.
 Новая Гвинея, 212, 214, 217.
 Нож, 40, 45, 59, 116, 184.
 Носорог Мерка, 40, 41, 43, 45, 50.
 Носорог сибирский, 47, 53, 58, 59, 68, 154.
 " этрусский, 38, 41, 43, 44.
 Нуклеус (ядрище), 52, 67, 140.
 Нула, 123, 124.

О.

Область кормовая, 119.
 Обмен, 68, 117, 196, 198, 201, 218, 219, 220.
 Обрезание, 130.
 Овес, 177.
 Овца см. баран.
 Огнеземельцы, 114, 149, 150, 207.
 Огонь, 50, 52—53, 54.
 Огнище, 175, 183.
 Огородничество, 117, 209.
 Одибвеи (индейское племя), 80.
 Одежда меховая, 54.
 " льняная, 98.
 Олигоцен (эпоха), 31, 37.
 Олень благородный, 50, 53, 97, 104, 105, 108, 155, 185, 210.
 " великан, 50, 53, 59.
 " северный, 53, 55, 58, 59, 67, 68, 69, 97, 104, 105, 154.

Ольха, 146.
 Описательное (классификационное) родство, 126.
 Орда, 119.
 Оренда (ирокезское слово), 86.
 Орех, 97, 210.
 Орешник, 140, 145.
 Ориньяк (Франция), 58.
 Ориньякская культура, 58—67, 87, 179.
 Орнамент, 78, 112, 135, 142, 143, 192, 193, 195.
 Орудия первые (эолиты), 47.
 " отжимные, 59, 67, 160.
 " наточенные, 141, 160.
 " полированные, 184, 185, 200, 205, 216.
 " сколотые, 43, 50, 52, 140.
 " тесаные, 39, 40, 42, 45, 140, 160.
 Оседлость, 151, 152, 169, 183, 186, 213.
 Олина, 140.
 Основа (ткань), 197.
 Острие, 45, 59.
 Остроковечник (каменный), 46, 54.
 " костяной, 59.
 Ось колесничная, 209.
 Отбойник, 40, 46, 51, 140.
 Отжимник, 59, 67.
 Оффат (пещера в Баварии), 107, 109, 153, 155.
 Охота, 92, 117, 151, 162, 187, 188.
 Охра красная, 107.

П.

Палафиты, 201—216.
 " плотняные, 203, 204.
 " надводные свайные, 202, 203.
 " сухопутные свайные, 211, 212.
 Палеолит (эпоха), 57—97.
 Палеопитекус, 35.
 Пальмы, 31.
 Пальтара, 123, 124.
 Пананка, 123, 124.
 Папуасы, 176.
 Пастернак, 209.
 Парциальная арифметика, 193—195, 201.
 Патриархат, 189, 199, 213.
 Период, 12.
 " каменный, 13.
 " металлургический, 13, 16.
 Пещерники, 53.
 Пиво ячменное, 178.
 Пила кремневая, 204.
 Пиление, 204.
 Пильтоун (Англия), 41—43.
 Пильтоунская находка, 43.

Пираунгару, 124, 125.
 Пирауру, 125.
 Питекантроп (обезьяночеловек), 14, 36, 42.
 Плетение, 149, 161, 187, 197, 201, 208.
 Плетенка (игра), 165.
 Плейстоцен, 13, 31—33, 41.
 Плюпен, 13, 31, 35, 41.
 Плюпитекус (ископаемая обезьяна), 35.
 Плоскость удара, 51.
 Плоты—140, 145, 161, 206, 207.
 Плюш, 144.
 Погребение, 54, 55, 68, 87, 88, 107, 108, 133, 147, 180.
 Подкалассы (брачные), 121.
 Подсекание леса, 175, 176.
 Полигенизм, 183.
 Полинезийцы, 87.
 Поло-возрастные разряды, 117, 133, 162.
 Поплавок, 208.
 Портулак, 117.
 Постройки плотинные, 203, 204.
 „ свайные надводные, 202, 203.
 „ „ сухопутные, 211, 212.
 Присваивающее хозяйство=паразитное хозяйство.
 Посуда глиняная см. керамика.
 Праснада (озеро), 216.
 Пратотем, 82, 87, 120.
 Пратотемизм, 82—85.
 Провинции географические, 212.
 „ культурные, 100, 101.
 Прогнатизм, 56, 60.
 Производящее хозяйство — симбиозное хозяйство.
 Просо, 97, 177, 209.
 Протоавстралиец, 113.
 Протонеолит, 96—165.
 Пряденье, 197, 201.
 Прясло (глин. диск), 209.
 Пуговица костяная, 70.
 Пуналуа (семья), 125.
 Пуат (в Африке), 211.
 Пунтийская свайн. деревья, 211.
 Пурула, 123.
 Пфификонское озеро, 202.
 Пшеница, 97, 177, 179, 209.
 Пьерра Портей (кладбище), 212.

Р.

Раковинные кучи см. кухонные отатки.
 Раса гренельская, 108.
 „ гримальди, 61, 63, 64.
 „ кроманьонская, 60.
 „ неандерталоиды, 60.
 „ неандертальская, 44, 55—57, 59.
 Ребьер, 61.

Резцы, 109.
 Ремесло групповое или племенное, 196, 197, 201, 217.
 Рессен, 185.
 Ретушь, 14, 15, 40, 46, 52, 54.
 Робенгаузенская свайная постройка, 202, 210, 216.
 Роговые изделия, 68, 69, 140, 208.
 Родезиец, 60, 61.
 Род женский, 188, 189.
 „ мужской, 189, 192, 213.
 Родовой строй, 199, 213.
 Родство классификационное, 126.
 „ описательное = классификационно.
 Рожь, 177.
 Рошбертье (Франция), 77.
 Рукоятка топора, 204.
 Ручной ударник см. ударник ручной.
 Рыболовство, 69, 92, 114, 116, 140, 152, 161, 183, 187, 188.
 Рысь, 97, 140, 145.

С.

Садоводство, 209.
 Садовая культура, 183.
 Свайные постройки, 98, 201—204.
 Свастика (кресовидный знак), 78.
 Сверла, 40, 45, 69, 109, 166, 205.
 Сверление камней, полное и полое, 204, 205.
 Свинья дикая см. кабан.
 Свинья домашняя, 178.
 Свиноц, 180.
 Свисток, 72, 85.
 Секира, 216, 221.
 Семья единобрачная (моногамия), 115, 199.
 Семья парная (синдиасмия), 121, 164.
 Семья пуналуа, 125.
 Сельдь, 145.
 Сент-Ашель (=Ашелль), 40, 41, 45, 46.
 Сент-ашелльская (=ашелльская) культура, 39, 46, 47.
 Симбиоз, 28, 169—186.
 Сидней, 113.
 Символзм в искусстве, 78, 98, 165, 192, 193, 200, 201.
 Синдиасмия (парный брак), 121, 164.
 Скальдинги (=к'сккенмединг), 145.
 Скандинавия, 207.
 Скамья, 207.
 Скаррификация, 118.
 Скобель, 45, 46.
 Скотоводство, 98, 172, 174, 179, 180, 183, 185, 209, 216.
 Скребки, 40, 46, 54, 59, 69, 109, 166, 184.
 Слива, 97.
 Слои древний, 40, 43, 44, 45.
 „ южный, 31, 37, 41.

Смоковница, 46.
 Смородина, 97.
 Собака дикая, 44, 73, 180.
 " динго, 113, 117.
 " домашняя, 109, 140, 143, 152, 161, 178, 209.
 Собираательство, 97, 117, 145, 162, 173, 210.
 Совет племенной, 119.
 Солютра (Франция), 67, 68.
 Солютрейская культура, 58, 67, 68.
 Сомма (река), 45.
 Сомали (Африка), 212.
 Сосна, 140, 153, 155.
 Спартанцы, 163.
 Спи (Бельгия), 55.
 Спиеен (Бельгия), 218.
 Среднеголовые, 60.
 Станок ткацкий, 197, 209.
 Стая, 119.
 Стеатопигия, 62, 64.
 Стилизация, 111, 135.
 Стол, 207.
 Стратиграфия, 23, 30, 100.
 Стрела 116, 146, 160, 216.
 Стрешийская (=дошельская) культура, 39, 40—42.
 Сузианская культура, 33, 180.
 Сузы, 179.
 Суматра, 210.
 Сундук, 207.
 Сурок, 55.
 Сусекс (Англия), 41.
 Схематизм в искусстве, 69, 78, 110, 111, 135, 136, 165, 166.

Т.

Таблица 1—позади оглавления.
 " 2—12.
 " 3—34.
 " 4—позади оглавления.
 " 5— "
 Название всех таблиц см. в оглавлении рисунков.
 Табу (удар!) 87, 88, 120, 129, 131, 132, 171, 182.
 Таджики, 214.
 Танец (колдовской), 75, 79, 82, 132, 191, 195.
 Тарденуазская культура, 109, 154.
 Тарденуазская стоянка, 160.
 Тасманийцы, 46, 113, 206.
 Татуировка, 80, 109.
 Таубах (Германия), 43.
 Таубахская стоянка, 43.
 Текстильное ремесло см. тканье.
 Тенэ (Франция), 37.
 Теория, 28.
 " заимствования, 100, 176—182.
 " Левассера, 210, 211.

Теория, прерыва, 98.
 " происхождения палафитт, 213—216.
 " родового быта, 213.
 " скрещивающихся социальных кругов, 119.

Тёрн, 210.

Тесла, 184, 206.

Техника деревянная, 46, 116, 142, 146, 206, 207, 214.
 " отжимная, 59, 67, 160.
 " костяная, 54, 59, 68, 69, 105, 116, 140, 146, 160, 208.
 " роговая, 68, 69, 140, 160, 208.
 " скелетная, 50, 51, 52, 140.
 " тесаная, 39, 40, 42, 45, 140, 160.
 " ваточная, 141, 160.
 " полированная, 184, 185, 200, 205, 216.

Тигр махайрод, 38.

Типпа-малку, 125.

Тисс (дерево), 207.

Тканье, 197, 201, 202, 208.

Ткацкий станок, 197, 209.

Топор-молот, 212.

Топор мотыка, 140, 146, 156, 160, 161, 166, 169.

" резак, 140, 146, 156, 160, 166, 169.

Топор шлифованный (=полированный), 184, 187, 204.

Тотем, 80, 82, 89, 120, 171, 172, 182.

Тотем-группы, 120, 128, 162, 172.

Тотемизм, 80—84, 137, 171, 186, 190, 191.

Трансгрессия, 158.

Треска, 145.

Трешотка, 71, 72, 79, 85, 142, 191.

Трилобит (Франция), 61.

Тримолит, (сверленный камень), 205.

Тринил (селенье на Яве), 36.

Трипольская культура, 175, 179, 180, 221.

Троглодиты (пещерники), 53, 54, 55, 79, 82.

Трогонтерий, 40, 47.

Тур европейский, 180, 181, 185.

Турасская пещера (Франция), 109.

Тюк д'Одубер (пещера), 74, 79.

Тюлень, 69, 145.

У.

Угры, 145.

Ударник ручной, 45, 47, 140, 160.

Уза (река), надо Ауза.

Узор—орнамент, 101, 111.

Украшения, 61.

Улитка лесная, 104, 152—155.

" речная, 108.

Урабуна, 122—125, 128, 163.

Устрица, 144, 146, 154—156.

Утка, 145.

Уток, 197.

Ф.

Фаза культуры, 25.

Фашинные сооружения, 203

Федер (озеро), 203.

Фер-ан-Тарденуа (=Тарденуазской стоянке), 109.

Фиония (остров), 146.

Флорида (Сев. Амер.), 147.

Фолклор, 25.

Форель, 105.

Фратрия, 121.

Х.

Халколит, 80, 221, 222.

Хивгу (=реке Шингу в Бразилии), 186.

Хлеб, 178.

Хлебцы, 202, 209.

Хозяйство меновое, 217, 220.

Хозяйство паразитное, 92, 98, 210.

” симбиозное, 98, 169, 186, 210.

Хозяйство ойкосное, 218.

Хронология, 7.

” абсолютная, 7, 32, 33, 37, 50, 63, 158, 159.

” геологическая, 30

” относительная, 7, 23, 33.

Ц.

Цикл культуры, 25.

Цыновка, 187.

Ч.

Чайка, 145.

Чашка, 207.

Чародейство см. магия.

Челнок (в ткацком станке), 197.

Человек Гейдельбергский, 14, 44.

” Неандертальский, 15, 44, 55 —57, 59.

” Пильдоунский, 41, 42, 44.

” Тринильский (питекантроп), 36, 37.

Челюсть Мауерская, 44.

Черепки глиняные, 148.

Чечевица, 209.

Чиссбери (Англия), 215.

Чурина, 72, 130, 131, 163.

Ш.

Шалаш, 147, 149, 150.

Шаленское озеро, 209.

Шамбландское кладбище, 212.

Шассей (Камп-де), 167, 216, 217.

Шапель-о-Сен, 55.

Шательяр (кладбище), 212.

Шафизская палифитта, 202, 210.

Шахты для добывания кремня, 218.

Шеленское озеро надо Шаленское.

Шелль (Франция), 45.

Шелльская культура, 39, 44, 45, 140.

Шило, 146, 184.

Шимпанзе, 39.

Шингу (река)=Хивгу, 186, 198.

Шнурок волосяной, 147.

Шонен (Швеция), 159.

Шуссенрид (Германия), 203.

Щ.

Щит, 116.

Щука, 105.

Э.

Эйр (озеро), 114.

Экзогамия, 120, 122.

Эманизм, 88.

Эоантроп, 40, 42.

Эозон, 30.

Эопит, 37, 41.

Эопен, 31, 33.

Эскимосы, 69—73.

Эпоха археолитическая, 14, 39—49.

” древнетретичная, 31.

” мезолитическая, 14, 50—58.

” неолитическая, 14, 15; 97—222.

” новогреческая, 31.

” палеолитическая, 14, 15, 58—97.

” постгладциальная (последне-ковая), 159.

Эпоха эолитическая, 14, 34—39.

Эпохи, 14—17.

Эра, 13.

” архейская, 30.

” доиндустриальная, 9, 13.

” индустриальная, 9, 13.

” кайнозойская, 31.

” мезозойская, 30.

” палеозойская, 30.

Этнология, 24, 27.

Этнография, 24.

Этнопсихология, 115.

Я.

Яблоки, 97, 209.

Ява, 36, 113.

Ярмо деревян., 209.

Ясень, 144.

Ячмень, 97, 166, 169, 177—179, 185, 209.

2. Указатель (иностранный) предметов.

B.

- Bos brachyceros, 180.
 " megaceros, 180.
 " nomadicus, 180.
 " primigenius, 180.
 " priscus, 43.
 " taurus brachyceros Rütimeyer, 180.

C.

- Canis familiaris, 16.
 Ca, sien, a ne capsiten, 99.
 Coup de poing, 14, 142.

E.

- Eclatement, 10.
 Elephas antiquus, 40.
 " meridionalis, 31, 37.
 " primigenius, 46.
 " trogon rii, 40.
 Equus caballus, 43.
 " stenonis, 45.

G.

- Grabsbeil, 140.

H.

- Helix nemoralis, 108, 152, 154, 155.
 Hiatus, 98.
 Hippopotamus maior, 38, 40.
 Homo, 14.
 Homo faber, 47.
 Homo heidelbergensis, 14, 41.
 " neanderthalensis, 15.
 " rhodensis, 60.
 " sapiens, 15, 45, 47, 56.

K.

- Kinderkeimen, 129.

L.

- Levallois, 15.
 Loi de la participation, 90.

M.

- Martellement, 10.

O.

- Ovis argaloides, 179.

P.

- Pan vetus, 42.
 Partes divisionis, 7.
 Pars pro toto, 134.
 Percussion, 10.
 Petitio principii, 88.
 Pic, 140, 160, 161.
 Pithecanthropus erectus, 14, 36.
 Pression, 10.
 Principium divisionis, 7.

R.

- Ratapa, 129.
 Ratio, 90.
 Rhinoceros etruskus 38.
 " Merckii, 40.
 " tichorchinus, 47.

S.

- Scheidenspalter, 140.
 Spirit children, 129.

T.

- Tranchet, 16, 140.
 Trogonterium Cuvieri, 41.

U.

- Ursus arctos, 43.
 " Deningeri, 44.
 " Ferox, 53.

W.

- Wadjak, 113.

3. Указатель (русский) авторов.

А.

Амегино, 38.
Антонович, 170.
Аммиан-Марцелин, 210.

Б.

Базедов, 113.
Байер, Жозеф (Bayer), 39, 45, 169.
Бардон, 55.
Бастнан, 218, 219.
Бахофен, 121, 188, 189.
Бегуан (Beguon), 74, 75, 79.
Бент, 66.
Биркнер, капеллан и проф., 36, 44, 51.
Борхардт (Borchart), 174.
Брейль, 39, 58, 74, 100, 108, 111, 159, 167.
Брока, 60.
Брэм, 35.
Бунессонье, 55.
Буль, Марселин (Boule), 36, 39, 43, 44, 45, 55.
Буржуа, аббат, 37.
Букмейстер, 32.
Бурлон, 110.
Бухарин, 25.
Бушан (Buschan), 116, 129.
Буше де Перт, 45.
Бюхер, Карл (Bücher), 95, 217.
Бэн, 48.

В.

Вейле, Карл, 64.
Верт, Эмиль (Werth), 39, 44, 45, 159.
Вестермарк, 95, 121, 162.
Вигерс (Wieggers), 39, 45.
Вильгельми, 93.
Вильчинский, 170.
Вольдржих, 205.
Ворсо, 11, 144.
Вуга (Vouga), 205.
Вундт, Вильгельм, 86, 89, 155.

Г.

Ган (Hahn), Ида, 173.
Ган (Hahn), Эдуард, 172.
Гастон, 82.
Гаузер, (Hauser), 54.
Геддон см. Гэддон.
Геер (де), (Geer de), 33, 138, 158, 159.
Гейерли, 167, 201, 202, 209.
Гёрнес (Hoernes), 38, 97, 167.
Геродот, 216.
Гиллен (Gillen), 81, 121, 122, 124, 127, 128.
Гог (Haug), 39.
Голуб, 66.
Городцов В. А., проф., 23, 28, 31, 33, 36, 39, 40, 44, 50, 53, 63, 68, 80, 100, 154, 155, 170, 174, 175.
Гоуитт (Howitt), 121, 122.
Горянович-Крамберггер, 51.
Грегори, (gregory), 113.
Грэннер, 114, 115, 181, 121.
Гунтер, (Hunter), 42, 44.
Гэддон, 81.

Д.

Дарвин, Чарльз, 135, 149, 150, 173.
Даусон, 41, 43.
Деге (Deshayes), 31.
Дешелетт (Déschelte), 72, 220.
Джевоис, 171.
Джиллен см. Гиллен.
Джонсон, 45.
Доктуровский В., 159.
Дюбуа, Евгений.
Дюрст (Dürst), 180.

Е.

Ефименко, П., 142, 156, 159.

Ж.

Жирандо, 209.

З

Зелинский, 89.
Зигерт, 123.

И.

Иностранцев, проф., 221.

К.

Кагаров, 89.
Кант, 30.
Капитан (Capitan), 78.
Капп, 47.
Картальяк, 66, 155.
Каруп, 88.
Кейльгак, 159.
Келлер (Keller), Фердинанд, 201, 203, 212.
Кель, 167, 185.
Кизс (Keith), 41, 42.
Клаач (Klaatsch), 48, 54.
Кнабенганс, 119, 120.
Ковалевский, М. М., 213.
Колумб, 197.
Коммон, 40, 45, 46.
Коссина (Kossina), 142.
Конперс, 13, 115.
Кох-Грюнберг, 191.
Крэмер, 48.
Кук (Cook), 137.

Л

Лаланн, 62, 63.
Лампрехт (Lamprecht), 29.
Лартэ, 69.
Латам, 181.
Лёббок (лорд Averbury), 80, 99, 150.
Левассер, 210, 211.
Леви-Брюль (Levy Brühl), 90, 91.
Леманн (Lehmann), 201, 211.
Ленг, Андрию (Lang), 80, 81.
Леонгарди, 128, 129.
Лепехин, акад., 175.
Лонг, 80.
Лондон, Джек, 48.
Лоренс, 43.
Люблинская, Ида (Lüblinsky), 191.
Ляйэль, 31.

М.

Мадсен, 144.
Максимов, А. Н., проф., 121, 124, 213.
Малиновский, 115, 121.
Марр Н., 115.
Маррэтт (а не Марьет), 89, 90.
Мейер, 174.
Мелис, 143.

Мессикоммер (Mesikommer), 202.

Миллер (Miller), 42, 43.
Милль, Дж. Ст., 7, 90.
Монтелюс, 184.
Морган, Жак, де (Morgan de), 32, 120, 125, 126, 162.
Морган, Льюис., 9, 10.
Морэ, 211.
Мортилье (Mortillet), 12, 54, 55, 58, 70, 77, 78, 79, 99, 100, 109, 110, 154.
Мунро (Munro), 201.
Мюллер, Софус, 144.
Мэтьюс (Matthewes), 120, 128.

Н.

Навилль, 167.
Неймайр, 32.
Нидерле, 147.
Никольский, В. К., 114.
Ницше, 77.

О.

Обермайер (Obermauer), 37, 40, 43, 45, 47, 49, 50, 58, 62, 69, 71, 99, 100, 108, 140, 159, 162, 203, 208.
Осборн (Osborn), 33, 37, 39, 42, 43, 61.

П.

Пенк (Penk), 32, 33, 40, 44, 139.
Пейронн, 55.
Питтар (Pittard), 202.
Плиний, 214.
Покровский, М. Н., 176.
Помпелли (Pimpelly), 179, 180.
Прейсс (Preuss), 90, 95, 191.
Пьетт, 78, 104—108, 111, 152.

Р.

Ратцель, 219.
Рау, 205.
Рейнах, С., 45, 75, 76, 87, 100, 160.
Рейттер, 219.
Рейнке, 142, 167.
Ривере (Rivers), 125.
Рид Мойр, 38.
Рюто, 37, 40, 42.

С.

Сальмон (Salmon), 12, 166.
Саразен, 108.
Сараув (Sarauw), 100, 140, 143, 145, 153, 154, 159.
Свен Геддин, 157.
Селенка (Selenka) Эмиль, 35.
Селенка (Selenka) Леонора, 36.

Сен-Венан, 220.

Сен-Перье, 62.

Сернандер, 159.

Смит Вудвард (Smith Woodward), 41, 43.

Соллас (Sollas), 159.

Спенсер, В. (Spencer), 81, 83, 121, 122, 124, 127, 128.

Спенсер, Г., 80.

Старке, 138.

Стеенструп, 144.

Стрелов (Strehlow), 81, 122, 128, 133.

Т.

Тан (Богораз), 86, 90.

Тахтарев, 120.

Тацвт, 163.

Томас (Thomas), 115, 206.

Томпсон, 11.

Тэйлор, 20.

Ф.

Ферворн (Vervorn), 37, 38.

Ферсман, 33, 159.

Филиппенко, 179, 180.

Форрер (Forrer), 12.

Франк, 203.

Франше, 169.

Фрейдеберг (Фрейленберг), 38.

Фробениус (Frobenius).

Фрэзер (Frazer), 81, 90, 132.

Фукар (Foucart), 115.

Х.

Хвойко, В. В., 175.

Ц.

Цезарь Юлий (Caesar), 163, 203.

Ш.

Шетензак, 44, 70.

Шлиц (Schlitz), 167.

Шмидт, Мако, (Schmidt, M.), 186, 198, 199.

Шмидт, Г., (Schmidt, H.), 181.

Шмидт, Вильгельм, патер (Schmidt, W.), 49, 114, 155.

Шомбати, 62.

Шпенглер, 25, 26, 195.

Шумахер, 167.

Шурц (Schurtz), 71, 93, 133, 195, 217.

Шустер, 36.

Штейнен, К. (Steinen, K.), 71, 164, 182, 186—192, 194—198.

Э.

Эванс, 33.

Эвгемер, 80.

Эллиот Смитс, 42, 44.

4. Указатель (иностранный) авторов.

В.

Bayer (Байер), 169.
Begouen (Бегуан), 75.
Beth, Karl, 72.
Bonie (опечатка) надо Boule (исправить сноску на стр. 64).
Borchardt (Борхардт), 174.
Boule (Буль), 64.
Büchner Max (Бюхнер), 116.

С.

Caesar (Цезарь), 163.
Cook A. (Кук), 137.

D.

Déchelette (Дешелетт), 70, 77, 108.
D-shay s (Дере), 31.
Dio-Cassius, 163.
Draperneau, 20.
Dürst Ul. (Дюрст), 180.

F.

Fimmer (Фиммер), 174.
Fourcourt, 115.
Frazer (Фрэйзер), 81.

G.

Geer (de) (Геер), 158, 159.
Gillen (Гиллен), 124.

Н.

Hahn Fd (Ган), 210.
Haug (Or), 39.
Herodian, 163.
Hornes, (Гернес), 160, 220.
Howitt (Гоуитт), 122.

К.

Karutz см. Каруц.
Keith (Кита), 42.
Kossina (Коссина), 219.
Krause, 212.
Kupka см. Купка.

L.

Lamprecht (Лампрехт), 29.
Lang A. (Ленг), 81.
Laurence (Лоренс), 43.
L hmann см. Лемаан.
Levy-Brühl см. Леви-Брюль.
Lublinsky, Ida см. Люблинская.

M.

Mansuy, 170.
Menghin Osvald, 212.
Miller Миллер, 42.
(Morgan d.) (Морган де), 169.
Mortillet см. Мортилье.
Much, 178.
Munro (Мунро), 201.

N.

Niclasson, 159.

O.

Obermaier см. Обермайер.
Osborn (Осборн), 40, 42, 61, 108, 179.

P.

Pancretius Marie, 165.
Pittard, 202.
Pö-h, 206.
Polybius, 163.
Preuss (Прейссе), 91.
Pumpelly см. Помпелли.

R.

Rellini, 221.
Reuter, Fr., 219.
Riharz.
Riders (Риверс), 125.

S.

Schmidt, P. W. см. Шмидт Вильг., пater.
Schmidl, Marianna, 193.
Schultze, 80.
Schurtz (Шурц), 133.
Selenka (Селенка), 33.
Sollas (Соллас), 159.
Spencer, B. (Спенсер, Б.), 124.
Steinen, K. (Штейнен, К.), 71, 183, 194.
Strehlov, (Стрелов), 129.

T.

Tshumi, Otto, 212.
Thomas (Томас), 115, 165, 206

V.

Vouga (Буга), 205.

W.

Werth (Берт), 159.

X.

Xénophon, 163.

Список таблиц и рисунков.

	Стр.
Таблица 1. Археологическая классификация в предполагаемом хронологическом соотношении к геологическим, палеонтологическим и антропологическим явлениям В. А. Городцова — в конце книги.	
Таблица 2. Хронологическая классификация В. А. Городцова	12
Таблица 3. Геологическая классификация новой эры (к стр. 31—32) . . .	34
Таблица 4. Бюсты первобытных людей. Фиг. 1. Питекантроп (к стр. 36). Фиг. 2. Эоантроп (к стр. 42). Фиг. 3. Неандерталец (к стр. 56). Фиг. 4. Кроманьонец (к стр. 59—60). (Американская реконструкция).	
Таблица 5. Руководящие орудия донеолитических культур (А — орудия из камня. В — из кости).	
Рис. 1. Гравюры на гальке из ориньякского слоя стоянки Ребьер	61
Рис. 2. Барельеф женщины на скале Лоссель	62
Рис. 3. Барельеф мужчины на скале Лоссель	63
Рис. 4. Мадленский жезл начальника (трещотка) из пещеры Мас д'Азиль	70
Рис. 5. Эскимосская костяная пластинка	71
Рис. 6. Трещотка бороро	71
Рис. 7. Мамонт (гравюра на стене пещеры Комбарелл)	73
Рис. 8. Человек из пещеры Рошбертье	77
Рис. 9. Женская головка из слоновой кости из пещеры Брассампун . . .	77
Рис. 10. "Танцующие серны" с жезла начальника из убежища под скалой Меж	79
Рис. 11. "Икона" гюбра с наконечниками дротиков (черная фреска на стене пещеры Нио)	84
Рис. 12. Плоский гарпун (пещера Мас д'Азиль)	105
Рис. 13. } Раскрашенные камни. "Числовые" камни: „7“ и „30“ (пещера Мас	
Рис. 14. } д'Азиль	106
Рис. 15. "Алфавитный" камень (пещера Мас д'Азиль)	107
Рис. 16. Микролиты	109
Рис. 17. Гравюра лошади на роге благородного оленя из пещеры Ложери-Басс	110
Рис. 18. Пещерная гравюра лошади (пещера Мас д'Азиль)	110
Рис. 19. Стилизованная голова "внузданной" лошади	111
Рис. 20. Рост схематизации в изображении ко-ы (по Брейлю)	111
Рис. 21. Красные фрески. Стоячие и сидячие человеческие фигуры	112
Рис. 22. Бумеранг	116
Рис. 23. Австралийская чуринга (каменная)	130
Рис. 24. Деревянная чуринга австралийцев	135
Рис. 25. Австралийский орнамент: ящерица и летучая мышь	136
Рис. 26. Геологические карты Прибалтики (по де-Гееру): а) последнее оледенение, б) Иольдиево море, в) Иольдиево море, г) Анцилово озеро	138
Рис. 27. Прибалтийские ископаемые моллюски: а) иольдия, б) авцилус, в) литорина	139
Рис. 28. Орнамент Маглемозе	142
Рис. 29. Макролиты: топоры-резаки	146
Рис. 30. Микролит: долото	147

	Стр.
Рис. 31. Костяной гребень	147
Рис. 32. Черепки глиняной посуды из кухонных остатков	148
Рис. 33. Кампинийские макролиты: „мотыка“ и „резаки“	166
Рис. 34. Египтянка с зерноотеркой (статуэтка конца Древнего Царства)	168
Рис. 35. Священный бык (с пластины из слоновой кости Ахи-Менеса)	174
Рис. 36. Шлифовальный камень	184
Рис. 37. Подготовленный к полировке топор	184
Рис. 38. Полированный топор	184
Рис. 39. Изображение женщины-бакаври	198
Рис. 40. Изображение летучих мышей	198
Рис. 41. Каменный топор с рукояткой (свайные постр.)	204
Рис. 42. Полное сверление. Неоконченный каменный топор с углублениями с двух сторон (свайные постройкы)	205
Рис. 43. Полное сверление: каменные цилиндры и топор, начатый сверлением (свайные постройкы)	205
Рис. 44. Вешалка (свайные постройкы)	207
Рис. 45. Деревянный сосуд (свайные постройкы)	207
Рис. 46. Ивовая дубина (свайные постройкы)	207
Рис. 47. Ивовый лук (свайные постройкы)	207
Рис. 48. Наконечники стрел: костяной, кремневый (свайные постр.)	208
Рис. 49. Мотыка из оленьего рога (свайные постр.)	208
Рис. 50. Рогожи (свайные постр.)	208
Рис. 51. Гребень для чесанья льна (свайные постр.)	208
Рис. 52. Сети (свайные постр.)	209
Рис. 53. Глиняное грузило (свайные постр.)	209
Рис. 54. Ткани (свайные постр.)	209

Послесловие автора.

Первое издание этой книги печаталось в Москве почти целый год. Выйдя в свет в мае 1923 г., книга оказалась уже частично устарелой. Неожиданно для меня, однако, в конце июня потребовалось уже второе издание. В столь короткий срок, при отсутствии критических отзывов, еще не успевших появиться, невозможно было сделать большие исправления и дополнения.

В середине сентября, когда я был в санатории, издательство уведомило меня, что желает приступить к третьему изданию. Тем временем появились печатные отзывы. Мне в этом 3-ем издании удалось исправить отдельные промахи и переработать главы об австралийцах.

В виду многочисленных устных, письменных и печатных пожеланий о целесообразности возможно более полной библиографии, особенно на русском языке, вся моя энергия ушла в пополнение указателя литературы. Но библиографический материал по вопросам первобытной культуры оказался несоразмерно велик в сравнении с объемом самого очерка (на 222 стр. текста — более 60 стр. указателя). Такое соотношение ни с какой точки зрения нельзя оправдать. Остался один выход. Изъять совсем „указатель литературы“ из книги и выпустить его отдельной брошюрой. Может, это и удобнее для читателей. „Указатель литературы по первобытной культуре“, появится в продаже отдельной брошюрой одновременно с третьим изданием „Очерка“. Он содержит подробный перечень книг на русском языке (с кратким содержанием и критическим разбором). Перечень книг на иностранных языках дает лишь самое необходимое из новейшей литературы.

В. К. Никольский.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От редакции	5
Археологическая классификация. Введение проф. В. А. Городцова.	7
Очерк первобытной культуры.	
А. По следам первобытной культуры	21
Азбучные истины (21). По пути археолога (22). За этнологом (24). Культурный комплекс (25). Комплексный метод (27).	
Б. Силуэты донеолитических культур.	30
Хронология геологическая (30). Неудачные попытки абсолютной хронологии (32). Трудность вопроса (33).	
I. <i>Долимитическая эпоха</i>	35
Обезьяно-человек (35). Долиты (37). Непрозрачность первоисточников (38).	
II. <i>Археолитическая эпоха</i>	39
1. Ранняя пора	40
Стрепийская или дошелльская культура (40). Тайна зоантропа Дауссона (41). Мауерская челюсть (44).	
2. Средняя пора	45
Шелльская культура (45). Ручной ударник (45). Не тасманийцы (46). Гипотеза С. Рейнаха о ручном ударнике (46).	
3. Поздняя пора	46
Ашелльская культура (46).	
4. Итоги археолита	47
Были и люди, и орудия (47). Гипотезы о происхождении орудий (47). Неведомое (48).	
III. <i>Мезолитическая эпоха</i>	50
Крапинская культура (50). Сколотая техника (51). Изобретение огня (52). Великое оледенение (53). Пещерники троглодиты (53). Погребения (54). Неандертальская раса (55).	
IV. <i>Палеолитическая эпоха</i>	58
1. Ранняя пора	58
Ориньякская культура (58). Отжимные орудия (59). Костяные изделия (59). Новые расы (59): а) Кроманьонцы (60). б) Неандерталоиды и родезиец (60). в) Раса Гримальди (61). Первые памятники искусства (61). Бушмены (64).	

2. Средняя пора	67
Солотрейская культура (67).	
3. Поздняя пора	68
Мадленская культура (68). Жезлы начальника, как трещотка (70). Мадленцы и эскимосы (72). Мадленское искусство (73). Открытие пещерного святилища Бегуаном (74). Особенности пещерной иконописи (75). Танцующие маски (78). Мироощущение палеолита (79). Прототемизм (80). Магия (колдовство) симильная и парциальная (82). Магическая логика палеолита: а) Витализм (85), б) Динамизм (86). в) Табу и погребение (87). г) Метаморфизм (88). Доанимизм (89). Доанимизм и хозяйство палеолита (91).	
В. Неолитическая эпоха	97
Переворот в природе (97). Суммарная характеристика неолита (98). Геогия перерыва и восточный мираж (99). Неолитическая перспектива (100). Интуитивная классификация (101)	
I. Протонеолит	104
1. Азильцы	104
Раскопки в Мас д'Азиль (104). Загадка плоских гарпунов и раскрашенных галек (106). Азильское погребение (107). Распространенность азильцев (108). Путь к символическому искусству (109).	
2. Австралийцы (Азильские антиподы)	112
Исторический подход (112). Переходный хозяйственный быт (116). Тотемическое (дороговое) общество (118): доиндивидуальный групповый брак (121), классификационная система родства (126), половозрастные разряды (126), распад тотем-связей (127). Дологическая душа (128): а) внедрение анимизма (128), б) мощь колдовства (129), в) тайна чуринг (130), г) общественное волшебство (131), г ₁) интихума (131), г ₂) бора (132), г ₃) погребение (133), д) „дологическая“ парциальная мысль (133), е) искусство исканий (135). Конвергенция австралийской и азильской культур (136).	
3. Люди из Маглемозе (азильцы Восточной Европы)	137
Отступление ледников в Прибалтике (137). Стоянка в Маглемозе и приручение собаки (140). Появление макролитов (141). Значение Маглемозе (142).	
4. Культура кухонных остатков	144
Эпоха литорины (144). Открытие куч раковин (144). О чем говорят пищевые отбросы? (145). Жилища живых и мертвых (147). Глиняные черепки (148). Изобретение глиняной посуды (148). Огнеземельцы (149). Ложно-сравнительный метод (150). Начало оседлости (151). Значение рыбаков кухонных остатков (152).	
5. Итоги протонеолита	153
Последнедиконская эпоха (154). В преддверии хозяйственного переворота (160). Тотемическое общество и доиндивидуальный (групповой) брак (162). Фрагменты духовной жизни (164).	
II. Пора полированных орудий	166
1. Культура землянок	166
1-а. Кампинийская яма	166
Что в ней нашли (166). Спор о черепках (166). Земледелие появилось! (167). Кампиньян, как финал протонеолита (169).	

	Стр.
1-б. Симбиозное хозяйство	170
Землянки (170). Тотемическая родословная симбиозного хозяйства (171). Лесное земледелие в неолитической Европе (174). Теория заимствования с Востока (176). Что дают раскопки в Анау? (179). В защиту полигенизма (182). Полированные орудия (184). Деревни (185).	
2. Бакайри (Южные америнды)	186
В Центральной Бразилии (186). Первая деревня бакайри (186). Женский (матронимный) род (188). Вопрос о матриархате (188). Что такое „кувада“ (189). Вторая деревня бакайри (190). Зачатки анимизма (191). Символическое искусство (192). Парциальная арифметика (193). Третья деревня (195). Новая вторая деревня бакайри (198). Бакайри и культура землянок (200).	
3. Укрепления на воде и суше	201
3-а. Палафитты (свайные постройки)	201
Открытие свайных построек (201). Две группы палафитт: а) свайные (202), б) плотинные (203). Усовершенствование обработки камня (204). Свайные постройки (205). Лодка однодеревка (206). Происхождение лодки (206). Инвентарные мелочи (207). Такакие изделия (208). Формы хозяйства свайных людей (209). Критика теории Левассера (210). Распространенность палафитт (211). Неолитические кладбища в Швейцарии (212). Общественный строй людей палафитт (212). Теория происхождения палафитт (213). Палафитты Междуречья и Египта (215).	
3-б. Городища	216
Укрепления на суше (216). Начало менового хозяйства (217). Халколит, как финал первобытной культуры (221).	
1. Указатель (русский) предметов	223
2. „ (иностраный) „	231
3. „ (русский) авторов	232
4. „ (иностраный) „	235
Список таблиц и рисунков	237
Послесловие автора	239

Археологическая классификация
въ предполагаемых хронологических соотношениях къ геологическим
палеонтологическим и антропологическим явлениям
В. А. Горбачова.

[illegible]

Таблица 4.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 3.

Фиг. 4.

Бюсты первобытных людей (американская реконструкция):

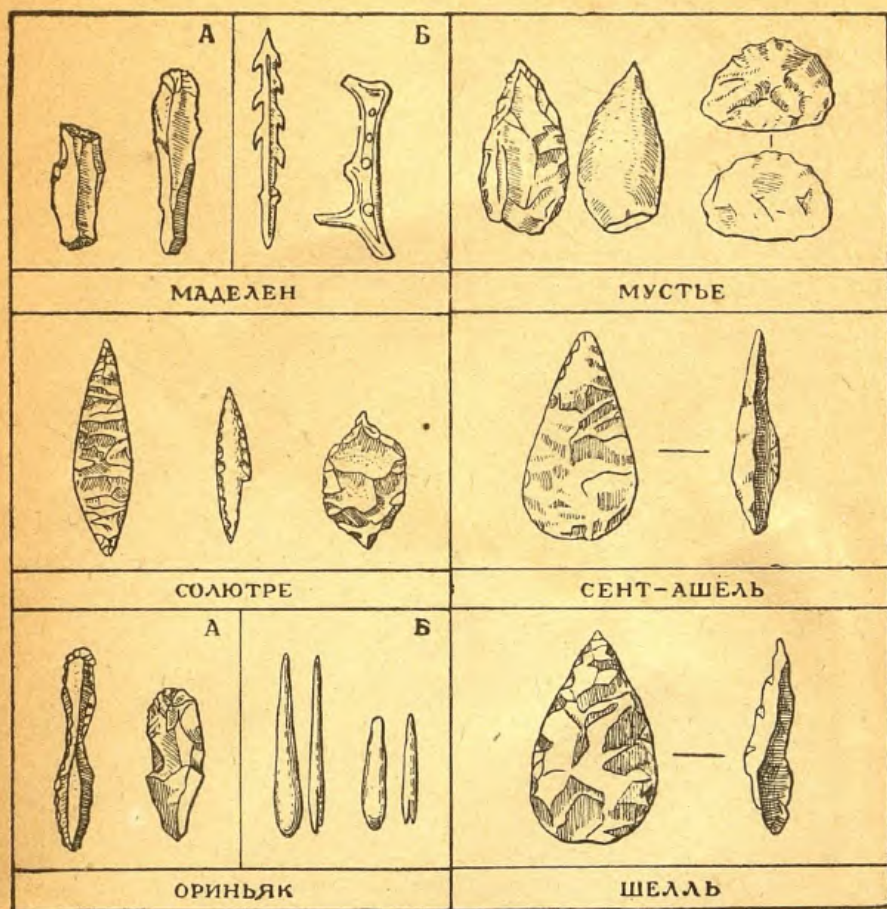
Фиг. 1. Питекантроп, к стр. 36.

Фиг. 2. Деантроп, к стр. 42

Фиг. 3. Неандерталец, к стр. 56.

Фиг. 4. Кроманьонец, к стр. 59—60.

Таблица 5.

Руководящие орудия донеолитических культур (А—орудия из камня, Б—из кости). Из книги: Жуков В. С. Происхождение человека. Москва — Петроград, изд. Л. Д. Френкель, 1923, стр. 91, рис. 34.